

Крис
Брэдфорд

Пророчество души

cbj

Когда родителей Дженны убивают, полиция называет это кражей, которая пошла не так. Но Дженна знает правду: Охотники вернулись, и ее кошмар не закончился.

Дома опасно, и она убегает в Америку на поиски Феникса, ведь только он может ей помочь — так она думает. Пока она ищет своего Защитника, она встречает других, как она, и Воинов, защищающих Свет.

Но Охотники преследуют ее, и вскоре Дженна снова сталкивается с их лидером. Танас чудом переродился в новом теле и жаждет ее душу.

Дженна должна увидеть свои прошлые жизни, чтобы выжить. Но как ей одолеть Танаса, когда зло никогда не умирает?

Крис Брэдфорд

Пророчество души

(Душа — 2)

Перевод: Kuromiya Ren

Тьма, что была когда-то, будет снова. Свет отбрасывает тень, а Тень — выделяет Свет...

Пророчество Души

ПРОЛОГ

Лос-Анжелес, настоящее время

Сирена выла, огни сверкали, скорая неслась между машин, а калифорнийское солнце садилось за парком Хантингтон. Машина резко повернула к обочине, дверцы открылись, и два медика выскочили.

На тротуаре лежало тело.

Медики прошли сквозь толпу зевак, окруживших его, и приблизились к крепкому мужчине в чистом костюме и темных очках, который прижимал ладони к груди жертвы. Кровь текла между его пальцев.

— Алекса подстрелили! — рявкнул мужчина, его лицо со щетиной было отчаянным, но решительным.

Одна из медиков, девушка с медными волосами, собранными в хвост, и бейджиком с именем БЕЙЛИ села на колени и стала оценивать рану. Отпустив грудь Алекса, мужчина в костюме отодвинулся, давая медику выполнить работу.

— Одна рана входа и выхода... калибр девять миллиметров, наверное... большая потеря крови... Нужны плотные бинты и вентилируемые клапаны.

Другой медик, мужчина старше с короткой бородой и бритой головой и бейджиком КАРТЕР порвал пакет стерильных повязок и стал обрабатывать раны.

— Алекс, ты меня слышишь? — спросила Бейли, но ответа не было. Она проверила признаки жизни, пока ее напарник вставлял капельницу и вводил жизненно важные вещества. — Пострадавший уже не дышит, — сказала она и тут же приступила к сердечно-легочной реанимации.

Картер вытащил портативный дефибрилятор из сумки и прикрепил электроды к груди жертвы. Как только прибор ожил, монитор запищал быстро, в неровном ритме.

— Остановка сердца, — сказал Картер. Огонек вспыхнул красным, и он предупредил. — Назад!

Бейли убрала руки, дефибриллятор подал ток. Тело Алекса дернулось, но линия на мониторе все еще двигалась бесконтрольно... а потом стала ровной. Монитор издавал зловещий гул, медик спешно продолжила сердечно-легочную реанимацию...

Алекс смотрит на борьбу за жизнь сверху почти с безразличием — словно это происходит с кем-то другим. Мужчина в синем костюме и солнцезащитных очках, похоже, переживает больше всех. Он быстро говорит по телефону, его небритое лицо напряженное и встревоженное. Как его зовут? Клив? Нет... Клинт!

Но, в отличие от Клинта, Алекс уже не чувствует боль, тревоги или заботы. После всей борьбы в жизни это отрешенное спокойствие... даже приятное. Связь между телом и душой теперь лишь серебряная нить в сгущающейся тьме.

Алекс смотрит, как два медика быстро работают, чтобы оживить пострадавшего, и теплый яркий свет появляется в конце длинного туннеля. Алекс покидает тело на тротуаре и парит по туннелю, привлеченный светом. Серебряная нить, соединяющая тело с душой, становится все тоньше...

— Адреналин! — приказала Бейли, и ее напарник порылся в сумочке, искал шприц. — Скорее... или мы потеряем пациента!

Вдали приближался со всех сторон вой сирен полицейских машин, Бейли продолжала давить на грудь и делать искусственное дыхание. Картер выбрал вену, снял со шприца крышку и ввел стимулятор, чтобы завести сердце...

Сцена на тротуаре тает, краски и звуки приглушаются, и два медика с их пациентом — беззвучный черно-белый фильм, мерцающий вдали. Алекс летит все дальше по туннелю, белый свет становится ярче с каждым мигом.

Но в конце туннеля длинная тощая тень преграждает свет.

Алекс медлит, не узнавая вдруг появившуюся душу.

«Ау? Я тебя знаю?»

«Нет, — раздается резкий ответ. — Но твоя смерть — мое начало».

Двигаясь до ужаса быстро, тень устремляется вперед, поглощая весь свет, удушая душу Алекса липкой тьмой...

— Ответа нет, — сообщил Картер после второго укола адреналина.

Уставшая и без вариантов, Бейли бросила сердечно-легочную реанимацию и объявила, что пациент умер. Мужчина в костюме выругался и бросил телефон на землю в порыве гнева и горя.

А потом, когда Картер отсоединил дефибриллятор, на мониторе появился тихий писк.

— Погоди, сердце бьется...

1

Санкт-Петербург, Россия, 1904

— А теперь, дамы и господа! — кричал инспектор манежа. — Выступление, которого вы ждали... Известная, Поразительная, Феноменальная... Елена, Летящая Жар-птица!

Под громкие аплодисменты я выбежала на арену цирка. Мои шипы из рыжих, как огонь, волос и блестящий костюм привлекали взгляды. Дмитрий в серебряном трико был рядом, мы сделали колесо, подпрыгнули и выполнили сальто в унисон, приземлились в центре ринга. Толпа вопила и свистела, инспектор манежа крикнул им замолчать.

— Приготовьтесь к потрясению от смелых трюков, — выпалил он. — На этой арене вы увидите множество опасных препятствий. Стену ножей! Яму стекла! И знаменитые Пылающие кольца Ада! Наша Жар-птица должна пройти их и выжить!

Дмитрий взял горящий факел и зажег кольца на железных стойках, пятое и последнее кольцо было таким маленьким, что мое тело едва пролезало в него. Обжигающий жар колец заставил первый ряд отклониться, но остальные придвинулись к краям сидений, пока я готовилась к смертельному испытанию.

Я посмотрела на первое препятствие впереди — стену из ножей, их кончики торчали из вершины, как ряд зубов акулы. Глубоко вдохнув, я побежала к барьеру, взмыла в воздух. Я подогнула ноги и исполнила аккуратное сальто над сияющими остриями, безопасно приземлилась на другой стороне.

Зрители едва успели захлопать, я побежала к следующему препятствию — траншее с битым стеклом, над которой висели три параллельные перекладины. Я оттолкнулась от деревянного трамплина, взлетела, схватилась за первую перекладину и сделала сальто, а потом прыгнула на вторую перекладину. Тут я исполнила пируэт и перелетела на третью перекладину, разогнавшись, встала на руках. Теперь толпа успела похлопать. Я замерла над морем стекла, лежащим подо мной, желающим пронзить мою белоснежную кожу, если я упаду. После пары секунд я опустилась из стойки на руках и с сальто улетела от ямы.

Меня ждало последнее испытание, Пылающие кольца Ада — такой цирковой трюк не выполнял ни один акробат мира. Жар был таким сильным, почти опалял мою кожу, пока я ловкими прыжками и перекатами миновала кольца по очереди. Самое маленькое требовало всех умений, чтобы нырнуть в него и не сгореть. Я не успела перевести дыхание, и Дмитрий подбросил последнее кольцо огня в воздух, и с изящным прыжком я сделала сальто через него, приземлилась рядом с ним, широко раскинув руки.

Толпа была на ногах, вопила и хлопала. Я впитала аплодисменты, мой взгляд привлекла хмурая женщина в первом ряду. Она сидела неподвижно, глядела на меня, ладони лежали на коленях, только ее не впечатлило мое храброе выступление. Но не отсутствие восторга беспокоило меня.

Дело было в ее глазах.

Кромешно черных и до ужаса пустых.

— Эй, ты в порядке? — шепнул Дмитрий, заметив мою тревогу.

— Д-думаю, я увидела Охотника, — тихо ответила я.

— Где? — Дмитрий вдруг встревожился, тело напряглось, как у тигра.

Я оглянулась на зрителей, но женщина теперь хлопала, ее глаза были бледно-зелеными. Я заморгала. Дело было в огне от колец, слепящем меня?

— Нет... я ошиблась, — неуверенно сказала я.

— Елена, не переживай, — мягко сказал Дмитрий, опуская ладонь на мою руку. — Мы скрывались и переживали последние полгода. Танас и его Охотники уже далеко...

— ДАМЫ И ГОСПОДА! — прогремел инспектор манежа, аплодисменты утихали. — Приготовьтесь поразиться сильнее, наша огневласая Летящая Жар-птица теперь взойдет на Трапецию Ужаса, отрицая смерть! — он указал на две перекладины, висящие над головами у всех.

Зрители подняли взгляды, Дмитрий притянул меня ближе и шепнул на ухо:

— Но после представления мы ляжем на время на дно. Мы всегда можем перейти в другой цирк, — он подмигнул искрящимися голубыми глазами и пошел к веревочной лестнице, умело взобрался под потолок циркового шатра.

— Заметьте, дамы и господа, — зловеще объявил инспектор, — страховки нет! Малейшая ошибка Елены будет означать ее СМЕРТЬ!

Он взглянул на меня, гадая, почему я еще стояла на манеже. Я широко улыбнулась толпе, скрыв тревогу из-за возможного Охотника за душами в толпе, подбежала к другой веревочной лестнице. Я забралась на небольшую платформу, где, высоко и далеко от других, отогнала страхи и приготовилась к трюкам.

Дмитрий висел вниз головой, уцепившись ногами за перекладину, легко покачиваясь.

— Готов! — крикнул он, указывая, что готов ловить.

Я сжала перекладину и прыгнула с платформы. Я летела по воздуху, свободная и далеко ото всех, это восхищало, и я быстро забыла о тревогах. Я забыла о Танасе и его жажде забрать мою душу. Я отпустила постоянный страх, что меня раскроют его Охотники. Я отпустила панику из-за женщины с черными глазами...

Я добралась до вершины дуги во второй раз, отпустила перекладину и закрутилась в воздухе, исполнила тройное сальто, а потом Дмитрий поймал меня за руки. Мы раскачивались, я взлетела на свою перекладину, исполнила два раза пируэт. Толпа громко хлопала внизу. Я ловко приземлилась на свою платформу, взглянула вниз и помахала, а потом застыла. Даже на такой высоте я видела, что несколько людей среди зрителей не двигались, их холодные черные глаза глядели на меня.

Но я не успела ощутить ужас, зрители засмеялись.

— Что такое? — завопил инспектор манежа.

Клоун с дикими оранжевыми волосами ворвался на манеж. Он прошел к Стене ножей и большой ладонью в белой перчатке проверил кончик клинка. Воя в наигранной боли, клоун затряс раненой рукой, брызнув на людей в первом ряду фальшивой кровью. Толпа засмеялась сильнее.

Дмитрий летел ко мне, раскачиваясь, и я услышала его крик:

— Почему Гретто ворвался на наше выступление? — я не знала.

Гретто посмотрел на меня. Его лицо было выкрашено в белый, его фальшивый нос был красным и круглым, как волдырь, и его губы были растянуты в жуткой улыбке. Но его угольно-черные глаза вызвали у меня ужас.

— Это не Гретто! — завопила я. — Это Танас!

Демонический лидер Воплощенных продолжал играть роль клоуна. Выбрав пару ножей на стене, он стал жонглировать ими, пока шел к моей веревочной лестнице. Зрители смеялись, захлопали и снова засмеялись, пока он играл с ножами, делая вид, что терял пальцы.

Но мы с Дмитрием знали, что это была не игра. Намерения клоуна были ясными. Зажав в зубах оставшийся нож, Танас поднимался по веревочной лестнице, как ядовитый паук.

— Ко мне! — крикнул Дмитрий, раскачиваясь в мою сторону.

Пару секунд я могла лишь стоять и глядеть в панике на клоуна с черными глазами, спешащего ко мне. Как он нашел нас? Мы рисковали жизнями, пересекая Сибирь, чтобы уйти от него подальше. Мы не видели Дозорных или Охотников месяцами. Мы изменили имена, внешний вид, меняли местоположение почти каждую неделю...

— ЕЛЕНА! — закричал отчаянно Дмитрий.

Его голос помог. Я повернулась и прыгнула с платформы. Но первая попытка не позволила дотянуться. Перекладина уже возвращала меня, когда Танас забрался на платформу. Он потянулся к моим ногам, но я пнула его и полетела над пустотой. Миг Танас шатался на краю платформы, махал руками, пытаясь вернуть равновесие. Толпа хохотала,

считая это частью выступления.

— Готов! — крикнул Дмитрий, вытянув руки, чтобы ловить.

Но я не могла. Танас сбил меня, и мы не двигались синхронно, я не могла отпустить перекладину, боясь упасть. Я вернулась к платформе. Танас ждал, вернув равновесие. Его красные губы мерзко улыбались, нож был сжат в правой ладони в перчатке.

— Иди к Гретто! — сказал он, тон был искажен, как и улыбка.

Но, пока я летела к нему, Танас не попытался схватить меня снова. В этот раз он махнул ножом. Я повернула тело, убрала ладонь с перекладины. Клинок пролетел на волосок от меня, но задел веревку с одного края перекладины!

Я барахталась в воздухе, зрители охнули в ужасе. Изо всех сил я впилась в перекладину и качнулась в сторону Дмитрия. Он был готов ловить, вытянул руки, растопырил пальцы.

— Доверься мне! — кричал он. — Твоя жизнь с моей, как всегда.

Но, когда я прыгнула к его вытянутым рукам, надрезанная веревка лопнула, перекладина упала. Я завизжала в ужасе. Я увидела, как Дмитрий повис на ступнях вместе с колен на своей перекладине. Он тянулся. Его ладони были почти у моих...

Наши пальцы соприкоснулись...

Но я выскользнула из его хватки и полетела к земле.

2

— Я падаю... падаю... без конца... подо мной нет земли... только жуткая черная пустота...

Щелчок пальцев, и мои глаза открылись. Сердце колотилось, я быстро и неглубоко дышала.

— Успокойся, Дженна, — говорил нежный голос. — Ты в безопасности.

Я нервно огляделась. Я лежала на кожаном диване в светло-зеленой комнате, солнце проникало через бамбуковые жалюзи. Высокая розовая орхидея цвела в углу, а на дальней стене висела в рамке картина снежной горы со словами: «Ты не знаешь, насколько ты силен, пока не остается только быть сильным».

— Это было интересно, Дженна. Скажи, как ты себя чувствуешь? — спросил мужчина с русыми волосами. Он сидел в кресле напротив моего дивана, глядя на меня поверх очков в проволочной оправе. На его коленях лежал блокнот, его тонкие пальцы сжимали серебряную авторучку.

— Эм... немного растеряна, — ответила я, сев. Мой разум очищался, и я вспомнила, что была на сеансе посттравматической терапии с доктором Ларссоном в его клинике в западной части Лондона.

*— Это понятно, — тепло сказал он. — Для тех, кто поддается гипнотерапии, опыт может быть очень сильным, но это и эффективное лечение, конечно. Теперь ты видишь, что эти прошлые жизни — ты зовешь их *Проблесками* — то, что создает твое подсознание?*

Я нахмурилась, потрясенная первым опытом с гипнозом.

— Я все это выдумала?

Мой терапевт кивнул.

— Но я никогда не была цирковой акробаткой, как и не была в России! — возразила я.

— Твое подсознание работает образами, — объяснил доктор Ларссон. — Помнишь, перед тем, как я ввел тебя в транс, мы говорили о твоих тренировках гимнастики? Вполне возможно, учитывая твой успех на школьных состязаниях, что в твоём разуме ты сравнила себя с акробаткой. Ты была раньше в цирке?

— Да, но давно, когда была еще маленькой, — сказала я.

— Вот, — он улыбнулся. — И ты говорила, что читаешь много исторических романов. В твоей коллекции есть какой-то о России?

Я представила стеллаж в своей спальне.

— «Анна Каренина» Толстого. Там действие в... Санкт-Петербурге... — я утихла. Я доказывала этим его слова.

Доктор Ларссон склонился в кресле.

— Дженна, прошлые жизни, которые якобы у тебя были, вызваны твоим разумом, чтобы справляться со стрессом. Тут нечего стыдиться. Любой, прошедший то, что пережила ты, нашел бы способ справляться. И ты отлично справлялась.

Мое горло сжалось, горячие слезы покалывали глаза, я вспомнил нападение Дамиен и его банды в парке в Лондоне, как он пытался похитить меня для своего «господина» Танаса, и как тот злой жрец чуть не убил меня в ужасной церемонии жертвоприношения. Даже сейчас, полгода спустя, я ощущала горечь зелья, которое Танас лил мне в рот, и жуткое разделение тела и души в ритуале, вспоминала свой ужас, когда он попытался вырезать мое сердце древним нефритовым ножом. Дрожь пробежала по мне от кошмарных воспоминаний.

Доктор Ларссон передал мне платок, и я протерла глаза.

— Можешь продолжать? — спросил он.

Я кивнула.

— Просто сложно, когда я думаю о гробнице.

Его карие глаза смягчились с сочувствием.

— И так будет какое-то время, — сказал он. — Но ты прошла долгий путь, Дженна. Ты крепче и выносливее, чем испуганная и растерянная девочка из нашей первой встречи. Видение с цирком доказывает твой опыт.

— Как? — спросила я.

Доктор Ларссон отклонился в кресле.

— Яркость сна — результат напряженных эмоций, связанных с травмой. Как я уже указал, на место повлияло то, что ты читаешь, детские воспоминания о цирке и твой талант к гимнастике. По нашей прошлой сессии и сегодня видно, что, будучи гимнасткой, ты считаешь себя самой сильной и способной. Твоя роль акробатки в видении — положительный ментальный сдвиг от видения себя жертвой до выжившей, а скоро ты станешь процветающей.

Я села прямее на диване, ощущая силы, чего не было уже давно.

Доктор Ларссон взглянул на свои записи.

— Мальчик, Дамиен, уже не приходит в твои мысли, если он не был представлен хмурой женщиной из первого ряда. Но, даже если это так, он — просто наблюдатель, уже не активный участник. Важнее то, что ты стала превращать свой величайший страх — Танаса — в нечто смешное, в клоуна.

— Он все еще ужасал, — возразила я.

— Да, — признал терапевт. — Но зрители смеялись *над* ним, и ты активно отбивалась. Это еще положительный признак прогресса. И парень, который, по твоим словам, спас тебя...

— Феникс, — перебила я, улыбка тут же расцвела на моих губах. Я представила длинные волны его каштановых волос, высокие скулы и мудрую улыбку. Лучше всего я

помнила его необычные искрящиеся глаза, синие, как сапфиры, на его оливковой коже. Феникс Риверс, латиноамериканец из Аризоны, который звал себя Защитником Души. Он рисковал жизнью, чтобы спасти меня.

Доктор Ларссон грустно улыбнулся.

— Да, Феникс. Похоже, он воплотился в Дмитрие. Он хотел тебя поймать, но не смог...

— Феникс спас меня, — пылко сказала я. Даже сейчас я защищала его, хотя якобы его ролью было защищать меня. — В этой жизни и других Проблесках — то есть, видениях.

— В том и дело. Но в этом цирке он не смог, — напомнил терапевт. — И я считаю это хорошим знаком. Может, твой разум отпускает прошлое.

Я отклонилась на диване, мягкая кожа баюкала меня, пока я смотрела на потолок и впитывала оценку доктора. За прошлые месяцы я так боролась с его словами, верила в свою правду и то, что я испытала с Фениксом. Но со временем и терапией я начала видеть то, что произошло, и как оно поменяло меня и мою хватку на реальности. Боль и травма таяли, как и мое влечение к идее о прошлых жизнях. Может, я все выдумала.

— Но это кажется реальным, — сказала я.

— А сон не кажется реальным, пока ты спишь? — спросил доктор Ларссон. — И, уверяю, эти видения не реальнее сна.

— Возможно... но сны тают, — сказала я, — а эти Проблески остаются в моем разуме как воспоминания.

Доктор Ларссон задумчиво постучал ручкой по блокноту.

— Кроме этого видения, за прошлые полгода были другие?

— Нет, — призналась я, в голосе звучало разочарование. Хоть они пугали яркостью, часто были жуткими, Проблески и утешали меня, словно я возвращала отсутствующую часть себя. — Последнее было, когда я попрощалась с Фениксом в аэропорте.

— Это намекает на две вещи, — сказал доктор Ларссон. — Первое: видения вызваны состоянием повышенных эмоций или сильного стресса. Второе: этот мальчик Феникс, который убедил тебя, что эти видения были прошлыми жизнями, влияет и внедряет их, как я вызвал через гипноз русский цирк.

Я прикусила язык, чтобы не начать сразу защищать Феникса. Доктор говорил убедительно. Я не могла отрицать, что синие глаза Феникса очаровывали. Да, самые сильные и ранние Проблески произошли, когда мы смотрели в глаза друг другу. И я не могла игнорировать факт, что у меня не было Проблеска с тех пор, как он вернулся в США. Я гадала, гипнотизировал ли меня Феникс, почти поверила в это.

— Думаю, вы правы, — сдалась я, вздохнув, вес пропал с меня. — Ваши слова о моем подсознании, справляющемся с травмой, имеют смысл — точно больше смысла, чем верить, что у меня было много жизней!

Доктор Ларссон закрыл блокнот и отложил.

— Что ж, Дженна, у тебя прекрасный прогресс. Я посоветую твоим родителям сократить сессии до одной в месяц.

Ощущая прорыв, я свесила ноги с дивана.

— Спасибо, доктор, за помощь.

Он указал на меня серебряной ручкой.

— Нет, ты сама помогла себе.

Шагая легче, чем когда я входила в его кабинет, я прошла к двери. Но на пороге я замерла, повернулась к нему в поисках последнего подтверждения.

— Так я... просто выдумала прошлые жизни?

Доктор Ларссон снял очки и пристально посмотрел на меня.

— Как профессионал, я думаю, что да, — сказал он. — Но это не плохо, Дженна. Так ты смогла выжить.

3

— Мы так тобой гордимся, — сказала мама, папа отъезжал от клиники на нашем серебряном Вольво. Мама повернулась на сидении, коснулась нежно моего колена. — Я не думала, что мы вернем нашу Дженну, — признала она, слезы выступили в ее голубых глазах. А потом нежная улыбка согрела ее лицо, как луч солнца на снегу.

Я сжала ее ладонь, убеждая, что ее дочь вернулась. Но я не смогла сказать это вслух. Я оправилась от худшего, но была не такой, как раньше, и не буду. Как шрам, раны на моей психике зажили, но не пропадут полностью. И, хоть я приняла, что Проблески были созданы моим подсознанием, я не могла забыть их.

Но теперь идея, что я — переродившаяся душа из начала человечества — Первый Предок с заданием нести Свет Человечества, как говорил Феникс — казалась странной. Как и мысль, что была сеть Воплощенных по всему миру — Охотников и Дозорных — которые искали меня, чтобы их лидер, Танас, мог вырвать мою душу и погасить этот «Свет». Я улыбнулась от глупости этого. Я думала об объяснении Феникса в убежище, что я должна была доверять инстинктам, а не словам чужака.

Папа взглянул в зеркало заднего вида и поймал мой взгляд.

— Мы так рады, что ты выполняла программу, Джен, — сказал он. — Знаю, тебе было не просто. Нам тоже было не просто. Но мы, как семья, справились.

— Спасибо, папа, — ответила я, думая о жертвах, которые они сделали: множество поездок по Лондону на мои сессии, бессонные ночи, когда они утешали меня после кошмаров, часы отчаянных поисков способа исцелить мою травму, их беспомощность, пока они смотрели, как я разваливалась раз за разом, оба не знали, что делать. — Простите...

— Нет, не нужно, — перебил папа. — Жизнь проверяет нас. Но помни, Дженна, когда ты идешь по горе, ноги становятся сильнее. И ты вышла из этой проблемы сильнее и крепче, чем раньше. Что за испытания ни ждали бы тебя в будущем, ты будешь лучше к ним готова, — он гордо улыбался мне в зеркале. — В моих глазах — хоть ты всегда будешь моей маленькой девочкой — ты растешь хорошей молодой женщиной.

Я ощутила сияние в сердце от его слов. Мои родители были радостными, искренне улыбались, и это радовало. Они так долго были напряжены и в стрессе, не могли скрыть страх, что моя травма была неизлечима, и я вот-вот погружусь в депрессию. Но месяцы лечения помогли, и вся семья будто исцелилась со мной. Может, теперь мы сильнее сблизились.

Мама взглянула на меня, ее глаза мерцали.

— В честь твоего выздоровления у нас сюрприз, — сообщила она.

— Что? — я рьяно наклонилась вперед.

Она драматично постучала по панели приборов и сообщила:

— Мы-ы-ы-ы... отправимся на Барбадос!

Я миг пялилась на нее, осознавая новость, а потом завопила:

— *Барбадос!*

Папа кивнул.

— Да, на две недели, и мы увидимся там со всей моей семьей, — сказал он, улыбаясь

так же широко, как я. — Твой прадед хочет тебя увидеть, как и другие родичи.

— Я снова увижу Папаю! — радостно завопила я. Когда мы были на Барбадосе в прошлый раз, я была крохой, не могла выговорить «прадедушка», и я звала его Папая, кличка приклеилась. Папа часто говорил о возвращении к корням, но у нас не было денег. Я хмуро посмотрела на него. — Но я думала, мы не можем позволить такой отпуск... особенно после дорогого лечения, — все во мне сжалось от стыда. Я заметила счет врача, когда папа платил, и сумма была солидной.

Мама отмахнулась от моих тревог.

— Жизнь слишком коротка, чтобы все время переживать из-за цены, — ответила она. — Произошедшее напомнило нам об этом. И мы решили взять немного из отложенного, — она взглянула в лобовое стекло на серый дождь снаружи, — как раз на такой день, как этот!

— Когда мы отправимся? — спросила я.

— Через выходные, — ответил папа. — Я уже забронировал билеты на самолет и подтверждаю их покупку, когда мы попадем домой.

— Мы все заслужили этот отпуск, — сказала мама, тепло хлопая папу по ноге, целуя его в щеку. — Милый, мне понадобится новый купальник.

— Конечно. Мне нужны новые плавки! — он рассмеялся, остановился на светофоре.

Пока родители весело болтали, я отклонилась на спинку и глядела в окно на дождь и проезжающие машины. Мое отражение глядело на меня, задумчивое лицо, обрамленное светло-каштановыми кудрями. Я все еще выглядела как подросток с гладкой кожей, но я знала, что мои ореховые глаза заметно постарели. Они казались, старше, мудрее, уставшие от мира. Я вгляделась... но голубые искры не появились, как в зеркале в кафе, когда я была в бегах с Фениксом. Моя янтарная кожа, смесь цвета кожи родителей, скрывала усталость, которую я ощущала внутри. После сессии терапии я всегда была слабой, и сегодня это больше ощущалось. Но мысль об отдыхе на Барбадосе взбодрила меня. Теплое солнце, золотой песок и чистое море — такая терапия была мне сейчас нужна. Улыбка озарила мое лицо от мысли, что я буду снова среди большой семьи, и я невольно потянулась к амулету на шее.

Я потянула за тонкую золотую цепочку, вытащила Сторожевой Камень, который Феникс дал мне. Этот амулет спас мне жизнь в ритуале Танаса, так я думала тогда. Но его сила — если она была — теперь не работала, круглый голубой камень пересекала трещина. Только это осталось у меня от Феникса, и я хранила амулет с тех пор, как он улетел в США. Даже если я все выдумала о прошлых жизнях, я не выдумала связь между мной и Фениксом. Она была настоящей... да?

Но почему тогда он не связался со мной? Я знала, что он не доверял технологиям, у него не было мобильного, но он мог хоть прислать письмо. Феникс сказал, что возвращался в дом во Флагстаффе, Аризона, или будет на пляже в Лос-Анжелесе. Но эти места не были посреди пустоты. Если я была для него важна, он прислал бы сообщение, что добрался невредимым.

Я тяжело вздохнула, болезненное осознание ударило меня. Если мои прошлые жизни были фантазией, может, и наша связь была такой. Раньше терапевт казал, что мое влечение к Фениксу было результатом Стокгольмского синдрома, и что мои положительные чувства к нему были средством выживания в той ситуации. Может, он был прав и в этом...

Я повернула цепочку на шее. Я думала выбросить амулет в окно, но не хотела тревожить

родителей таким поведением. Я убрала кулон в задний карман джинсов.

Пора было жить дальше.

Думая об отдыхе на Барбадосе, я выдавила улыбку и представила, как увижу Папаю, побываю в объятиях, и мы будем болтать...

Машина загудела, отвлекая меня от мыслей.

— С дороги! — раздраженно ворчал папа.

Мужчина в дождевике с капюшоном стоял посреди перехода, одинокий и неподвижный. Папа снова загудел, но мужчина не двигался, хоть на него лил дождь. Ругаясь, папа повернул руль и объехал упрямого пешехода.

Мы проезжали мимо, и моя улыбка увяла. Его вид в капюшоне и мрачное поведение напомнили Дамиена и его банду. Из тени капюшона он будто следил за мной. Дождь капал с крючковатого носа, блестел на небритом подбородке. Папа поехал прочь, а я развернулась и смотрела в заднее окно. Мужчина стоял посреди дороги, скрытые глаза следили за мной.

Как Дозорный.

Мурашки побежали по моей коже, холодная дрожь пронзила меня. Я попыталась отогнать жуткое чувство.

Это мне просто почудилось... верно?

4

— Барбадос! Везет! — сказала Мэй, услышав новости. — Есть место в багаже для лучшей подруги?

Я закрыла шкафчик и улыбнулась.

— Конечно! Не знаю, пройдешь ли ты проверку.

— О чем ты? — Мэй изобразила обиду. — Я же не стану лишним грузом?

Я окинула Мэй взглядом. Она была худой, как лоза, с длинными черными прямыми волосами и пронизывающим карими глазами.

— Нет, ты скорее опасное оружие, — сказала я.

— Тут ты права, — сказала она и заняла стойку кунг-фу. — Мой брат учил меня опасным движениям Вин-чунь. Ты знала, что Вин-чунь создала женщина? По легенде настоятельница храма шаолинь по имени Нг Муи научила свою ученицу Йим Вин-чунь, чтобы защищаться от нежеланного внимания.

— Нет, — ответила я. — Не знала... — но слова Мэй вызвали мутное воспоминание с храме в горах и монахах в желто-оранжевом одеянии, но я отогнала его. Еще выдумка моего активного воображения. Я посмотрела на подругу. — С каких пор тебя интересует история?

Хоть родители Мэй были известными археологами, она не разделяла их страсть к античности. Меня же история восхищала, и доктор Ларссон считал, что мой глубокий интерес к истории мог объяснить разную природу и детали моих Проблесков.

— О, я в этом не заинтересована, — признала Мэй. — Но после произошедшего... — она помедлила и неловко продолжила, — с тобой я решила вступить клуб кунг-фу, куда ходит Ли. Наш сифу учит истории и философии Вин-чунь, не только техникам. Но, если честно, я просто хочу знать, как отбиваться от парней.

Она била воздух ладонью, а я огляделась на шкафчики. Поток учеников двигался мимо. Кроме пары странных взглядов на Мэй, никто нее обращал на нас внимания.

— Ага, — сказала я. — У нас проблемы с ними.

Мэй пожала плечами.

— Мы не виноваты, если у них нет вкуса, да? — она взяла портфель и повесила на

плечо. — Пойдем на обед?

Я кивнула и пошла за ней по коридору. Мы завернули за угол и врезались в группу девочек, идущих в другую сторону. Среди них было веснушчатое лицо Анны. Я не видела ее и не говорила с ней с возвращения, решила, что она избегала меня. Я робко улыбнулась, но она проигнорировала меня.

— Осторожно, это Подросток-террорист! — заявила девочка с короткими волосами и гвоздиком в носу. Она драматично выставила руки, удерживая их.

— Ты жалкая, Лоцца, — парировала Мэй. — Почему ты не можешь от нас отвалить? Или у тебя мозг застрял в петле?

Лоцца скривилась.

— Фу, защищаешь убийцу? Осторожнее, а то она и тебя погубит!

Девочки засмеялись, включая Анну, и мои щеки вспыхнули. Я знала, что не должна была расстраиваться, но клички Лоццы резко напоминали о том, что я пыталась забыть. Воспоминания полились, непрощенные... *Попытка похищения Дамиеном... Дамиен стреляет в невинного зеваку... его погоня за мной и Фениксом по рынку на белом фургоне... водитель врезается в людей, пытаясь переехать нас...*

Я вдруг задыхалась. Сердце колотилось. Ладони задрожали, насмешливый хохот девочек звенел в ушах. У меня не было панической атаки неделями, но я узнала признаки. Эмоции бушевали в разуме, страх и тревога погони вернулись — полиция решила, что фургон был частью атаки террористов, и связала меня со случаем, газеты сначала сочувствовали мне, а потом повернулись против меня, когда выяснилось, что я убежала с Фениксом по своей воле, и заголовки типа «Подростки-террористы» и «Убийца на рынке» на первых страницах были с моей фотографией и другими подозреваемыми.

— Дженна никого не убивала, — яростно сказала Мэй, пока я пыталась подавить хаос в мыслях.

— Ага, но ее парень убил, — отметила Анна. Она посмотрела на Лоццу как щенок, ищущий одобрения. — Потому его выслали.

— У Феникса не было выбора. Он спасал мою жизнь! — выпалила я, не могла больше молчать.

— Так он был твоим парнем, — ответила Лоцца с ухмылкой, а потом нараспев дразнила меня. — Дженна и Феникс на дереве сидят, У-Б-И-В-А-Я!

Я сжалась, нижняя губа дрожала. Я не хотела радовать задиру, показывая, что ее насмешки бесили меня. Но было сложно. Терапия помогала справиться с травмой, но прошло полгода с тех событий, а Лоцца и ее подруги все издевались надо мной. Это открывало раны, которые доктор Ларссон пытался заживить.

— Лоцца, ты не лишила какую-то деревню дурака? — рявкнула Мэй, глядя, как я пыталась сдержаться. — Не слушай ее, Джен, она того не стоит, — взяв меня за руку, она быстро повела меня прочь. В коридоре звучало «подросток-террорист» и жестокий смех.

Как только я скрылась из виду, я уже не могла скрывать слезы, льющиеся по щекам.

— Дженна, не давай им задеть тебя, — сказала Мэй, обвив рукой мои дрожащие плечи. — Они не знают, что ты пережила.

— Н-но Анна знает! — я всхлипнула, сдавшись в ее объятиях. — Я просто не понимаю, почему она ведет себя так... Она была моей подругой... — я закрыла глаза, глубоко и медленно дышала, считая до десяти, как учил меня делать доктор Ларссон, когда я была переполнена эмоциями.

Мэй ждала меня крепче.

— В такой ситуации, Дженна, ты не теряешь друзей, а узнаешь, кто настоящий друг.

Паническая атака стала отступать, и я взглянула на нее.

— Ты для меня не просто подруга, Мэй. Ты мне как сестра, — сказав это, я ощутила сильную любовь и глубокую благодарность к ней, это заполнило дыру в моем сердце. Мысль о Мэй как моей сестре дала мне силы. — Спасибо, что была со мной. Знаю, я была не в себе в эти месяцы, но я...

Дыхание вдруг застряло в горле... Сквозь слезы я заметила высокого парня в дальнем конце коридора. Его ладони были сцеплены перед ним, голова — опущена, а лицо скрывала темно-серая толстовка.

— Но что? — спросила Мэй, потом увидела мой шок.

— *Д-Дамиен!* — пролепетала я.

— О чем ты? — спросила она, стоя спиной к жуткой фигуре. — Тот гад заперт в тюрьме для несовершеннолетних нарушителей.

— Клянусь, это он, — яростно вытерев слезы с глаз, я посмотрела снова. Мэй проследила за моим взглядом. Парень стоял там, мрачный, опасный, грозный. Я ощутила, как паника поднялась во мне.

— Эй! — закричал учитель. — Убери телефон и сними капюшон! Ты в школе!

Парень оторвал взгляд от телефона. Он ворчливо убрал телефон в карман, снял капюшон, и стало видно светло-рыжие волосы. Он ушел к спортивной площадке, и выдохнула дрожью и облегчением. Это был не Дамиен. Волосы моего мучителя были черными, как ворона, и он был бледнее, чем песочная кожа парня.

— Видишь? — сказала Мэй. — Это просто шестиклассник.

Я кивнула, сглотнув ком в горле.

— Прости. Я подумала на миг, что это был он.

Мэй покачала головой.

— Тупая Лоцца вывела тебя, да? Постарайся ей не позволять, — тепло посоветовала она. — Помни, ты сейчас в безопасности. Все это в прошлом.

5

Облик Дамиена в капюшоне преследовал меня, пока я шла в столовую с Мэй. Мы взяли пиццу, салат и сок и сели с нашей подругой Пришей за столик в дальнем углу. От ее ланчбокса пахло чесноком и кардамоном.

— Пахнет вкусно, — сказала я, глядя на горячее блюдо перед ней. — Что в меню сегодня?

— Чоле, — ответила Приша, зачерпывая ложку домашнего карри с нутом.

Попробовав стряпню ее матери, я невольно сравнивала вкусный обед Приши и свой вялый кусок пиццы, он уже не привлекал.

Но Мэй не отложила свой; она голодно взялась за него.

— Ты слышала? Дженна полетит на Барбадос, — сообщила она с пепперони во рту.

Приша удивленно взглянула на меня и улыбнулась.

— Нет, когда?

— На следующих выходных, на две недели, — ответила я, делая глоток сока. — Родители получили разрешение забрать меня у школы.

Улыбка на лице Приши увяла.

— О... так ты пропустишь мой день рождения с ночевкой в пятницу?

На миг мой разум опустел. Я забыла об этом в восторге от отдыха на пляже.

— Нет, конечно, нет... Это в порядке, — ответила я бодро. — Мы улетаем вечером в субботу.

— Ах, хорошо! — сказала Приша, радостно продолжила есть. Потом она заметила мои покрасневшие, опухшие глаза. — Ты в порядке, Джен?

Мэй ответила за меня.

— Мы столкнулись с Лоцдой. Он была приятной, как обычно.

Приша фыркнула, презирая девушку, и посмотрела на меня с сочувствием.

— О, Джен, почему она не оставит тебя в покое? Та девчонка — кошмар! Конечно, ты расстроена.

— Не только это, — сказала Мэй, понизив голос и поймав взгляд Приши поверх пиццы, — Дженна решила, что заметила Дамиена в школе.

Приша резко опустила ложку.

— *Дамиен?* Я думала, что он был заперт.

— Так и есть, — сказала я. — Это было просто мое воображение. У меня была паническая атака, и я не соображала. Вчера я даже думала, что увидела Дозорного! — добавила я, издав смущенный смешок.

Мэй и Приша в тревоге переглянулись.

— Но я знаю, что это невозможно, — сказала я спешно. — Даже если прошлая жизнь и история о Первом Предке *были* правдой, Феникс сказал, что, когда Танас умирает, пропадает его хватка на его приспешниках. Все Охотники на души или Дозорные становятся неактивными — по крайней мере, пока Танас не возродится снова, и это не произойдет в этой жизни... — я утихла под встревоженными взглядами подруг.

Потянувшись над столом, Приша взяла меня за руку, ее нежное прикосновение было теплым и успокаивающим.

— Джен, думаю, тебе нужна эта поездка, — сказала она мягко. — Перерыв от всего. Новое начало. Линия на песке. Когда ты вернешься, ты будешь как новенькая.

— Надеюсь, — ответила я с неуверенной улыбкой. — Доктор Ларссон говорит, что я хорошо восстанавливаюсь, что я прошла от жертвы к выжившей. Но я могу жить без этих воспоминаний о Дамиене и моем похищении. На последней сессии доктор Ларссон смог доказать, что мои Проблески — результат моего подсознания.

Приша сдвинула брови по бокам от ее бинди.

— Да? Как?

— Он применил новый гипноз, — объяснила я.

— О чем был этот Проблеск? — спросила она, склонившись ближе с интересом. Приша всегда принимала мою историю о прошлых жизнях серьезнее всех. И я описала видение о русском цирке, своем выступлении как смелой акробатки и трюках с трапецией, и как я упала и разбилась, сбегаая от Танаса. — Поразительно, — сказала Приша с придыханием. — Ты описываешь все в таких деталях. Конечно, ты веришь, что Проблески настоящие.

Я покачала головой.

— Уже нет. Я приняла объяснение доктора Ларссона. Перерождение не настоящее.

Приша чуть напряглась.

— Индусы верят в перерождение, — возразила она, ее тон был немного оскорбленным. — Как буддисты и сикхи.

— Но это вера, не доказательство, — сказала Мэй, доев пиццу и отодвинув тарелку.

— Нет, это доказали, — ответила Приша пылко. — Была девочка из Дели в 1930-х, которая говорила, что у нее была прошлая жизнь. Комиссия от Мохатмы Ганди решила, что ее история была правдой. Они...

— Приша, ты *не* помогаешь, — перебила Мэй, глядя на нее с предупреждением.

Тыкая салат вилкой, я гоняла помидор по тарелке, не желая его есть. Я читала об этой девочке в интернете, когда искала объяснение своим странным видениям с Фениксом. Ее звали Шанти Деви. Дело было убедительным, и, когда я прочла об этом, я успокоилась. Но теперь история Шанти заставляла сомневаться во всем снова.

— Прости, — буркнула Приша, выглядя виновато, — но нельзя отбрасывать шанс перерождения вот так.

— Ты не можешь просто доверять одной истории сто лет назад, — ответила Мэй с нажимом.

— Вы обе правы, — сказала я, вяло тыкая салат. — Но теперь я не знаю, что думать.

— Слушайте, может быть способ разобраться в этом, раз и навсегда, — сказала Мэй решительно.

— Как? — спросила я.

— Нужно немного работы детектива, — ответила она, вытащила ноутбук и включила его. Мы собрались у ее экрана, Мэй открыла браузер и ввела в строку адрес. — Эта якобы прошлая жизнь в русском цирке, — сказала она, повернувшись ко мне. — Когда это было?

— В начале 1900-х, — я задумчиво нахмурилась, пока пыталась вспомнить точную дату.

— Уже хорошо, — сказала Мэй, вводя период 1910–20 в строку поиска. — И ты сказала, что цирк был в Санкт-Петербурге. Как называлось твое выступление?

Смущенно улыбаясь, я ответила:

— Елена, Летящая Жар-птица.

Мэй приподняла бровь.

— Громкое! Такое должно быть легко проверить.

— Что именно ты ищешь? — спросила Приша, пока Мэй вводила место и ключевые слова.

— Ну, если Проблески Дженны настоящие — в чем я сильно сомневаюсь — то ее смерть как известной акробатки должна была попасть в газеты того времени, — объяснила Мэй, нажав на «enter» и начала поиск. — Мои родители часто используют этот архив, когда ищут подсказки о потерянных сокровищах. Все доступные газеты мира были отсканированы, вплоть до восемнадцатого века. Если это попало в газеты, то мы найдем это на сайте.

За пару секунд варианты заполнили экран. Мой пульс участился, пока мы искали среди результатов. Многие были о выступлениях балета «Жар-птица» русского композитора Игоря Стравинского. Были и статьи о волшебной огненной птице из славянского фольклора. Мое сердце даже пропустило удар, когда я увидела имя Феникса в ссылке, а потом поняла, что это было еще одним вариантом мифической огненной птицы. Но там не было ничего о русской цирковой артистке по имени Елена.

Отклонившись на стуле, Мэй сцепила пальцы за головой и заявила довольным голосом:

— Вот. Дело выполнено. Проблески Дженны не настоящие.

Несмотря на скрытый укол разочарования, я невольно ощутила сильное облегчение. Оценка доктора Ларссона теперь была вне сомнений.

Но Приша скрестила руки и покачала головой.

— Это не доказывает, что это не произошло, — возразила она. — Про это могли не

сообщить.

Мэй прокручивала долгий список ссылок.

— Этот поиск довольно обширный. И я думала, что такая драматичная смерть была бы упомянута где-нибудь в газете...

— погоди, — перебила я, сердце колотилось, взгляд уловил заголовок. — Вернись выше... стой! Что это? — я указала на описание ссылки, названной «Известная Жар-птица не взлетела».

Мэй нажала на ссылку, и отсканированная статья из издания «Ежедневный Телеграф» за 23 октября 1904 появилась на экране:

Известная Жар-птица не взлетела

В трагическом случае в прошлом месяце известная русская акробатка Юлиана Петровски, известная всем как Юлиана Жар-птица, умерла во время циркового представления в Ямбуге, Россия. В ее известном трюке с трапецией, по словам очевидцев, порвался канат, и она не состыковалась с напарником. Ее похороны прошли в Санкт-Петербурге пять дней назад.

Холодок пробежал по моей спине. Я потрясенно переглянулась с Пришей, чьи глаза были такими же широкими, как мои.

— Ну... это не стопроцентное совпадение, — возразила Мэй, неловко ерзая на стуле. — Имя не то, начнем с этого.

Приша хмуро посмотрела на Мэй.

— Признай, они довольно похожи.

— Ладно, но и различий много, — настаивала Мэй. — Даже место другое.

— Точно, — признала Приша. — Но остается факт: известная акробатка умерла в России, упав с трапеции в начале 1900-х. Прямо как в Проблеске Дженны. Это убедительная улика прошлой жизни.

— Или это могло быть чистым совпадением, — парировала Мэй. — Я знаю, что ты хотела бы, чтобы это было правдой, Приша, но помни, что это видение вызвал врач Дженны.

Приша пожала плечами.

— И? Он мог задеть воспоминание о прошлой жизни.

— Или, что вероятнее, воображение Дженны, — заявила с нажимом Мэй. — Мы обе знаем, как Дженна любит историю, так что она могла прочесть об этой истории в книге, услышать по радио или даже увидеть в кино!

— Возможно, — сказала Приша, сдавшись под решительным взглядом Мэй. — Или, может, принятие Проблесков тем, чем они есть, лучше для здоровья, чем пытаться отрицать или подавлять их.

— Ты не врач Дженны, Приша! — рявкнула Мэй, заставив столовую затихнуть от ее вспышки.

— Нет, я ее подруга, — ответила Приша, ее голос подрагивал, а щеки краснели. — И, как ты, я пытаюсь помочь ей.

Мои подруги погрузились в напряженную тишину, а я все глядела на заголовок газеты, пораженная нереальной возможностью, что я читала о своей смерти в прошлой жизни.

6

— С днем рождения, Приша! — сказала я, скормила ей кусочек торта и отошла, чтобы Мэй сделала то же самое. Их ссора в начале недели была забыта, и я тоже перестала думать, что в какой-то жизни была русской акробаткой. Чтобы не сойти с ума, я должна была

верить, что новость была странным совпадением.

Приша в ярко-фиолетовом сари и с длинными черными волосами, уложенными высоко на голове, улыбалась, жуя торт, другие гости тоже участвовали в традиции угощения. Мама и бабушка Приши уже исполнили несколько индуистских ритуалов: посыпали ее сухим рисом и нанесли пятно оранжево-красной пасты на лоб; пронесли вокруг головы на серебряном подносе маленькую горящую лампу-дийя в церемонии света и осыпали ее молитвами.

Как только последний гость угостил именинницу тортом, отец Приши, худой мужчина с пышными усами и густыми волосами, встал и кашлянул.

— Дорогая семья и друзья, — начал мистер Шарма, глядя на комнату и широко улыбаясь, — я очень рад праздновать день рождения нашей старшей дочери, Приши, и я благодарю каждого из вас за то, что вы пришли сегодня. Уверен, вы согласитесь, что она выглядит чудесно, и это честь для нашей семьи...

Все хлопали, а он вытащил из кармана пиджака стопку бумаги, а мама Приши, переживая, что ее муж вот-вот затянет одну из его легендарных длинных лекций, вежливо сообщила, что ужин был подан. После вкусного пира с цветными карри, мисками горячего риса пилау и тарелок, полных самос и луковых баджи, все ушли в гостиную, где дядя Приши вытащил ситар и сыграл в честь племянницы.

Я использовала шанс в затишье и перенесла свою сумку в комнату Приши, готовую к ночевке. Но, пока я спускалась к празднованию, я уловила сильный запах сандала и ноту розы. Аромат был знакомым, но я не могла понять, откуда его знала. Я с любопытством пошла по запаху по коридору к кабинету мистера Шармы. Дверь была приоткрыта, и я не сдержалась, заглянула внутрь из-за запаха. Теперь аромат стал сильнее и, вместе с запахами сандала розы, мои ноздри наполнил запах земли и пота.

Словно ведомая невидимой нитью, я захотела пройти в комнату. Я заметила, что окно с видом на сад было закрыто, и там не горели благовония. *Так откуда запах? Я не понимала.*

Я огляделась, заметила запланированную речь мистера Шармы на его столе. Я оглянулась, обнаружила с потрясением на стене коллекцию древнего оружия. Там был изогнутый острый с двух сторон кинжал, украшенный золотом; пара опасных ножей, их острые треугольные клинки торчали из рукоятей в форме Н, с ними была длинная серебряная сабля, а самым странным был резной деревянный посох, похожий на бивень слона, с рукоятью. *Теперь понятно, почему кабинет мистера Шармы обычно заперт!*

Глядя на поразительную коллекцию оружия, я вспомнила, как впервые столкнулась с нефритовым клинком из Гватемалы на выставке в музее, устроенной родителями Мэй. В тот раз я представила, что слышала крики, гром вдали и бой барабанов, ощущала запах горящих волос. Феникс убедил меня, что то было мое Пробуждение, первый настоящий Проблеск. Нс тут, кроме запаха розы и сандала, я ничего жуткого не ощущала. Только смех, музыку ситара и болтовню с праздника внизу.

Я вдруг захотела взять оружие.

Феникс заставил меня поверить, что определенные предметы могли быть проводниками к прошлой жизни, что навыки прошлого воплощения можно было передать в настоящее через Проблески. Из потрепанной аптечки во время, когда я была медсестрой во Второй Мировой войне, я получила знания оказания первой помощи, смогла залатать раны Феникса от пуль. Из одного воплощения я якобы научилась кататься на лошади без седла. И по обучению как самурай я как-то научилась неплохо сражаться. Те навыки боя помогли мне сбежать от похитителей.

Но теперь, после терапии, я сомневалась в тех способностях. Может, мне показалось? Я больше не каталась на лошади с тех пор, не оказывала первую помощь, а бой с Дамиеном и бандой в гробнице был туманным воспоминанием. Я напоминала себе, что Танас дал мне восковое зелье, и все могло мне привидеться.

Я окинула взглядом стену, взгляд остановился на резном деревянном посохе. Желая опровергнуть слова Феникса, я потянулась к рукояти...

— Дженна! — рявкнул резкий голос.

Я вздрогнула и повернулась, отец Приши стоял на пороге, его темные грязно-коричневые глаза прищурились, усы стояли дыбом.

— Что ты делаешь в моем кабинете? — осведомился он. — Это личное пространство. Ты не имеешь права тут быть.

— М-мистер Шарма, п-простите, — пролепетала я. — Я... просто любовалась вашим *отта*, — я указала на посох в форме S.

Он все глядел на меня.

— У в-вас впечатляющая коллекция, — продолжила я, говоря быстро от смущения, заполняя неловкую тишину. Я указала на изогнутый золотой кинжал, венчающий выставку. — Это красивый *бичува*... и та пара катаров исключительна... как и дубинка-гада, вал и щит-*парича*... У вас явно страсть к...

Я лепетала, заметила, что его строгий вид сменился сияющей улыбкой.

— А ты разбираешься в оружии Каларипаятту, — сказал он, его тон был теплым и дружелюбным. — Дженна, если бы я знал, что у тебя такой интерес в матери всех боевых искусств, я показал бы тебе свою коллекцию месяцы назад.

Я моргнула, удивленная своими познаниями в оружии.

Мистер Шарма подошел ко мне, снял с подставки деревянный посох и протянул мне.

— Это моя личная отта с моих тренировок в юности. Вот, можешь подержать, если хочешь.

Я робко взяла у него отта, готовясь к жуткому сдвигу в Проблеске... но ничего не произошло. Я осталась в комнате, сжимала длинную изогнутую палку, ощущая себя глупо.

Проводники тоже были выдумкой.

Мистер Шарма пристально смотрел на меня.

— Ты училась калари? — спросил он.

— Нет, — ответила я, взвешивая оружие в руке. Оно было легким, но сильным, почти как естественное продолжение моей руки.

— Я спрашиваю, потому что ты держишь отта в идеальном обратном хвате, — отметил он.

— Да? Я никогда... — я повернула дубинку в обычную хватку, не думая, — не держала такую раньше... — мой голос утих.

— Правда? — его усы дрогнули, и он приподнял потрясенно бровь. — Тогда у тебя врожденный талант, — заявил он. — Отта считается оружием мастера в Каларипаятту. Жаль, что мы не в Керале, иначе я советовал бы тебя обучить моей старой гуру. Она была бы рада такой талантливой ученице в своей школе.

Я вернула ему оружие, встревоженная.

— Спасибо, мистер Шарма, но я не прирожденный боец.

Он заглянул в мои глаза.

— Тогда ты не видишь то, что я вижу, Дженна.

Я заерзала под его нервирующим взглядом. Я редко проводила так много времени наедине с отцом Приши. Обычно он держался в стороне, работал в кабине.

— Я знаю, мы не говорили о том, что с тобой произошло, — продолжил он, возвращая отта на стену. — Это не мое дело, но из того, что я знаю, похоже, ты показала великую *вигнешва*, как мы говорим в калари — настоящую силу.

Я робко улыбнулась.

— Я не всегда ощущаю такую силу, — призналась я.

— Тц! Не нужно так себя унижать, — упрекнул он, повернувшись ко мне. — Сила не всегда из того, что ты можешь сделать. Она из преодоления того, что ты считала невозможным, — он разглядывал меня. — Приша говорит, что ты веришь, что у тебя были прошлые жизни. Это так?

Я замотала головой.

— Нет, я уже так не думаю. Это были глупости.

Мистер Шарма нахмурился с неодобрением.

— Я бы не отбрасывал такую веру, — ответил он мягко. — Как написано в Бхагавадгита: «Как человек сбрасывает ношеную одежду и надевает новую, так душа сбрасывает ношеное тело и надевает новое». Как по мне, у тебя сердце и дух воина-калари. Кто знает? Может, ты была такой в прошлой жизни?

И с понимающей улыбкой он сжал ладони перед своим сердцем и склонил голову. Я интуитивно ответила тем же, быстро покинула комнату, запутавшись сильнее, чем ранее.

7

— Надеюсь, он тебя не расстроил, — сказала Приша, мы расправляли постели посреди ее комнаты. — Мой папа может перегибать.

— Нет, — соврала я. — Просто я узнала каждое оружие и знала названия на хинди, это странно.

Мэй развернула одеяло.

— Ты была в доме Приши много раз. Мистер Шарма точно говорил хоть раз о своей коллекции оружия?

— Не помню, — ответила я, устраивая подушку и спальный мешок на полу рядом с ее. — Но, даже если он рассказывал, это не объясняет, почему я знала, как правильно держать отта.

— Вряд ли есть много способов держать палку! — парировала Мэй, смеясь.

— По словам моего отца, — честно сказала Приша, — с отта тренируются двенадцать лет.

Мэй закатила глаза.

— Похоже, это серьезнее, чем я думала.

— А запахи? — продолжила я. — Откуда они?

Мэй вздохнула и повернулась к Прише на кровати.

— Ты же все время жжешь благовония, да, Приш?

Приша кивнула.

— Да, и тут есть, — она вытащила длинную тонкую коробку с полки, где было четко написано: САНДАЛ.

— Видишь? — сказала Мэй, торжествуя. — Ты явно ощутила это, когда занесла сумку.

— Возможно, — сдалась я, — но запах напомнил мне что-то конкретное. Если бы я помнила, где...

— Если места и предметы могут вызвать эти Проблески, то, может, запахи и вкусы тоже могут? — предположила Приша. — Мы могли бы попробовать еще раз с благовониями.

Приша зажгла палочку сандалового дерева парой маленьких ламп-дийя на стеллаже. Мэй недоверчиво смотрела.

— Это мудро?

— Ты нашла ее смерть как акробатки! — отметила Приша.

— Да, но я просто пыталась опровергнуть концепт Проблесков, — возразила Мэй. — Ты пытаешься вызвать это. Есть разница.

Приша сдавленно улыбнулась.

— Ладно, ты права, — признала она и забралась в кровать.

В мягком сиянии ламп мы тихо обсуждали вечеринку, вкусные блюда ее матери, умелую игру ее дяди на ситаре и много чудесных подарков, которые она получила, включая билеты на «the Rushes» и поездку-паломничество в Варанаси, священный «Город Света» в северной Индии.

— Ты хочешь поехать? — спросила у меня Приша.

— Что? В Индию? — охнула я.

— Нет, глупая! — сказала она, смеясь. — На «the Rushes».

Мой рот раскрылся от потрясения.

— Эм... они всего-то моя любимая группа! Конечно!

— А ты, Мэй? — спросила Приша.

Мэй скривилась от боли.

— Эм, спасибо, но я лучше засуну стекло в уши.

— Они не такие плохие! — возразила я.

— Пожалуй, ты права... внешне, — Мэй посмотрела на плакат на стене Приши. — Но они умеют петь?

— Да! У Брендона чудесный голос! — возмутилась я, и мы стали спорить о музыке.

Спор раскалялся, Приша тактично вмешалась:

— Ты, наверное, рада завтра отправиться на Барбадос, Джен?

Я кивнула и улыбнулась, сердце тут же согрелось от мысли, что я снова увижу Папаю.

— Думаю, родители рады больше меня. Они собирались всю неделю.

— Я завидую, что ты пропустишь школу, — Мэй подавила зевок. — Подумай о бедных душах, которые будут страдать, пока ты загораешь на пляже.

Я посмотрела на нее без эмоций.

— Эм, прости, а кто ты? — Приша и Мэй рассмеялись.

Мы болтали до поздней ночи. Мэй выпала из разговора, и мы взглянули на нее, она посапывала на одеяле.

— Похоже, пора спать, — прошептала Приша, зевая и поворачиваясь. — Спокойной ночи, Дженна.

— Спокойной, — ответила я.

Я лежала на спине, но сон не шел, беспокойные мысли крутились в голове. Я храбрилась для подруг, но встреча с отцом Приши и оружие калари меня напугали. Всего неделю назад я приняла, что Проблески были созданы моим подсознанием. С тех пор мне привиделся Дозорный, Дамиен, я прочла, казалось, о своей смерти как акробатки цирка, а теперь я откуда-то знала о боевых искусствах, о которых ничего не слышала до этого вечера. Сами по себе события мало что означали, но вместе их было сложнее объяснить. Это же не

могло все быть моим воображением?

Но почему сейчас? Полгода было без Проблесков. Может, я просто приходила в себя. Доктор Ларссон предупреждал, что я могу видеть вспышки, пока разум принимает правду, и я привыкаю к нормальной жизни. Может, Приша была права. Мне нужен был отдых от всего, время найти себя и вернуться новой.

Я отогнала тревоги, сосредоточилась на поездке на Барбадос и радости из-за концерта «the Rushes», когда я вернусь. Пока я фантазировала, как попаду за кулисы и встречу группу, до меня долетел запах сандала. Я повернулась на бок и глядела на огоньки ламп-дийя на стеллаже. Свежие цветы лежали вокруг маленькой золотой статуи божества с головой слона, Ганеша. Почему-то полка напомнила мне *путтара*. Слово само всплыло в голове.

Я на миг потеряла мечту о встрече за кулисами, увидела деревянное здание с красным полом... и веки стали опускаться. Лампы-дийя мерцали, огонь угасал. В полутьме я смотрела на красный кончик благовония и дымок, лениво поднимающийся в воздух...

Солнце на рассвете заглядывало в окна калари, свет падал на вытоптанную землю пола. Дым благовоний кружился, я поклонился перед путтара и оставил на алтаре подношения из лепестков розы. Выразив уважение к божествам калари, я принялся за ежедневную тренировку, начав с растяжек, поворотов, пригибаний и прыжков.

Вскоре мое гибкое тело блестело от пота и кунжутного масла, которое я втер, чтобы разогреть мышцы, и моя кожа выглядела как бронза. На мне была только белая лунги на талии; но в жаре дня я уже потел сильнее. Моя гуру сидела в углу, ее подбородок лежал на рукояти отта, она следила за моим прогрессом.

— Ааруш, размахивай руками, чтобы разогнаться, — указала она, пока я пытался увеличить высоту удара ногой. Ее лицо было в морщинах, как кора орешника, и она была такой же твердой. Хоть она была старой, она была умелой Каларипаятту с семи лет. Никто в долине не осмелился бы биться с ней.

Я разогрелся, повернулся к кожаному шарiku, висящему под потолком на веревке, другой конец был в руке гуру. Шарик висел на уровне моей головы, мишень для первых ударов.

«Легко, — подумал я с улыбкой. — Даже прыгать не нужно».

Я взмахнул ногой, и шарик отлетел. Но, как только мишень замерла, гуру подняла шарик на пару дюймов. В этот раз мне нужно было прыгнуть, чтобы попасть. С каждой успешной попыткой она поднимала шарик выше. Я справлялся три удара, и она поднимала мишень выше, чем обычно.

— Я буду биться со слонem? — поразился я. Кожаный шарик теперь на середине пути к потолку с балками.

— Дело не в размере противника, — ответила она, помахав отта, похожей на ствол. — Дело в радиусе твоих атак. Чем выше прыгнешь, тем ты сильнее, — она указала палкой на мишень. — Пни шарик!

Поклонившись, я принялся за невозможное. Разбежавшись, я прыгнул в воздух и ударил ногой. Я промазал и рухнул на спину, замер и задышался.

— Одним дыханием ты его не сдвинешь, — упрекнула она, улыбка приподняла уголок ее рта.

Я отряхнулся и приготовился к новой попытке. В этот раз я прыгнул, размахивая руками сильнее. Мои пальцы ног почти задели дно шарика. Я посмотрел на гуру, надеясь, что это было близко, но она качала седой головой.

— Нет толку в щекотке носа воина, — сказала она. — Он просто рассмеётся тебе в лицо и ударит!

Зная, что настоящая тренировка не начнется, пока я не попаду по шарiku, я пытался ударить по мишени. Пот лился с меня, запах земли от пола прилипал к спине с каждым падением. Я не выдержал и взмахнул слишком сильно ногой, рухнул неуклюже и с болью. Устав, я повернулся к гуру, чтобы попросить о перерыве, но ее темно-карие глаза, всегда окруженные звездным сиянием, были закрыты, она медленно дышала в глубоком сне.

Похоже, мой урок закончился. Тихо подойдя к ней, хромая, я потянулся к верёвке. Но я не успел коснуться ее, отта вонзилась мне в грудь.

— Ай! — вскрикнул я, упал на спину на земле. Атака была такой быстрой и внезапной, что я едва ее заметил, но ощутил — всю грудь сдавило от боли.

Гуру пошевелилась и открыла мудрые глаза.

— Эксперта отта нельзя тронуть даже во сне, — сказала она.

Я потирал грудь, где округлый кончик ее палки ударил меня. Боль не угасала. Казалось, она только разгоралась, как пожар.

— Что... вы... со мной... сделали? — выдавил я.

Она поднялась на ноги легко, несмотря на ее возраст.

— Я ударила по точке мармы, — объяснила она. — По хридая, если точнее. Этот удар может убить.

— Что? — я едва дышал.

— Марма — важные точки энергии в теле человека, — продолжила она, будто давала мне урок. — Эти точки используют в аюрведической медицине для исцеления, и слово «марма» означает «точка, что может убить».

— Думаю... я умираю! — завопил в агонии я.

— О, Ааруш, хватит скулить, — гуру вздохнула. Она потерла ладонью мою грудь, надавила большим пальцем на другую точку мармы. Боль и давление тут же ослабели.

Я потрясённо глядел на нее. Конечно, ее боялись все мужчины.

— Прошу, научите меня точкам мармы?

— Может, когда проявишь достоинство, — сказала она. — Но есть два правила, по которым я живу как гуру калари. Первое: никогда не рассказывай все, что знаешь.

— А второе? — выдохнул я.

Гуру тихо улыбнулась, повернулась и вышла из комнаты.

8

— Это явно был сон, — сказала Мэй, пока мы шли домой от Приши следующим утром. Солнце взошло, и улицы были полны субботних покупателей, но я не могла прогнать ночное видение калари. Запах зала остался в ноздрях, и даже мышцы будто болели от тренировки.

— Откуда уверенность? — сказала я, утомленно передвигая сумку на другое плечо.

— Ты была там мальчиком! — ответила Мэй, смеясь, словно ответ был очевидным.

Мы переходили дорогу к тихой стороне улицы и зеленому жилому району Клэпхэма, где жила я.

— Почему это что-то меняет? — спросила я.

— Во всех Проблесках пока что ты была девушкой или женщиной, — терпеливо объяснила Мэй. — Разве не странно вдруг оказаться мальчиком?

Серый кот спрыгнул с ограды сада, требуя моего внимания. Я замерла и погладила его.

— Но если у меня было много прошлых жизней, то нет причины, почему я не могу быть

парнем, — возразила я, кот громко урчал, терся об мою ладонь. — Мое воплощение как Ааруша не показывает, что это могло быть правдой?

Мэй покачала головой, недовольная, что я снова думала о Проблесках.

— Думаю, доктор Ларссон прав, что это твое буйное воображение. Он вызвал у тебя видение с цирком, а Приша вдохновила сон. Благовония, индийская еда, одежда и музыка, коллекция оружия мистера Шармы... Твой мозг впитал все за вечер, а ночью разум переработал информацию, сохранил ее в воспоминания. Это сны, как я понимаю, события...

Мэй говорила, кот вдруг напрягся и зашипел. Переживая из-за реакции, я оглянулась, проследила за взглядом кота. Но улица, обрамленная деревьями, была тихой. Вокруг не было котов или собак, как и людей, и я не знала, что его напугало. А потом я заметила носки белых кроссовок, торчащих из-за ближайшего дерева. Кот зашипел снова, и я переживала, волоски на шее встали дыбом.

Я повернулась к Мэй, но у нее зазвонил телефон.

— Привет, пап, — ответила она. — Что такое? — она помрачнела. — Серьезно? Когда?

Я смотрела, как шок на ее лице рос. Я оглянулась, но уже не видела белые кроссовки. Или человек ушел, или я ошиблась. Может, там никого и не было. Но кот оставался настороже, следил рядом со мной.

— Ладно, я сразу домой, — сказала Мэй. Она убрала телефон в карман.

— Что случилось? — спросила я.

Мэй недовольно посмотрела на меня.

— В наш дом вломились прошлой ночью!

— Что? — охнула я. — Кто-то пострадал? Что-то забрали?

Мэй покачала головой.

— Родители только вернулись домой с конференции. Мой брат все еще у друга, к счастью. Кабинет папы разгромлен. Похоже, там искали что-то конкретное. Или они были глупыми, ведь взломали его сейф, но не заметили испанские дублоны из золота, которые он там хранил. Те монеты стоят состояние!

Я удивленно приподняла бровь.

— Может, это был нищий, — предположила я. — Но... твой папа явно расстроен.

Мэй медленно кивнула.

— Жутко думать, что чужак мог быть в моей спальне, — прошептала она, поежившись.

— Хорошо, что мы были ночью у Приши, — быстро сказала я, погладила кота на прощание и взяла Мэй за руку, повела ее по дороге. — Я спрошу у мамы, может ли она тебя подвезти, — но мы завернули за угол, и я заметила две машины полиции... и скорую у моего дома! Мы с Мэй испуганно переглянулись.

— Что творится? — сказала она.

Я не ответила. Мы побежали по дороге к группе зевак снаружи. Сердце колотилось, я растолкала их, и мы с Мэй нырнули под ленту полиции вокруг моего дома. Нас не успели остановить, мы миновали двор и ворвались в открытую входную дверь.

— Мама! Папа! — закричала я. Ответа не было.

Посреди коридора я замерла, сумка упала на пол со стуком. Впереди в приоткрытой двери кухни я видела ноги. Ноги мамы. Остальная она была за дверью, и рядом с ней я видела отца — он вытянул руку, словно пытался ее защитить. Я заметила пол кухни. Плитка не была такой темно-красной...

— Боже... — охнула Мэй. Ее ладонь крепче сжала мою, весь мой мир рушился. Пол

коридора дрожал под ногами, меня мутило, зрение искажалось... *Короткая, но яркая вспышка двух тел (мои родители, но и не мои, ведь я вдруг видела людей с оливковой кожей), лежащих на полу с мозаикой, белые тоги были в крови...* Через миг жуткое видение пропало.

Офицер полиции вышла из гостиной.

— Нет, девочки! Не туда, — сказала она, быстро увела меня и Мэй в смежную столовую. Она довела меня до стула и усадила, пока я не упала. Мои ноги ослабели, голова была тяжелой, а сердце — пустым. Мэй была рядом, дрожала, сжимала мою ладонь, словно боялась, что потеряет меня, если отпустит.

Офицер полиции опустилась передо мной. Ее медовые глаза были добрыми.

— Видимо, ты — Дженна, — мягко сказала она.

Горе и шок кипели во мне. Я кивнула.

Она повернулась к Мэй.

— А ты?

— Мэй — лучшая подруга Дженны, — ответила она далеким голосом.

— Хорошо, что с ней подруга, — сказала офицер полиции и грустно улыбнулась. Она взглянула на меня и сглотнула. — Это будет непросто услышать, Дженна, но простого способа сообщить нет. Похоже, кто-то вломился в твой дом прошлой ночью. Был бой. Мне жаль, но твоих родителей убили.

Я сидела, тихая и онемевшая, тяжелый деревянный стул впился в спину. Мэй сжимала мою ладонь, обвила рукой мои плечи.

— Это т-тоже был в-вор? — спросила Мэй, ее голос подрагивал.

Офицер полиции растерянно посмотрела на Мэй.

— Еще один?

Мэй рассказала о взломе ее дома, а я пусто глядела на семейную фотографию меня, мамы и папы на Брайтон-бич. День был солнечным, море блестело, и мы улыбались, держали мороженое в руках. Фотография была сделана месяц назад, я помнила, что потом чайка прилетела и украла мороженое папы. Мы смеялись впервые за долгое время...

Фотография расплылась.

Слезы лились по моим щекам, капали на джинсы, но меня душила печаль, звука не было. Я услышала, что подъехала машина, дверцы хлопнули, шаги захрустели по гравию.

— Дочь наши? — спросил резкий женский голос с крыльца.

— Да, хорошие новости, мэм, — сказал мужской голос в коридоре. — Судя по календарю семьи, она была в доме подруги прошлой ночью — у Приши Шармы. Я звонил мистеру Шарме. Он говорит, Дженна вышла оттуда полчаса назад.

— Ладно. Сообщи, как только увидишь ее, офицер.

— Да, мэм, — ответил полицейский. — И мы определили оружие — атака была нанесена неким ножом. Судя по ранам, клинок был необычным...

Полицейский продолжал отчет, а офицер с нами быстро встала.

— Мэй, присмотришь за Дженной? Мне нужно сообщить инспектору, что вы тут.

— Конечно, — сказала Мэй, ее рука все еще обвивала меня.

Полицейская вышла в коридор, оставив дверь столовой приоткрытой. В щель я видела инспектора в зеркале коридора. Ее угольно-черные волосы были собраны в плотный пучок, ее синий костюм был чистым и выглаженным. На ее лбу был небольшой шрам — единственный след, что она была в аварии, когда Феникс освободил меня. Инспектор Катерина Шоу внимательно слушала полицейскую, сняла очки, чтобы протереть линзы, и

раскрыла то, чего я боялась. Ее серые глаза снова стали черными дырами.

9

Шок при виде инспектора Шоу пронзил мое горе ножом, и я вскочила на ноги. Я вдруг поняла, что мой терапевт ошибался.

— Охотники вернулись! — выпалила я. — Но как? Танас мертв!

Мэй присоединилась ко мне за дверью столовой, нежно коснулась моего плеча.

— Шш, спокойно, Дженна. О чем ты? Какие Охотники?

— Ты не видишь ее глаза? — прошептала я, нервно выглядывая в коридор. Инспектор Шоу все еще слушала первого офицера, а полицейская нетерпеливо ждала, пока он закончит.

Мэй взглянула на отражение инспектора в зеркале.

— А что с ее глазами? — прошептала она.

— Не видишь? Они черные! — знакомая паника поднималась в груди. — Она — Охотник за душами!

Мэй хмуро посмотрела на меня.

— Дженна, у нее обычные глаза, — сказала она медленно и размеренно.

— Да, тебе так кажется, — буркнула я себе, а не Мэй. — Их изменение видно только тем, у кого Духовное зрение.

Это осознание вдруг ударило меня и многое объяснило: как Охотники двигались по обществу незаметно, как они проникали в полицию и другие важные организации, и как они узнавали Воплощенных и общались с ними. Видимо, у них было как со звездным блеском глаз у меня и Феникса — это видели только такие, как мы: Защитники Душ и Первые Предки и, что хуже, Охотники на души, как инспектор Шоу.

— Думаю, я должна вернуть полицейскую, — предложила Мэй, потянувшись к ручке двери.

— Нет! — завопила я, сжала ее руку, чтобы оттащить ее. — Ты должна мне поверить. Я в ужасной опасности. Моя душа на кону!

— Дженна, я понимаю, что ты расстроена, — сказала она, вырываясь из моей хватки. — Твоих родителей убили при попытке кражи...

— Это была не кража, — исправила ее я. — Моих родителей убили, потому что Охотники ищут меня. И инспектор Шоу — одна из них.

— Теперь ты меня пугаешь, — твердо сказала Мэй. — У тебя паническая атака. Тебе нужно глубоко и медленно дышать.

— Нет, я в сознании, — ответила я. — Феникс говорил правду. Всегда. Проблески настоящие! Охотники настоящие!

Глядя на меня с тревогой, Мэй подвинулась к двери.

— Я на секунду. Жди тут.

— Мэй, СТОЙ! — умоляла я. — Прошу, поверь мне. Мне нужна твоя помощь, чтобы выжить.

— Я пытаюсь помочь, — терпеливо ответила Мэй.

— Тогда создай отвлечение, пока я сбегаяю.

— Сбегаяешь? — воскликнула она с потрясением на лице. — Зачем тебе сбегать от полиции? Они тебя защитят.

— Поверь, Мэй, это не так, — я посмотрела поверх ее плеча на зеркало в коридоре. Офицер пропустил полицейскую к инспектору Шоу. — Только один человек может меня защитить. Послушай. Мне нужно забрать вещи и уйти. Просто задержи их. Прошу. Я прошу

только об этом.

Мэй медлила, ладонь лежала на ручке двери.

— Зачем?

Я с мольбой смотрела на нее.

— Потому что ты — моя лучшая подруга. Только тебе, кроме Феникса, я могу доверять. И ты в долгу передо мной за тот раз, когда я прикрыла тебя во время проблем с полицией за кражу в магазине.

Мэй с неохотой отпустила ручку двери.

— Ладно, — процедила она. — Но не заставляй меня пожалеть.

— Обещаю.

Оставив обеспокоенную Мэй в столовой, я пригнулась и вышла за дверь. К счастью, коридор был в форме Г, и меня не было видно от входа, пока я спешила по лестнице к своей спальне. Мои чемодан и рюкзак лежали на кровати, не до конца собранные для наших семейных каникул, которых не будет. Боль потери пронзила меня снова... Сморгнув слезы, я сунула запасные джинсы, пару футболок, куртку и нижнее белье в рюкзак, травма от потерь подгоняла меня. Напоследок я схватила плюшевого кролика Коко для утешения и амулет Феникса для удачи. Я забежала в комнату родителей. Их сумки ждали у двери, документы для пути были на трюмо. Кошельки лежали нетронутыми — доказательство, что это была не кража. Я схватила свой паспорт, билеты на самолет, конверт с долларами и кредитку мамы.

Я слышала голоса внизу:

— Где она? — требовала ответа инспектор Шоу.

— В туалете внизу, наверное, — ответила Мэй. — Сказала, что ей плохо.

— Дженна, ты в порядке? — полицейская постучала в дверь туалета.

Я окинула взглядом комнату родителей, повесила рюкзак на плечо и вышла на лестничную площадку. Я видела с вершины лестницы инспектора Шоу, полицейскую и Мэй, стоящих внизу.

— Давайте я проверю, — сказала Мэй, прислоняясь к двери туалета. — Дженна... это я. Знаю, ты расстроена, но тебе нужно выйти. Я переживаю за тебя. Я понимаю, что это шок, особенно после всего, что произошло в этом году, но я ядом, и полиция тебе поможет, так что...

Моя лучшая подруга тянула время, подергала ручку двери, сделала вид, что она была заперта.

«Мэй, ты точно лучшая подруга. Спасибо! — она дала мне важные секунды для побега. Я не могла покинуть дом через лестницу и ушла в свою спальню. Окно выходило на сад сзади, и там было чисто, только вишнёвое дерево и амбар. Но до земли было пять метров. Дерево было недостаточно близко, чтобы перебраться... но не могла ли я прыгнуть?»

Кулак стучал в дверь туалета внизу. Я взглянула на стеллаж и золотой приз за гимнастику. Моя ловкость впечатляла в школе, но чтобы долететь до дерева и безопасно приземлиться, мне нужно быть акробаткой... или артисткой с трапецией...

— Дженна! — рявкнула инспектор Шоу в коридоре. — Выходи, или мы выйдем дверь.

Я снова должна была поверить в своего Защитника, Феникса. Если он был прав насчет навыков, передающихся из прошлых жизней, то мой Проблеск с русским цирком означал, что способности Елены передались мне. Но если он был неправ, я могла легко сломать шею.

— Это последнее предупреждение, Дженна, — заявила инспектор Шоу.

Через пару секунд я услышала треск двери, полицейская воскликнула:

— О! Ее тут нет, мэм!

Вариантов не было.

Я подняла окно. Оно громко скрипнуло. Теперь ноги стучали по лестнице... Я забралась на подоконник, прыгнула к дереву. Я полетела по воздуху, вытянув руки, представила себя и трапецию... я тянулась к рукам Дмитрия. Я с уверенной грацией схватила ветку, раскачалась и сделала сальто, аккуратно приземлилась на луг, широко раскинув руки, словно выступала для зрителей. Я почти слышала эхо аплодисментов...

Я рассмеялась. Я была Еленой, Летящей Жар-птицей!

— Вот она!

Моя слава прошла, я оглянулась и увидела инспектора Шоу в окне спальни, ее черные глаза пылали. Теперь я узнала ее испорченную душу — она была хмурой женщиной в первом ряду, которая мне не хлопала.

— Стой на месте! — зарычала она.

Игнорируя ее, я побежала к забору и перемахнула его, попала легко в сад соседа. Ощущая себя все больше как Елена из цирка, я перепрыгивала забор за забором, двигаясь к улице. Я добралась до последнего сада, заметила, что на стене сверху было разбитое стекло. Вспомнив Стену Ножей, я прыгнула высоко в воздух, подогнула ноги и исполнила сальто над блестящими краями стекла. Миновав опасность на волосок, я приземлилась целой на асфальт, пригнувшись.

Знакомый пыл трюков акробатики бежал по венам, и я невольно улыбнулась от старого навыка. А потом улыбка дрогнула — белые кроссовки остановились передо мной.

10

— Рад снова тебя видеть, Дженна, — сказал едкий плавный голос.

Я посмотрела в угольно-черные глаза Дамиена. Его точеное лицо было белее, чем я помнила. Но время в тюрьме он использовал, чтобы подкачаться. Его руки были мускулистыми, толстовка натянулась на груди. Он смахнул с глаз черные волосы и очаровательно, как змея, улыбнулся.

— Куда же ты так спешишь?

— Убийца! — взревела я, бросилась на него в гневе. Но я не успела его схватить за горло, меня поймали сзади, руки прижали. Я оглянулась, увидела вокруг его банду. Они были в толстовках, лица скрывали тени. Но я узнала каждого. Блондин, чью руку я сломала в гробнице. Девушка с татуировкой паука на шее. Мускулистый парень держал меня, его нос был кривым стараниями Феникса, который сломал его дважды. И опаснее всех была высокая и сильная девушка с кастетами на пальцах и стальной трубкой в заднем кармане.

— Дженна, у тебя было много родителей раньше, и все умирали, — сказал Дамиен без сочувствия. — Не знаю, почему ты так расстроена. Должна была уже привыкнуть.

Снова два тела в тогах в крови вспыхнули перед глазами — в этот раз был смысл. Мои родители из прошлой жизни, убитые Охотниками. Мой гнев удвоился, и я извивалась в железной хватке бандита.

— Как ты освободился? — спросила я у Дамиена.

Он усмехнулся.

— Инспектор Шоу поручилась за наше хорошее поведение... и вытащила нас рано из программы реабилитации. Она такая добрая, да?

— Не понимаю. Вы не должны уже быть Охотниками, — сказала я, гнев сменился ошеломлением. — Феникс убил Танаса. Я видела своими глазами, как он умер.

— Да, — ответил Дамиен. — Но ты недоценила его силу. Танас вернулся и сильнее, чем раньше.

Я перестала извиваться.

— Он вернулся? В *этой* жизни? Это невозможно.

— О, возможно! — Дамиен не скрывал веселья. — Танас воплотился в другом теле.

Волна отчаяния охватила меня от осознания. Феникс пронзил грудь Танаса обсидиановым клинком, сказал мне, как осколок черного вулканического камня был слабостью моего врага, и душа Воплощенного будет слишком слабой, чтобы вернуться ещё жизнь, а то и дольше. Потому мой Защитник оставил меня без присмотра — он верил, что завершил работу в этой жизни. Как он ошибался!

Дамиен вытащил из-за пояса зеленый нож в шесть дюймов длиной. Я тут же узнала опасное оружие, хотя видела, как клинок разбился, значит, родители Мэй восстановили его. Нож из чистого нефрита, на рукояти был ягуар, скрещенный с человеком. Ножу было четыре тысячи лет, и им Танасу нужно было вырезать мое сердце в церемонии, чтобы потушить мою душу навеки.

Увидев страх в моих глазах, Дамиен пошёл ко мне.

— Бедная Дженна, — он оскалился. — Теперь Феникс тебя не защитит, — он ухмыльнулся, помахал восстановленным ножом перед моим лицом. Он голодно облизнулся, рывкнул приказ банде. — Держите ее прижатой к стене.

Четверо Охотников в тревоге переглянулись.

— Разве не Танас должен исполнить ритуал? — тревожно спросила девушка с кастетами. — Ты знаешь, что хозяин думал о попытке покушения в парке.

Дамиен раздраженно посмотрел на девушку.

— Мы не можем дать этой душе Первого Предка снова улизнуть от нас, — прорычал он. — И, думаю, я заслуживаю капли его силы. Слушайтесь!

Бандит прижал меня к стене, но резкий голос крикнул:

— Эй! Не трогай девочку!

Полицейская из моего дома выбежала из-за угла к нам, за ней следовал другой офицер. Инспектора Шоу не было видно. Я использовала отвлечение, вырвалась из хватки бандита, ткнула его локтем в солнечное сплетение. Он охнул от боли и согнулся. Я не ждала, пока другие Охотники отреагируют.

Я побежала.

За топотом моих ног по асфальту я слышала, что полицейские погнались. Я выбралась на главную улицу, надеясь затеряться в толпе покупателей. Но меня догоняли. Я огибала испуганных пешеходов, врезалась в женщину с покупками. Ее мешок порвался, и банки кошачьей еды рассыпались по асфальту.

— Простите! — крикнула я на бегу. Но столкновение помогло мне, полицейская за мной запнулась об банку и растянулась на земле.

— Дженна, СТОЙ! — приказал другой офицер, перепрыгнул коллегу и погнался.

Я не осмелилась замереть. Я не могла рисковать поимкой, не хотела попасть в руки инспектора Шоу. Сердце колотилось, я бежала по улице. Впереди был перекресток, полный людей. Светофор стал зеленым, я побежала по дороге. Машины гудели, одна чуть не сбила меня, но объехала и врезалась в полицейскую, бегущую за мной. Она перелетела через бампер и упала на дороге.

Я оглянулась, переживая, что она пострадала. Но она двигалась, была в синяках, а не

сломана, так что я не медлила. Дамиен и его Охотники преследовали меня. Я побежала по другой стороне улицы, юркнула на стройку жилого дома, скрылась за бетономешалкой. Я выглянула осторожно, офицеры полиции пробежали, одна хромала, другая держалась за бок.

Через пару мгновений мимо пробежали Дамиен и его Охотники.

Я перевела дыхание и медленно считала, чтобы успокоиться, пока ждала минуту, чтобы убедиться, что оторвалась от полиции и Охотников, а потом вышла из укрытия. Я едва сделала два шага, когда мускулистый парень появился на входе на стройку. Его кривые черты были с красными шрамами от удара молнии, который почти убил его в каменном круге. Хрипя, сгибаясь, он тер живот, где я ударила его ранее.

Я застыла, надеясь, что он не заметит меня среди работников в куртках. А потом мой телефон громко зазвонил. Я сунула руку в карман, прервала звонок и выключила звук.

Но я опоздала.

11

Парень повернулся ко мне, и его губы изогнулись в улыбке, кривой, как его нос. Он свистнул другим, забыл о травме и пошел ко мне, как медленный бульдозер. Я одолела его в гробнице, но те навыки самурая не пришли ко мне в этот раз. Я пару секунд стояла, как беззащитная лань, широко раскрывшая глаза. Он был больше, выше, сильнее во всем.

А потом я вспомнила недавний Проблеск...

Дело не в размере противника. Дело в радиусе твоей атаки.

Бандит шел ко мне, а я вызвала навыки калари Ааруша и прыгнула высоко в воздух. Представив лицо Охотника как кожаный шарик, я ударила с разгона. Моя ступня врезалась, раздался хруст. Он рухнул, держась за сломанный нос со стоном.

— Ох, только не снова!

Я приземлилась рядом с ним в стойке льва.

— Как говорила моя гуру, щекотать нос воину не стоит!

Но у меня не было времени на радость от победы. Дамиен и другие Охотники появились на входе. Я побежала по стройке, надеясь потерять их среди хаоса. Машина выливая бетон, отбойный молоток грохотал громко, как пулемет неподалеку. Мимо ехал ярко-желтый бульдозер. Я попыталась скрыть следы в облаке пыли за ним. Охотники спешили за мной, кричали друг другу, пока разделились для моих поисков.

— Вот она! — крикнул Дамиен другим, я юркнула за кран, поднимающий балку к не завершенной крыше.

Блондин тут же напал. Мы оббежали здание, юркнули под леса. Я заметила впереди блестящую бетонную дорожку, будто прошел дождь. Блондин не отставал, я снова вызвала ловкость Елены, запрыгнула на стойку лесов над своей головой. Я сделала сальто вокруг балки, приземлилась за Охотником и пнула его в спину. Он упал лицом в мокрый бетон.

— Радуйся, что это не Яма Стекла! — сказала я, смеясь, он барахтался в твердеющем бетоне и гравии.

Другой Охотник не успел меня схватить, я перепрыгнула на следующую балку, раскачавшись.

— Не дайте ей уйти! — кричал Дамиен.

Два оставшихся Охотника лезли по лесам за мной. Первую пару этажей я держалась на шаг впереди. К сожалению, девушка с пауком на шее не зря носила эту татуировку. Быстро забираясь по лесам, она догнала меня за секунды, схватила меня за лодыжку и сбила с ног. Я завизжала, падая к деревянной доске. Я чуть не ухнула с высоты трех этажей. Почти

фатальное падение напомнило, как умерло одно из моих воплощений. Если я не буду осторожна, это будет и моей судьбой.

Я сосредоточилась на выживании, вырвалась из хватки Охотницы, ударив ногой, вскочила. Паучиха запрыгнула на доску за мной. Она махнула запястьем, вытащила складной нож. Я не могла ее победить без оружия. Я пятилась, она наступала, доска опасно шаталась под нами. Но у меня было равновесие от Елены, я не страдала от этого. Но Охотница вытянула руки, пытаясь удержаться на ногах. Я раскачивала доску сильнее. Она размахивала руками, и я пнула девушку в грудь, и она улетела с лесов. Крича в ужасе, Паучиха летела к земле, рухнула на пенопласт и лежала там, хрипя и извиваясь от боли.

Девушка с кастетами догнала меня.

Я могла только лезть вверх, забралась в здание через дыру в кирпичной кладке. Это была лишь оболочка, бетонные стены и пол. Стальные опоры усеивали пространство, как металлический лес. В центре была лестница, но я не успела туда попасть. Кастеты прыгнула в другое окно и заблокировала путь к побегу.

Она вытащила стальную трубку из кармана.

— Час расплаты, — зарычала она, уголки ее рта изогнулись в мстительной улыбке. В гробнице я смогла убить ее хуком в голову. Но тогда мои умения были неожиданностью, и даже так она почти одолела меня. Теперь противник был мудрее и мстительнее. Хуже, мои навыки самурая не давались мне. Я подняла руки в робкой стойке для боя, но она ощущалась неловко. Будто у меня был ментальный блок, дыра в памяти.

Девушка с кастетами ощутила мою неуверенность. Она завопила в ярости и махнула трубкой в мою сторону. Я пригнулась. Сталь ударила по опоре крыши. Она опустила трубку, и я отскочила в сторону. Она яростно махала оружием, заставляя меня отступать. Я пригибалась, уклонялась постоянно, мои способности гимнастки помогали избежать почти все ее атаки... пока она не задела меня по руке. Ее оружие оставило жгучий красный синяк. Трубка задела мою ногу, бедро онемело. Я запнулась об груды стройматериалов, она ударила меня неожиданным апперкотом. Ее костяшки врезались в мою челюсть, звезды вспыхнули перед моими глазами, и я растянулась на полу.

— Теперь отобьем мясо, — сказала она, подняв трубку над головой.

Краем глаза я заметила кривую стальную палку и в отчаянии схватила ее с пола...

— *Ааруш, сосредоточься!* — упрекнула гуру, ударяя меня отта по еще одной точке мармы на моих ребрах.

— *Но я едва вижу ваши атаки,* — жаловался я, вставая на ноги.

Моя гуру смотрела на меня, не дрогнув.

— *Чтобы знать о каждом движении врага, твое тело должно стать глазом,* — объяснила она. — *Не медли между мыслью и движением. Сделай отта продолжением твоей руки. Пусть вы срастетесь, как одно целое.*

Представив оружие своей рукой, а скругленный кончик — пальцем, я прицелился в точку амса на плече гуру. Хоть гуру была старой, она уклонилась от моего удара с легкой грацией кошки. В том же плавном движении она отразила мою отта, обезоружив меня, деревянный посох упал на землю.

— *Как вы это сделали?* — охнул я, пораженный ее навыками и ловкостью.

— *Как хобот слона, отта может обвивать оружие противника,* — объяснила она. — *Используй ее уникальную форму как преимущество. Как лорд Шива увидел бой слона со львом с помощью сильного хобота, ты можешь обезоружить врага...*

Стальная трубка летела ко мне. Я инстинктивно остановила ее кривой палкой. Звон столкнувшегося оружия разнесся эхом по пустому зданию. Охотница ударила снова. Я еще раз отразила атаку. Сделав кувырок назад, я вскочила, сжимая палку в знакомой обратной хватке. Удары сыпались. Но я отражала все, взмахивая палкой. Девушка с кастетами была все быстрее и яростнее. Она перестаралась, взмахнув, и я отразила ее удар, повернула запястье и выбила ее трубку!

Она завывала в гневе, пораженная от моих навыков. Она не могла защититься, я ударила кончиком палки в ее грудь, по точке *хридая*. Она выдохнула с болью и рухнула на пол.

Хоть я не попала метко, удар вывел Охотницу из строя. Бросив стальную трубку, я пошатнулась, шагая к лестнице. Дамиен тоже нашел путь в здание, поднимался по лестнице. Я поднялась на следующий этаж, потом на крышу. Город тянулся передо мной. Группа строителей, устраивающая балку на место, повернулась ко мне, они были возмущены.

— Эй! Что ты тут делаешь? — крикнул один из них.

— Ищу путь вниз, — ответила я. Другой лестницы не было. Я выглянула за край крыши, увидела пропасть в пять этажей высотой. Быстрый, но опасный спуск.

— Акробатические навыки поражают, — отметил Дамиен, игнорируя протесты строителей, шагая ко мне. — Еще выступишь?

Идти было некуда, я пятилась к краю здания, оглянулась на обрыв.

— Еще раз... — сказала я и прыгнула с крыши.

Я летела секунды по воздуху, с ужасом ощутила дежавю. Как Елена, падающая с трапеции на смерть, я летела к земле. Внизу стройка стала ареной цирка, работники смотрели, задрвав головы — зрители в ужасе.

Я поняла, что могла отпустить себя. Быстрой гибелью покончить со всем. Как трагическая смерть Елены, это будет надежный способ сбежать из хватки Танаса... в этой жизни. Но, по словам Феникса, жестокая гибель могла повредить мою душу и ослабить Свет, а я не хотела усиливать Танаса. И инстинкт выживания был сильнее.

Я падала, вытянула руки и сжала канат от балки, свисающий с крюка крана. Я сжала канаты как руки Дмитрия, запрыгнула на крюк, как акробатка, какой когда-то была. Оператор крана был так потрясен, что опускал крюк вдвое быстрее. В метре от земли я прыгнула и побежала. Я оглянулась, убегая со стройки. Дамиен стоял на крыше и яростно смотрел мне вслед.

12

Сердце колотилось, ладони дрожали, пока я садилась в метро на место у двери. Я все еще не верила, что прыгнула с того здания. Шок на лице Дамиена от моего безрассудного трюка явно был таким же, как мое потрясение. Даже мое воплощение как Елены подумало бы дважды! Но я идеально попала в прыжке на стрелу крана, рефлексy не подвели.

Я позволила надежде заблестеть в сердце.

«Может, у меня есть шанс быть на шаг впереди Дамиена и его Охотников...».

Метро замедлилось для остановки, дверцы открылись, пассажиры зашли и вышли. Я осталась на месте, старалась не ловить ничьи взгляды. Я сбежала от Дамиена, но Дозорные Танаса были всюду. А если меня ощутят и сообщат Охотнику о моем местоположении?

Я оглядела вагон, старая паранойя вернулась. Любой пассажир мог быть Дозорным!

Я надела кепку и солнцезащитные очки из рюкзака, но ощущала себя как беглец, меняя поезда, скрывая лицо от камер на станции. За часы моя жизнь перевернулась. Меньше недели назад мой врач, доктор Ларссон, убедил меня, что Проблески не были настоящими,

что Феникс развивал мои фантазии об Охотниках и Первых Предках. Но все оказалось правдой. Опасной правдой.

Я ощутила странное облегчение, поняв, что не сошла с ума. Доктор Ларссон управлял моим разумом, даже если хотел добра. Я должна была не слушать его, а готовиться к возвращению Танаса. Хоть его второе воплощение в моей жизни было неожиданным, его возвращение было гарантированным. Вместо того чтобы разбираться в моей травме полгода, нужно было развивать навыки, чтобы защитить себя в будущих встречах... и в этой жизни. Если бы я сделала это...

Вина пронзила мое горюющее сердце. Если бы я это сделала, я могла бы спасти жизни родителей. Они были мертвы по моей вине. Как мать Феникса убили в попытке убрать Феникса, мои родители погибли, потому что убить хотели меня. Слезы обожгли глаза, и я сжала кулаки, крик поднимался в груди.

Вдруг эмоции стали переполнять меня: горе от убийства родителей, шок от воскрешения Танаса, ужас от свободы Дамиена и погони, вина из-за моей неудачи и страх, что моя душа снова была в опасности. Не желая привлечь к себе внимания, я подавила желание кричать, глубоко дышала, медленно считая до десяти, успокаивая себя.

Буря во мне утихла, и я поняла, что сессии с доктором Ларссоном не были полной тратой времени и денег. Но мою тревогу вызвала другая мысль — отсутствие навыков боя самурая. Феникс уверял меня, что, испытав раз Проблеск с навыком, я получала навык навсегда. Тренировка калари и акробатика из цирка были свежими в моем разуме, но навыки боя самурая будто растаяли. А если мои способности угаснут? Я едва смогла сбежать от Охотников в этот раз. В следующий раз повезти могло меньше.

Блеск надежды в сердце начал угасать. Я утомленно прислонила голову к окну вагона и смотрела, как проносятся станции. В темных туннелях я потеряла счет времени и месту...

— Мы не можем ждать дольше, — прошептала я. — Поезд скоро будет тут!

Как две крысы, мы сжимались, нервные, за грудой обломков, где провалился потолок. Платформа метро была тускло освещенной и пустой. Старые газеты валялись на полу, выцветшая табличка NORDBAHNHOF криво висела на плитке стены.

— Это станция-призрак, — ответил тихо Ханс, — но это не означает, что она полностью заброшена.

Он кивнул на кабинку в дальнем конце платформы, где темные глаза смотрели в узкую щель в кирпичной кладке. Перед тем, как построили Берлинскую стену, эта станция была людной, соединяла восток и запад Германии. Теперь это была гробница с призраками-стражами.

Но внимательные глаза сонно закрывались.

— Наконец! — буркнул Ханс. Прошлой ночью он подружился со стражем и напоил его, надеясь утомить на смене. Страж уснул, и мы выбрались к барьеру вдоль рельсов. Под зеленоватым светом флуоресцентных ламп Ханс вытащил плоскогубцы и яростно разрезал колючую проволоку.

Ощущая себя опасно открытой на платформе, я поежилась, холодок пробежал по мне. Многие до нас пытались сбежать из Восточной Германии и не смогли. Ханс хотел пересечь саму Стену, но там была проволока, мины, псы и патрули, стреляющие на поражение, так что он передумал. Многие на его глазах погибли, пытаясь пройти, он не мог так рисковать мной и моей душой. Но известный офицер Герхарт Вульф и его черноглазые подельники отыскали нас в Восточном Берлине. Бежать было некуда, и закрытая станция метро была

последней надеждой.

Старые газеты шуршали, как листья, на платформе, и из туннеля доносился писк, предупреждая, что поезд приближался, его фары росли во мраке.

— Скорее! — прошипела я. Поезд бы нашим билетом из Восточной Германии. Я взглянула на бункер, где еще спал страж. Надолго ли?

Ханс сдвинул колючую проволоку, сделал брешь достаточной, чтобы я проползла. Он был за мной, я прыгнула на рельсы.

— Берегись средней рельсы, — предупредил Ханс. — Там ток.

Я кивнула, готовясь к самой опасной части плана побега. Мы легли спинами между рельсов, ждали поезда. Он понесся над нами в сантиметрах от наших лиц. Как только проехал последний вагон, мы вскочили и побежали за ним.

Вдруг зазвучала сигнализация. Стальная дверца бункера открылась, и страж с похмельем вышел с пистолетом в руке.

— БЕГИ! — закричал Ханс, выстрел прогремел на пустой платформе, пуля срикошетила от последнего вагона.

Я побежала, стараясь не наступать на среднюю рельсу. Поезд вошел в туннель и стал ускоряться. Я бежала за его красными фарами, потянулась к ручке дверцы. Ханс поднял меня на выступ сзади. Я повернулась, протянула руку к нему, и прогремел второй выстрел. Ханс запнулся и упал на колени.

— НЕТ! — закричала я, поезд уезжал.

— Ты свободна, Эрика! — крикнул он, страж навис над ним. — Просто не переставай бежать...

Поезд пропал в холодной тьме, третий и последний выстрел раздался в туннеле...

Я вскинула голову, дверцы открылись, и записанный голос сообщил:

— Аэропорт Хитроу, пятый терминал. Перейдите в...

Я в тумане вышла из поезда, поток пассажиров понес меня. Проблеск побега из Восточной Германии и жертва моего Защитника напомнили, что я убегала. Ханс говорил не переставать бежать, и я вряд ли могла остановиться. Не было безопасного места, и без Защитника я была уязвима вдвойне. У меня не было щита. Была только я.

Опустив голову, я шла за семьей с чемоданами, надеясь, что меня примут за еще одного их ребенка. Дети весело болтали о поездке, и я смагивала слезы. Я понимала, что делала бы это со своей семьей сегодня. Но я убегала одна, напуганная.

Мы поднялись по эскалатору на уровень отбытия, и я замерла под большим экраном с перечнем рейсов. У меня были билеты на Барбадос в рюкзаке. До самолета не меньше восьми часов, но дядя, тётя и дорогой Папая будут ждать меня. Туда я хотела улететь.

Но этого варианта не было. Я не могла так рисковать их жизнями.

Я разглядывала рейсы в списке, телефон задрожал в кармане, перебивая поиски. Мэй. Я заметила несколько пропущенных звонков и от Приши.

— Джен! — завопила Мэй в телефоне. — Где ты? Что происходит? Ты в порядке?

— В п-порядке, — с дрожью ответила я, скривилась, челюсть еще болела. — Хотя бы еще жива.

— Это бонус! — Мэй выдавила смешок. Она понизила голос до шепота. — Полиция с ума сходила. Они допрашивали меня почти час. Спрашивали, почему ты убежала. Если честно, я не знала, что сказать. Но ты должна знать, что инспектор думает, что ты вовлечена в смерти своих родителей.

— Что? — воскликнула я. — Это глупо!

— Знаю, — сказала Мэй. — Я сказала, что ты всю ночь была со мной у Приши. Но ты убежала, это сделало тебя подозреваемой. Что мне нужно было им сказать?

— Правду, наверное. Что за мной идут Охотники за душами... но они не поверят. Мне не поверили.

— Джен, послушай себя, — осторожно сказала Мэй. — Признай, это звучит невероятно. Я сжала телефон.

— Инспектор Шоу обвиняет меня в убийствах, в которых виновата она! Я знаю, поверить сложно, но это правда.

— О чем ты? — потрясенно спросила Мэй.

— Она выпустила Дамиена и его банду, — объяснила я. — Они ждали меня. У Дамиена был нефритовый нож. Наверное, он взломал твой дом — и он явно убил моих родителей тем же ножом. Значит, инспектор Шоу в ответе за их смерти.

— Но зачем она освободила Дамиена?

— Потому что Танас вернулся.

Мэй притихла на миг, потом осторожно сказала:

— Как? Ты сказала, что он умер.

— Это уже не так, — я утомленно вздохнула. — Потому я убежала. Выбора не было.

— Джен, я переживаю, — сказала Мэй, ее голос был наполнен тревогой. — Куда ты отправишься? Какой план?

— Плана нет, — признала я. — Разберусь на ходу...

— Завершается посадка на рейс ВА0209 в Майами, — перебило сообщение в терминале.

— Ты в аэропорте? — просила Мэй.

— Да, — я продолжила изучать список на доске.

— О, Джен, не убегай из страны! Это будет выглядеть еще хуже, — умоляла Мэй. — Вернись в мой дом. Мы за тобой присмотрим. Ты будешь в безопасности...

— Нет, я буду в безопасности только с Фениксом, — твердо ответил я.

— Но ты не знаешь, где он! — завопила Мэй.

Я заметила нужный рейс: самолет вылетал через час в Лос-Анжелес.

— Я найду его, — решительно ответила я, — или он найдет меня.

13

Я села у окна в самолете, убрала рюкзак под ноги. Старушка с белыми волосами и в розовом кардигане села рядом со мной, и я вежливо улыбнулась, повернулась к окну. Я ожидала, что машины полиции в любой миг приедут и остановят самолет. Но их не было. Самолет взлетел, и я смогла дышать.

Я смогла купить билет до Лос-Анжелеса в последний миг онлайн через кредитку мамы, разобраться при этом с необходимым разрешением на полет. Все было автоматическим, и было относительно просто пройти по аэропорту. Я даже использовала билет до Барбадоса, а не до Лос-Анжелеса, чтобы сбить полицию и Охотников со следа. Я не была наивной, они могли дойти до Хитроу. Но, если повезет, когда они начнут искать меня в аэропорте, они решат, что я улетела на Барбадос. Так у меня будет отрыв в семь часов. Вот только в ЛА лететь нужно было одиннадцать с половиной часов...

Самолет поднялся и выровнялся, адреналин от побега стал таять, усталость проникла в мои ушибленные и ноющие кости. Я отклонилась, попыталась уснуть. Но, закрывая глаза, я видела маму с папой на полу кухни в луже их крови. Я все еще не могла поверить, что они

были мертвы. Я знала, что у меня было много родителей за много жизней, но боль от их потери была такой же сильной и невыносимой, как если бы они первые умерли от рук Танаса и его Охотников.

— Ты в порядке, милая? — спросила старушка, услышав мой всхлип.

Я кивнула, боясь отвечать, ведь горе могло стать потоком неуправляемых слез.

— Впервые летишь одна? — ее голос был с мягким калифорнийским акцентом. Я кивнула. Ее загорелые щеки сморщились от сочувствующей улыбки. — Я помню свой первый полет. Было жутко, но путешествие в одиночку — лучший способ встретить интересных людей. Те, кого встречаешь в путешествии, формируют его. Я Роза, кстати, — добавила она, протянув руку. — Как тебя зовут, милая?

Я глядела на женщину, ее слезящиеся глаза заблестели голубым. Я тут же узнала мерцание. Она была Духовной Сестрой. Не Защитницей, как Феникс, но хорошей душой — она была на моей стороне, даже если не осознавала это. Считай их ангелами на Земле, сказал мне Феникс после встречи с дальнобойщиком по имени Митч. «Порой они оказываются в нужном месте в нужное время».

Ощувив, что я могла доверять Розе, я пожала ее ладонь и представилась.

— Дженна, ты бывала уже в Лос-Анжелесе?

— Нет, — ответила я и вдруг поняла, какое огромное задание меня ждало. Как мне найти Феникса в огромных США?

— По моему опыту, всегда лучше иметь местный контакт в новой стране, когда нужна помощь, — она мудро посмотрела на меня, порылась в сумке и вытащила визитку. — Если нужно будет остановиться где-то или совет, звони мне.

— Спасибо, — я убрала визитку в карман, стюардесса принесла напитки. Я попросила бутылку воды, а потом, успокоившись из-за Духовной Сестры рядом, устроилась на сидении. Пытаясь отвлечься от горя, я листала варианты фильмов и выбрала наугад боевик. В открывающей сцене героиня бежала по пустыне от бандитов с саблями верхом на верблюдах. Глядя, как она бежала по раскаленным дюнам, я вдруг ощутила жажду. Я потягивала воду, но рот оставался сухим. Хуже, губы стали пересыхать и трескаться, кожа ныла, словно была обгоревшей на солнце. Может, дело было в кондиционере на борту. Я выпила еще, осушила бутылку, но не могла утолить жажду...

— *Воды!* — прохрипела я, волоча ноги в сандалиях по раскаленному песку.

Амастан вяло передал мне флягу из козьей кожи. Я опустила вуаль, поднесла горлышко к потрескавшимся губам... но оттуда почти ничего не вытекло. Я предложила ему последние капли. Он отказался, хотя нуждался в воде, как я, и настаивал, чтобы я выпила остатки.

— *А ты?* — прохрипела я.

Его глаза, синие, как его одеяние, смиренно посмотрели на меня. Наши верблюды умерли, фляга опустела, а безжалостное солнце Сахары быстро поднималось к зениту. Амастан знал, у нас не осталось времени. Без воды даже Амастан не мог далеко завести.

Но кусочек надежды был: мой проводник и защитник знал о солевой шахте посреди торгового пути в Уалату. Если мы доберемся туда, мы выживем.

Мы шли. Солнце жгло, било как молот. Я вернула вуаль на лицо, темная кожа уже болела от хлестаний жарких ветров пустыни. Наши ноги погружались в песок, и мы шли до боли медленно. Мы забрались на дюну, вода замерцала вблизи. Надеюсь, что это не мираж, я взглянула на Амастана.

Он кивнул.

— И я это вижу, Сура. Может, это оазис.

Мы ускорились, несмотря на усталость. Вода блестела, пока мы приближались. Но у края озера мы обнаружили, что оно высохло. Пыль блестела — кристаллы соли отражали солнце. Я отчаянно огляделась. Деревьев не было, как и другого укрытия, только песок и соль, сколько хватало взгляда. А потом слева я заметила небольшие темные горки. Еще мираж?

— Тагаза, — прохрипел Амастан.

Мы пошли к шахте, хрустя сухой солью. Соленое высохшее озеро, как зеркало, отражало жар, запекая нас, как в печи, но теперь спасение было мучительно близко, и мы шли. Мы миновали глубокие ямы в песке, где слои соляных плит были открыты и убраны. Инструменты лежали на голой земле.

В узкой бреши в шарфе на голове Амастан смотрел на заброшенную сцену.

— Шахта была заброшена... — буркнул он.

Мы добрались до человеческого скелета, выбеленного солнцем, лежащего в неглубокой могиле. На пути было все больше костей, пока мы входили в Тагазу. Уродливая деревня из скромных строений из блоков соли и крыши из вонючей кожи верблюдов была заброшенной и пустой. Многие дома сравнивали с землей, из жизни было только облако мух, окружившее нас.

— Что тут произошло? — спросила я, вяло отгоняя мух.

Амастан покачал головой.

— Наверное, рейд.

Я прищурилась от яркого света солнца.

— Там колодец, — с надеждой указала я.

Мы поспешили к дыре в земле рядом с потрепанной веревкой, привязанной к камню. Амастан потянул за канат, поднял ведро, где было немного жидкости на дне. Он осторожно сделал глоток и тут же сплюнул.

— Это скорее соль, чем вода! — он закашлялся. — Мы будто пьем яд!

Бросив ведро, мы обмякли в жалкой тени домика из соли, только это здание осталось стоять.

— Что теперь? — отчаянно сказала я. Я взяла большой кристалл чистой соли. Он блестел в ладони, как драгоценность. Этот кристалл стоил бы золота в Марракеше, но посреди пустыни он был бесполезен.

Амастан вздохнул.

— До Уалаты десять ночей пешком. Воды на пути нет, без верблюдов или припасов мы не выживем в пути. В пустыне нас ждет лишь смерть.

Он вытащил из-под одеяния кожаный тубус.

— Мы должны закопать это из последних сил. Нельзя, чтобы Танас получил это. Кто знает? Даже тут, если ты найдёшь это в будущей жизни, ценное содержимое может пригодиться.

Он с трудом встал, вошел в домик. Через пару мгновений он пришел с большим глиняным горшком. Убрав кожаный тубус внутрь, запечатав горшок, он прошел к колодцу и привязал к нему веревку.

— Помни про Духовный сосуд в Тагазе, — мрачно сказал он, опустив горшок в глубины сухого колодца.

Я окинула взглядом мертвую деревню, белые кости и облако мух.

— Это место я не забуду, — прохрипела я.

Мы вышли на жару, увидели, как фигура в черном одеянии ехала по солевому озеру к нам. Он ехал на верблюде, вел небольшой караван еще шести бандитов в черном.

Мои глаза расширились в ужасе.

— Он нашел нас...

Я резко проснулась. Ладонь была на моем плече, и я открыла глаза, увидела широкую улыбку стюардессы. Доброй старушки не было.

— Мы прилетели, — бодро сказала она. — Добро пожаловать в Америку!

14

— Паспорт! — потребовала работница за столом. Она сжимала губы, полная противоположность солнечной стюардессе в самолете.

Я передала документы с нервной улыбкой.

Офицер осмотрела мой паспорт. Ее темные глаза разглядывали мое лицо с точностью робота. На жуткий миг я подумала, что она была Дозорным, но офицер просто делала свою работу, и ее темные глаза не были холодными и пустыми глубинами души Воплощенного.

— Опустите пальцы на сканер и посмотрите в камеру, — приказала она.

Стараясь выглядеть спокойно, я так и сделала. Но мои пальцы заметно дрожали, когда я опускала их на сканер. Я не только нервничала из-за проверки, но и Проблеск из Сахары потрясло меня. Я была ошеломлена: устала от полета и от воспоминания моей прошлой жизни как Суры. Почему после полгода пустоты я вдруг испытала так много видений?

Офицер заполняла данные в компьютере. Процесс занимал вечность. Она поглядывала на очередь пассажиров для проверки.

— Где твои родители? — спросила она.

— Дома, — ответила я, стараясь звучать ровно.

Она глядела на меня.

— Они рады, что ты путешествуешь одна в своем возрасте?

Я кивнула с комом в горле от мысли, что я теперь всегда буду путешествовать без родителей.

— Я в-все время это делаю, — сказала я. — Они всегда поддерживали мою самостоятельность.

Мои ответы удовлетворили меня, офицер хотела отдать мне паспорт, но взглянула на экран компьютера и нахмурилась едва заметно на непроницаемом лице. Она поманила другого офицера, мужчину размером с медведя с короткими кудрявыми черными волосами, аккуратной бородкой и карими глазами. Он посмотрел на экран, взял у коллеги паспорт.

— Пройдете со мной, мисс Адамс? — сказал он.

Мою грудь сдавило.

— Проблемы? — спросила я, повесив рюкзак на плечо.

— Нет, это стандартная процедура для детей, путешествующих одних, — ответил он, уводя меня от остальных пассажиров. Пришлось идти за ним по короткому коридору в комнату без окон. Он закрыл за нами дверь.

— Прошу, присядьте, — он указал на стул рядом с серым столом с компьютером.

Я попыталась устроиться удобнее на твердом пластике.

— Это надолго? — спросила я, заметив камеру в углу комнаты. — Меня встречает друг.

— Посмотрим, — ответил он, во второй раз ввел мои данные в компьютер. — Ваш паспорт был помечен. Мне нужно узнать, почему, а потом впускать вас в США. Вы знаете,

почему помечены?

Комнатка вдруг показалась лишенной воздуха и жаркой, простые серые стены будто давили на меня. Я надеялась, что миную аэропорт без проблем. Полиция дома явно передала в США мой статус как ключевого подозреваемого в убийстве. Но я покачала головой, играя глупую.

Офицер стучал по клавиатуре, нахмурился.

— Компьютеры, — буркнул он. — Опять завис.

Пока мы ждали, он кивнул на мой рюкзак.

— Могу осмотреть вашу сумку? — сказал он, тон звучал как приказ, а не вопрос.

— Это тоже стандартная процедура? — спросила я, придвигая рюкзак к себе.

— Вам лучше сотрудничать, мисс Адамс, — строго сказал он. — Как пограничник, я имею право осмотреть ваш багаж без разрешения или с ним. Но лучше бы «с».

Я с неохотой передала рюкзак. Он порылся в содержимом, криво улыбаясь из-за моего мягкого кролика Коко, потом приподнял бровь из-за конверта долларов. Он вытащил мою одежду, амулет Феникса упал на стол. Офицер с интересом посмотрел на амулет.

— Это странное украшение, — пробормотал он, почти очарованный круглым небесным кольцом с золотыми прожилками. Он пригляделся к египетским символам на амулете и немного мечтательно сказал. — Я явно видел его раньше.

В дверь постучали, женщина заглянула.

— ФБР тут. Они хотят увидеть девочку.

Глаза офицера округлились в удивлении.

— Да? Быстро. Я еще не обработал ее, — он взглянул на меня, потом на амулет, задумался. — Скажи агентам, что я приду через минуту. Мне нужно закончить с ее документами.

Женщина ушла, он повернулся ко мне с мрачным видом.

— Мисс Адамс, похоже, вас встречают.

Все во мне сжалось, я вспотела. Я окинула комнату взглядом, искала путь для побега, но была лишь одна дверь, ее перекрывал офицер размером с медведя.

Заметив мою панику, он опустил большую ладонь на мое плечо, пытаясь успокоить.

— Ладно, не очень приятная встреча, — сказал он, улыбка появилась на строгом лице. Я заметила в карих глазах голубое сияние. Он отвернулся от камеры в комнате, снова посмотрел на амулет и прошептал мне. — У меня странное чувство, что мы уже встречались... да?

Я глубоко смотрела в его глаза, увидела...

...бронзовый клинок-серп, шипение змеи, лысый мужчина в белом одеянии, мой синий амулет на его шее, а в его руке — скипетр с египетским символом анкхом. Его лицо цвета песка было напряжено от смеси ужаса и надежды...

Видение быстро прошло.

— Возможно, — ответила я.

Офицер склонился, говоря тихо:

— Я не знаю, почему, Дженна, но я будто в долгу перед тобой. Слушай внимательно. Тебе нужно действовать быстро. Если повернешь из комнаты налево и дойдешь до запертой двери в зону багажа, оттуда можно дойти до выхода из терминала. Код — 3582, - он сделал голос нормальной громкости. — Нужно обсудить ваше дело с ФБР, мисс Адамс. Я ненадолго. Думаю, они очень хотят вас увидеть.

Он подмигнул, глаза искрились голубым. Он вышел из комнаты... не закрыл дверь до конца.

Я глядела ему вслед, ошеломленная. Без колебаний я схватила сумку, сунула паспорт, деньги и вещи в нее, побежала к открытой двери. Я выглянула из-за угла, офицер с амулетом в руке говорил с двумя людьми в темных костюмах и солнцезащитных очках. Один был спортивного вида стильной женщиной с прямыми черными волосами и острыми скулами. Ее руки были скрещены, нога стучала нетерпеливо. Другой был крепким мужчиной, будто вырезанным из гранита, с квадратной челюстью, мышцами и каменным выражением лица. Он стоял перед офицером, грозный и неподвижный. Ни один агент не выглядел дружелюбно, и с ними я не хотела встречаться.

— Я вижу, что у вас есть ордер на арест девочки, агент Лин, но я — пограничник, — говорил офицер женщине. Он поднял руку, когда мужчина-гора шагнул вперед. — Агент Хейз, если дадите мне пять минут, чтобы закончить...

Офицер отвлекал двух агентов ФБР, я выскользнула из комнаты и побежала по коридору слева. Я бежала, пока не увидела дверь с панелью кнопок. Я ввела код, вышла в людный зал багажа, пошла к выходу из терминала. Куда ни глянь, всюду была охрана аэропорта.

Я шагала быстро и уверенно, стараясь слиться с другими путешественниками, миновать без проверки таможеню и попасть в зал прибытия, где мне стало немного легче. Я заметила пару костюмов и солнцезащитных очков у кофейни, и все внутри сжалось снова. Больше агентов ФБР. Я еще не была свободна. Я опустила кепку на лицо, случайно врезалась в девушку с кольцом в носу и короткими торчащими волосами. Я буркнула извинение и поспешила за указателями к такси.

Огибая поток пассажиров, я рискнула оглянуться, чтобы проверить, не шли ли за мной агенты ФБР. Тогда я заметила девушку с кольцом в носу во второй раз. Она была в зеленой шапке, свободной рубашке в клетку и рваных джинсах. Ее глаза скрывали зеркальные очки, но мне показалось, что она ждала в зале прибытия, поглядывая в мою сторону.

Дозорная? Охотница? Или у меня паранойя?

Я напомнила себе, что не все были угрозой, и поспешила. Но у стеклянных дверей я заметила зеленую шапку и зеркальные очки в отражении, и пульс участился. Девушка следовала за мной.

Вне терминала с кондиционерами воздух был жарким и полным выхлопных газов. Я заметила длинную очередь на такси и не стала там ждать, когда ФБР искали меня, а за мной шла странная девушка. Дальше остановился автобус, и я направилась к нему без пауз. Но мужчина в желтом жилете преградил путь.

— Эй, подвезти, юная леди? — спросил он чересчур дружелюбно.

— Нет, спасибо, — ответила я, пытаюсь обойти его.

Он усмехнулся, показывая золотой зуб.

— Лучшие цены такси в городе, — настаивал он, черные глаза разглядывали меня, он мешал пройти. — Лучшие такси. Куда вам? Диснейленд? Венецианский пляж? Юниверсал Студио?

За его костлявым плечом я видела, как последние пассажиры загружались в автобус.

— Спасибо, но я на автобусе...

Вдруг загудел двигатель. Девушка с кольцом в носу промчалась мимо, толкнув меня. Я вскрикнула и вылетела под колеса едущему такси. Желтое такси вильнуло и попало на обочину, ударило девушку вместо меня. Она перелетела через капот, врезалась в лобовое

стекло, отлетела на асфальт. Я не ждала, чтобы узнать, в порядке ли она. Я была убеждена, что она — Охотница. Она была опасна — зачем было толкать меня под машину? Я вскочила и побежала мимо мужчины в жилете, устремилась к автобусу, запрыгнув, пока двери закрывались.

15

Я вяло глядела на волны сияющего Тихого Океана, белая пена идеально изгибалась, пока они приближались к берегу. Вдоль широкой полосы золотого песка лежали золотые загорающие, нежились в последних лучах солнца. За мной поток туристов шел по бульвару, где под тяжелый бит танцевали брейк-данс, пели в колонках или звали прохожих посмотреть на их трюки. Один артист заставил толпу скандировать: «Хуба! Хуба!», а потом прыгнул босиком на битое стекло. Там даже каталась на скейте собака.

Я сидела одиноко на песке, растерянная. Автобус привез меня на Венецианский пляж, последнюю остановку, и я была рада оказаться тут. Шок из-за того, что меня чуть не переехали, угас, и остались вопросы: кем была та девушка — Охотницей? Почему она пыталась меня убить? ФБР тоже были моими врагами?

Я не могла попадаться. Если меня задержат власти, меня вернут в Англию... прямо в руки инспектора Шоу. От нее я попаду к Дамиену и его банде. Тогда мой драматичный побег был напрасным.

Щурясь от солнца, я пыталась заметить Феникса среди загорелых серфингистов, ловящих волны или отдыхающих на берегу. Мой Защитник сказал, что мог быть на пляже в ЛА. Я не знала, где лучшие места для серфинга тут, но этот пляж был известным, и он был хорошим местом для начала поисков.

Но после часа без результата моя надежда стала таять, а солнце садилось. Мой смелый план вел в Лос-Анжелес, я не думала, как отыщу Феникса. Я сказала Мэй, что найду его, но та уверенность уже звучала пусто, и я боялась, что выбрала непосильную задачу. Феникс говорил, что нас свела комбинация удачи, случая и судьбы. Чем ближе мы были, тем сильнее нас влекло. Но, если так, почему я не ощущала притяжение?

Сейчас я была растеряна, без опоры. Компас без ориентира.

«Мне просто ждать, пока он меня найдет? — но Феникс думал, что угроза для меня в этой жизни прошла. — Зачем ему меня искать?».

Я смотрела, как серфингист двигался на волне, поняла, что не могла полагаться на то, что меня найдет Феникс: мне нужно было его искать. Но где начать? Я могла заночевать на пляже, надеясь, что однажды мы пересечемся. А если он не на Венецианском пляже? А если он плавает в другой точке на побережье? И, пока я ждала и искала, ФБР искали меня. Как и Охотники Танаса.

Время было на исходе.

Я стала отчаиваться от невозможного задания. Казалось хорошей идеей убежать в руки Феникса. Быть снова защищенной. Но теперь меня била тяжелая реальность. Я убежала в страну, которую не знала, где никого не знала, где не было друзей, и шансов на встречу с Защитником было мало. Я вдруг вспомнила о визитке, которую Роуз дала мне в самолете. Я коснулась кармана, проверяя, была ли визитка там. Да, у меня был один друг. Может, я могла позвонить Роуз, ненадолго остановиться у нее, пока продумывала план.

Я вытащила телефон, включила его и ждала сигнала. А потом набрала номер с визитки. После трех гудков она ответила:

— Алло, это Роуз, — сказал знакомый добрый голос.

— Привет... это Дженна, — робко сказала я. — Девушка, которая сидела рядом с вами в самолете?

— О, привет, милая! — ответила Роуз. Ее тон смягчился. — Ты в порядке?

— Эм... не совсем, — призналась я. — Сорвалось место, где я хотела остановиться. Вы предлагали помочь, если мне нужно будет где-то остановиться...

— Конечно! Буду рада, — сказала Роуз, уловив отчаяние в моем голосе. — Я заберу тебя. Где ты?

Я назвала Роуз свое местоположение, и она пообещала вскоре прибыть. Я поблагодарила ее и завершила звонок. А потом поняла свою глупость. Пока я была в бегах, Феникс предупреждал, что телефон можно было отследить, и я не должна была связываться ни с кем, меня могли прослушивать. На телефоне пищали сообщения от Мэй и Приши, но я тут же выключила его, хоть ощущала вину за то, что игнорировала подруг. Я убрала телефон в сумку.

Я нервно озиралась, в паранойе. Пляж почти опустел, и только несколько серфингистов остались в воде, а бульвар стал тише, чем час назад. Венецианский пляж в оранжевом сиянии будто взял передышку перед вечерней толпой. Я повернулась к океану и нервно ждала Роуз.

Я думала о родителях с болью одиночества в сердце. Слеза покатила по щеке, пока я думала, где мы были бы сейчас втроем. На Барбадосе, с Папаей и остальной семьей, пили бы свежий кокосовый сок, глядя, как садится солнце за Карибским морем вместе. Я еще никогда не ощущала себя такой потерянной и далекой от дома.

Калифорнийское солнце медленно опускалось за волны, кроваво-красный глаз на темнеющем горизонте. Выглядело красиво, но, когда я огляделась, я увидела, что несколько людей на пляже не смотрели на закат. Они смотрели на *меня*. На фоне огненного неба они не двигались, глядя зловеще в мою сторону. Несмотря на тепло вечера, мою кожу покрыли мурашки, волоски на шее встали дыбом. Куда бы я ни смотрела, их становилось все больше. Каждый новый Дозорный будто вызывал тьму в следующей душе.

Я вдруг ощутила себя опасно открытой. Схватив рюкзак, я стряхнула с него песок и поспешила к бульвару.

Дозорные повернулись и пошли за мной, не спеша, напоминая спокойствием зомби.

Сердце колотилось в моей груди, я дошла до площадки и ускорила. Собака на скейте пропала, но мужчина со стеклом еще был там.

От моего приближения он хрипло завопил:

— Хуба! Хуба! Хуба! Вот и Свет! — его карие глаза стали черными дырами, он толк голыми ступнями битое стекло. Я слышала, как хрустели осколки, видела, как кровь текла из его рассеченной кожи. Меня мутило, я поспешила дальше. Но и он последовал, оставляя за собой красный след.

Я пошла быстрее, потом побежала. Все больше Дозорных появлялось, они оживали среди гуляющих на бульваре людей, их глаза стекленели и темнели. Некоторые просто указывали на меня, другие поворачивались и шли или кричали на странном диалекте. Когда некоторые попытались схватить меня, я безумно отбилась и побежала через дорогу.

Я миновала середину, когда черный джип остановился передо мной, и оттуда вышел мужчина в темном костюме и очках. Его грозные размеры пугали не меньше Дозорных. Я узнала агента Хейза, крупного агента ФБР с квадратной челюстью из аэропорта. За рулем сидела его напарница, холодно глядела на меня.

— Ни с места! — приказал агент Хейз, шагая ко мне, вытянув руку.

Я отчаянно озиралась. Со всех сторон шагали Дозорные, не давая убежать. Я побежала по дороге, агент погнался. Я шумно дышала, сердце колотилось, и я поняла, что не могла убежать от него. Пытаясь оторваться от него и Дозорных, я резко повернула в переулок... и столкнулась с девушкой с кольцом в носу, которая пыталась толкнуть меня под такси в аэропорте. Угасающее солнце отражалось в ее очках. Она криво улыбнулась, это меня не успокоило. Серебряная машина стояла за ней, преграждая выход из переулочка. Я повернулась в другую сторону, но агент ФБР уже догонял меня.

Я была в ловушке!

16

— Пора перестать бежать, Дженна, — сказал агент Хейз, входя в переулок и приближаясь.

Я пятилась, помня, что Ханс сказал мне не переставать бежать.

Агент потянулся за пистолетом, и я повернулась к другому концу. Блондинка вытасила тазер, прицелилась и выстрелила. Снаряд тазера пронесся мимо, чуть не задев меня, попал в грудь агента ФБР. Он содрогнулся и рухнул на землю, обездвиженный от удара током.

— Скорее! Залезай! — приказала девушка, открыв дверцу серебряной машины. — Он очнётся через полминуты.

Я медлила, ошеломленная. Я доверяла ей? Она пыталась меня убить, а теперь спасла.

— Т-тебя послала Роуз? — пролепетала я.

— Какая Роуз? — нетерпеливо сказала она. Я не успела ответить, Дозорные стали толпиться у входа в переулок. — Идем! — звала девушка.

Агент ФБР уже приходил в себя, и я знала, что выбора не было. Может, вариант не был лучше, но я запрыгнула в машину странной девушки. Она села за руль, и я удивлённо посмотрела на нее.

— Ты умеешь водить? — спросила я, подозревая, что она была не старше меня.

— Не нужно, — ответила она, нажала кнопку зажигания. Машина завелась, экран загорелся, и электрический двигатель, тихий, как шепот, направил нас задним ходом из переулочка, девушка больше ничего не делала.

Но автопилот не был идеальным. Машина загудела, заскрипели тормоза, мы чуть не столкнулись с другой машиной. В лобовое стекло я заметила Роуз в розовом Кадиллаке 1960-х, ее потрясенное лицо было почти таким же белым, как волосы. Мы глядели миг друг на друга, узнав лица, а потом моя машина поехала прочь.

В то же время агент ФБР выскочил из переулочка, бросился к моей дверце. Я отпрянула в страхе, он яростно стучал в окно, но когда он дернул ручку, он взревел от боли, отпустил ее, словно машина была в огне.

— Прибор против воров, — объяснила девушка с ухмылкой. — Дверные ручки с электрошоком.

Машина сама помчалась прочь, оставив оглушенного агента позади. Она двигалась по улицам, ловко огибая машины, и я тихо глядела с потрясением на спасительницу. Она села ровнее, закинула ноги на панель управления и перезаряжала спокойно тазер.

Девушка бросила на меня взгляд.

— И? Ты будешь меня благодарить?

— За что? — ответила я, изумленная и злая. — Что ты толкнула меня под машину в аэропорте? Или похитила с улицы?

— Эй! Я могу выбросить тебя сейчас же за такое отношение! — едко ответила она. — Но ты не протянешь и ночь.

— Я чуть не погибла днем из-за тебя, — отметила я. — Зачем ты пыталась меня убить? Девушка фыркнула.

— Убить тебя? Если бы я хотела, я бы оставила тебя там.

— О чем ты? — спросила она.

Она потрясенно покачала головой. Потом медленно и размеренно, словно говоря с душой, она объяснила:

— Тот парень с золотым зубом отвлекал тебя, чтобы Охотник подбежал и поймал, — кривясь, она потерла ногу. — Я даже жалею, что не дала ему это сделать. Мне было бы не так больно!

Я села прямее.

— Ты знаешь об Охотниках за душами? Кто ты? — осведомилась я.

— Джуд, — ответила она, опустила зеркальные очки, показывая синие, как у Феникса, сияющие глаза.

— О! Ты — Защитник души? — охнула я.

Джуд покачала головой.

— Не совсем... Я — Духовный Воин.

Я нахмурилась.

— В чем разница?

— Духовный Воин — бывший Защитник, который уже не сторожит Первого Предка, — она сдержанно улыбнулась мне. — Мы как ронины — блуждающие самураи без лорда, которого защищаем.

— Так есть и женщины среди Защитников... — отметила я, иначе глядя на свою спасительницу.

Джуд смерила меня взглядом.

— Ты застряла в восемнадцатом веке? Защитники-женщины чаще всего лучше для выживания Первого Предка. Нам легче слиться, чем Защитникам-мужчинам.

— Если так, — сказала я, машина выехала на шоссе Санта-Моника, слилась легко с потоком автомобилей, — могу я узнать, что случилось с твоим Первым Предком?

Джуд глядела на дорогу, хотя не вела машину.

— Тебе-то что? Это в прошлом, — буркнула она. — И я же спасла тебя?

— Наверное, — сказала я, ее уклончивый ответ встревожил меня. — Я — Дженна, кстати, — и я спросила. — Что ты делала в аэропорте и откуда знала, что я на Венецианском пляже?

— У автобуса всего пять главных остановок. Было просто выбрать нужную, — объяснила Джуд. — И в систему загружено полицейское радио с частотой ФБР, — она постучала по экрану машины и открыла приложение, похожее на старое радио. — Они уловили твой сигнал... — она посмотрела на меня из-за очков. — Скажи, что ты бросила телефон, прошу.

Я робко вытащила мобильник из сумки.

Джуд хмуро посмотрела на меня.

— Как ты столько прожила одна? — она выхватила у меня телефон, открыла окно и выбросила его.

— Но мне нужно позвонить Роуз, — возразила я, глядя, как телефон падает на

дорогу. — Дать ей знать, что я в порядке... — я утихла, машина переехала мобильник, разрушая его. Я словно теряла контроль над своей судьбой. У меня был план, хоть и слабый, и теперь он вылетел в окно.

Моя судьба снова была в чужих руках.

Голос женщины зазвучал из колонок машины:

— Внимание, ищем серебряную *Tesla XR*, едет на восток с Венецианского пляжа. Номер *8TRR943*.

— Нам лучше не медлить, — мрачно сказала Джуд, нажала на иконку на экране, повышая скорость машины. Автомобиль помчался быстрее.

— Ты мне не объяснила, что делала в аэропорте, — сказала я, чуть крепче сжимая сидение, пока мы неслись через бреши в потоке машин на головокружительной скорости.

— Порой, как Воин, ты ощущаешь, что где-то нужен, — ответила она, отклонилась на сидении, сцепила пальцы за головой, расслабившись, пока Тесла дико ехала. — Пока я не столкнулась с тобой, я не поняла, почему.

Я взглянула на нее, радуясь, что наши пути пересеклись не случайно. Но я и ощутила разочарование. Если Джуд тянуло в аэропорт, почему там не было Феникса?

— Будучи Воином, — сказала я, — ты знаешь моего Защитника, Феникса?

Она загадочно улыбнулась на миг.

— Может, знала в прошлых жизнях.

Я склонилась вперед, спросив с надеждой:

— Ты знаешь, где он сейчас?

— Я не его нянька! — едко ответила она. Увидев, что я подавлена, она добавила. — Но Калев должен знать.

— Кто такой Калев?

— Духовный Пророк.

Я тут же напряглась.

— Нет, спасибо, — сказала я. — Мой последний опыт с Пророком был почти фатальным.

Джуд с вопросом приподняла бровь, и я описала смертельную встречу с Танасом, когда он изобразил жреца Габриэла.

— Не переживай, — сказала Джуд. — Калев настоящий. Он связан с Верхними мирами и прошлыми жизнями других больше всех Пророков, каких я встречала. Он даст тебе защиту и совет. Хотя я пока рекомендовала бы отдохнуть.

Джуд закрыла глаза, устроилась удобнее, пока машина неслась по шоссе на восток.

Поняв, что придется довериться этому Воину, я глядела в лобовое стекло на горы в тумане вдаль.

— Куда мы едем? — спросила я.

— За город, — ответила она. — Ты видела, сколько тут Дозорных. ЛА практически кишит последователями Танаса.

17

Смеркалось, и усталость от пути догнала меня. Было сложно держать глаза открытыми. Джуд уже задремала, тазер лежал на ее коленях, босые ноги лежали на панели приборов. Суэта Лос-Анжелеса осталась позади, мы ехали на восток на автопилоте, минуя горную гряду Сан-Гейбриел. Гул колес на шоссе убаюкивал, мысли путались...

— *Феникс, у тебя гости, — сообщила медсестра, отпирая дверь и входя.*

Я сонно перевел взгляд от экрана ТВ, мерцающего в углу комнатки-камеры, вошли две фигуры в костюмах и темных очках. Я испугался на миг, что это были Охотники. Но я знал, что это было невозможно. Танас был мертв в этой жизни. Я пусто глядел на них, пытаюсь сосредоточиться на лицах. Но я их не узнал, и мне было все равно.

— Я — агент Лин, — представилась худая темноволосая женщина, показывая значок ФБР. Это объясняло очки. — А это — агент Хейз, — крупный мужчина с каменным лицом кивнул.

Я был вялым, не ответил. Быстро потеряв интерес, я перевел взгляд на ТВ. Повтор «Симпсонов». Только это я мог вынести.

Я услышал, как медсестра извинялась тихим шепотом:

— Бедняжка испытывает яркие галлюцинации, — объяснила она. — Он верит, что у него было много прошлых жизней, что он защищает какую-то девушку. Он много раз пытался сбежать. Для его блага мы его подавили.

— Угу, это понятно, — ответила агент Лин. — Можно нам минутку с ним?

Юная медсестра помедлила.

— Эм... я не должна оставлять вас одних с пациентом, — ответила она.

— Не переживайте, — сказал агент Хейз, тепло улыбаясь и ведя ее к двери. — Мы — обученные профессионалы, как вы. Лучше вам не мешать нашей работе. Уверен, вы понимаете.

— Конечно... — сказала медсестра, неохотно уходя из комнаты. — Но для блага пациента мне нужно ограничить ваш визит десятью минутами.

— Нам должно хватить, — сказал агент Хейз. Он закрыл дверь, прислонился крупным телом к раме, улыбка пропала с его лица. Даже в подавленном состоянии я ощущал, что что-то было не так. Я пытался заставить себя двигаться, но конечности не слушались, и я мог только лежать вяло на узкой кровати.

Агент Лин выключила телевизор, придвинула пластиковый стул от деревянного столика и посмотрела на меня из-за темных очков.

— Феникс Риверс? — она щелкнула пальцами перед моими стеклянными глазами.

Я едва мог реагировать.

Она понизила голос:

— Ты знаешь, что Дженна Адамс в США?

«Дженна!» — ее имя пронзило туман лекарств, как нож. Я взглянул на лицо агента, резко насторожившись.

— Я знала, что это тебя привлечет, — отметила агент Лин с ухмылкой.

— Она в порядке? — невнятно сказал я, язык казался слишком большим для рта.

— Угу. Пока что, — ответила агент, отклоняясь на стуле и скрещивая руки. — Но она в большой беде.

Я сел прямее на кровати, подавляя седативное. Мозгу приходилось усиленно работать, чтобы составить предложение.

— Я знал... я ощущал ее ближе... Что за беда?

— Ее родителей убили, — сказала агент, — и Дженна — главный подозреваемый.

— Что? — адреналин поднял туман, мой разум вдруг очистился. — Глупости! Дженна — не убийца.

— Это мы хотим доказать, — сказала бодро агент. — Но мы не можем помочь ей без разговора. К сожалению, Дженна в бегах.

Боясь за ее безопасность, я перевел взгляд с агента Лин на крупного агента у двери.

— Вам нужно выпустить меня отсюда! — попросил я. — Мне нужно помочь ей.

— Конечно, — агент улыбнулась. — Но сначала нам нужно знать, вступал ли ты в контакт с ней.

Я вяло покачал головой.

— Ни разу с тех пор, как покинул Англию...

— Ты пытался связаться? — спросила агент Лин.

— Как вы думаете? — яростно ответил я, злясь на их вопросы. — Я был заперт с тех пор, как меня выслали в Штаты. У меня не было шанса позвонить!

— Жаль это слышать, — ответила агент Лин без искренности. — Но, думаю, скоро у тебя будет визит.

Я ошеломленно глядел на нее.

— Почему вы думаете, что Дженна придет сюда?

— Зачем еще ей лететь в Америку? — спросила агент. — Ее оставшиеся родственники на Барбадосе. У нее даже был билет туда, но она прибыла в ЛА. Мы считаем, что он ищет тебя...

Я резко проснулась. Голова болела от того, что была прижатой к окну.

— Ты в порядке? — спросила Джуд, с вопросом глядя на меня.

— Да, просто был странный сон, — я скованно подвинулась, убрала с лица спутанные каштановые волосы, потерла глаза. Странный сон. Точно не Проблеск. Это было сейчас, и агент ФБР звала меня... Фениксом.

Все это ощущалось странно. Мне будто дали лекарства, и это была галлюцинация. Я ощущала панику моего Защитника из-за новости, что я была в Америке, но он не знал, где. Я ощущала его эмоции как свои. Растерянная и встревоженная, я глядела в окно на бесконечную пустошь. Перед нами солнце поднималось на горизонте, небо было голубым, ясным.

«Может, — подумала я, — сон был отражением моего желания найти Феникса?».

Я отогнала эти мысли и спросила:

— Где мы?

— Пустыня Мохаве, — Джуд зевнула, убрала ноги с панели приборов и потянулась.

— Далеко еще?

Она взглянула на навигатор.

— Мы почти там.

— Где? — раздраженно спросила я. Навигатор показывал путь, но не место назначения.

— Хейвен, — буркнула Джуд.

Я смотрела на нее и ждала. Объяснений не последовало, и я сказала:

— Расскажешь мне больше?

— Скоро увидишь, — уклончиво ответила она.

Без предупреждения машина выехала с шоссе на дорогу без таблички. Впереди неподалеку была горная гряда, и мы ехали будто посреди глуши. После пары миль асфальт резко кончился, и мы попали в город-призрак с дюжиной заброшенных зданий, рушащихся от жара пустыни.

— Мило! — сказала я с сарказмом. — Стоило пути!

— Это была процветающая шахта, пока ее не закрыли в конце прошлого века, — объяснила Джуд. Она обулась и сжала руль. — Дальше вести самой, — сказала она.

Я приподняла бровь.

— Я думала, ты не могла водить.

— Я сказала, что не было нужно, — ответила она и погнала по земляной дороге, облако пыли поднялось за нами. — Мы попали в мертвую зону, — она кивнула на экран машины, красная иконка мигала, не было связи. — Тут много железной руды в камне, и это блокирует сигнал. Тут не ловит мобильный, Wi-Fi или даже спутник.

Мы ехали глубже в пустыню, склоны горной гряды поднимались выше вокруг нас, дорога становилась грубее, было все больше ям. Мы въехали в узкий овраг, стало видно вход в старую шахту. Вход был запечатан металлическим барьером с красными большими табличками «ОПАСНО» и «НЕ ВХОДИТЬ». Но, взглянув в зеркало заднего вида, Джу направилась к закрытому входу.

— Что ты делаешь? — воскликнула я, сжимая сидение в панике.

Я думала, что мы врежемся, но металлический барьер поднялся, и мы проникли в шахту. Сердце билось в горле, я оглянулась, барьер закрылся за нами, за ним осталось солнце... и выход.

— Заброшенная шахта — идеальное прикрытие Хейвена, — объяснила она, грубо вырезанные стены туннеля сверкали в свете фар. — Чтобы не лезли любопытные.

— Это под землей? — спросила я, Джуд ехала по темным туннелям. Но, едва я спросила, я получила ответ. В тупике камень разделился, и мы выехали на яркое солнце. Прикрывая глаза от света, я притихла в потрясении от поразительного вида. В скрытой долине устроился восхитительный комплекс белых мраморных зданий, мерцающих в утренней жаре. Вокруг комплекса, вдоль края долины, шесть больших колонн из красного камня, вырезанные временем, стояли полукругом. В сердце, сияя, как кристалл, на солнце, блестела большая стеклянная пирамида.

— Добро пожаловать в Хейвен! — сказала Джуд с гордой улыбкой.

Я глазела, пока мы ехали туда. Хейвен выглядел как храм из будущего: древнегреческий белый мрамор и пирамида в египетском стиле соединились с современным стеклом и солнечными батареями. Прошлое, настоящее и будущее слились без проблем. Высокая круглая стена окружала главный комплекс, напоминая затерянный укрепленный город.

— Почему ты не сказала? — выдохнула я. — Это невероятно!

— Ты еще внутри не была, — сказала Джуд. Она проехала автоматические ворота, попала в большой двор с гравием и римскими статуями. Мы остановились у арки каменных ступеней, ведущих к входу с колоннами.

Я вышла из машины, ощутила спокойствие, как в храме. Ветерок ласкал колокольчики, и они тихо звякали, птицы щебетали неподалеку в ветках оливкового дерева. В его тени я заметила рыжего кота, спящего на земле. Утреннее солнце обжигало кожу, но я ощутила тепло внутри... я была тут спокойнее, но и энергичнее, чем за долгое время. Тревоги будто улетучились, и улыбка сама возникла на губах.

Джуд посмотрела на меня.

— Хейвен и на меня так влияет, — сказала она.

Мы поднялись по ступеням к колоннам, где она открыла большие двойные двери, и мы вошли в прохладу зала. Пол был отполированным белым мрамором, потолок был выкрашен в нежно-голубой, как безоблачное небо. Бежевые кожаные диваны и кресла делали комнату стильной, из окон во всю стену было видно японский водный сад. Но меня потрясло количество котов тут. Одни лежали на диванах, другие грелись на солнце или глядели в окно

на птиц, летающих в саду или пьющих из пруда. Пара котят играла на ковре у камина, их мать ласкала еще двоих в лежанке.

— Калеп любит котов, — объяснила Джуд, заметив мое любопытство. — Он их боготворит, — она указала на большую эбонитовую статую кота, украшенную камнями и золотыми египетскими символами.

Я разглядывала статую, и гибкая кошка цвета песка с широкими ушами и мордочкой кугуара запрыгнула на ближайший столик и дружелюбно мяукнула мне. Я сняла рюкзак и протянула к ней руку. Она потёрлась, громко урча.

— Ах, ты уже встретила Нефертити, — сказал низкий звучный голос со смехом. — И она явно тебя помнит!

Я повернулась, увидела пожилого мужчину в бело-бежевом костюме с галстуком. Он заметно хромал, опирался на деревянную трость с ручкой в виде головы льва. И его волосы были зачесаны назад, как грива льва. Его овальное лицо было добрым, мудрым и в морщинах, словно время вырезало каждый год на его загорелой коже в пятнах. Но, хоть он был старым, его глаза не имели возраста — ярко-синие, почти ослепляющие. Он тепло мне улыбнулся.

Я инстинктивно улыбнулась в ответ, потом растерянно нахмурилась.

— Кот меня помнит?

Он кивнул.

— Присмотрись, и можешь ее вспомнить, — предложил он, подмигнув.

Кошка с любовью терлась об мою ладонь, и я посмотрела в ее сияющие изумрудные глаза.

18

Радостно урча, Нефертити свернулась на моих коленях, пока я сидела, скрестив ноги, и ела сладкие финики в тени платана. Отсюда в саду замка я видела прогресс пирамиды отца, поднимающейся над землей, сияющие белые блоки отполированного известняка пронзали теперь безоблачное синее небо, как он. Он говорил, что, когда он умрет, его похоронят в этой гробнице, и строение поможет ему — великому фараону Хепухотепу — отправиться к богам выше и достичь загробной жизни.

Я опустила взгляд с огромного количества рабочих под горячим солнцем, строящих пирамиду, заметила муравьев на косточке финика у моих ног. Я поняла, что выглядела как божество для этих муравьев... как мы казались муравьями для божеств. Если что угодно могло привлечь внимание Осириса, Короля мертвых, то это величавая пирамида моего отца.

— Принцесса Тиаа, тысяча извинений, что помешал, — сказал лысый жрец, низко кланяясь и приближаясь.

— Я рада тебе, Анкху, — я улыбнулась. Я заметила, как мой страж, Ранеб, чуть подвинулся в углу сада. Отчасти скрытый за кустом, он был так неподвижен, что я почти забыла, что он был там. Любой, кто шел по саду, мог принять его за статую.

Держа голову опущенной, Анкху отложил скипетр жреца и сел на колени.

— Знаю, вы любите финики, — он протянул ко мне корзинку с крышкой. — Мой брат — торговец, он добыл лучшие фрукты из-за реки Иордан. Прошу, примите этот скромный дар как знак моей верности вам и вашему отцу.

— Благодарю, — ответила я, радуясь и немного удивляясь. Анкху был в свите моего отца, сколько я помнила, но он впервые подарил что-то мне. Может, он нуждался в

благосклонности, хотел, чтобы я что-то передала отцу? Визирь отца, Кафра, предупредил, что ко мне могут с таким подойти из-за того, что я была единственным ребенком фараона, наследницей престола, а еще — Первым Предком.

Жрец осторожно опустил корзинку у моих ног. Я заметила, что его белое одеяние было влажным, липло к спине, а лысина цвета песка была в каплях пота.

— Посидите со мной в тени, — предложила я. — Разделим ваш добрый дар.

Он благодарно поклонился и взял скипетр с анкхом сверху.

— Ваша щедрость восхищает, моя принцесса, но, к сожалению, мне нужно идти по делам, — ответил он, уже отступая к дорожке. — Наслаждайтесь финиками.

Я смотрела, как он покидал сад, странно спеша. Но все советники моего отца были под сильным давлением, нужно было завершить пирамиду до следующего урожая. Я была рада, что дар Анкху был свободным, и он не ожидал услуги взамен. Я могла ему доверять. Глядя на корзинку, я гадала, стоило ли ждать, пока моя служанка, Ситрэ, вернется с лимонной водой, прежде чем пробовать угощение. Но меня искушали слова о редких финиках. Я решила попробовать один. Я придвинула корзинку ближе, Нефертити напряглась на моих коленях, насторожила уши, зеленые глаза были огромными.

— Нефе, что такое? — спросила я. Я окинула сад взглядом, но не увидела ничего странного. Погладив кошку, чтобы успокоить ее, я подняла крышку корзинки, хотела сунуть туда руку, но Нефе спрыгнула с моих колен, выгнула спину, подняв хвост. Я отдернулась, а из корзинки поднялась черная кобра, раскрыв капюшон.

Я застыла, змея высунула раздвоенный язык, покачиваясь передо мной, темные немигающие глаза пугали злобой. Нефе зашипела громче, шерсть встала дыбом на ее спине. Но она не успела прыгнуть, змея ударила, ядовитые клыки летели к моей золотистой коже!

Бронзовый клинок запел в воздухе. Край в форме серпа рассек шею кобры, и я закричала, отрубленная голова упала на мои колени.

Моя служанка вбежала в сад, кувшин выпал из ее рук на землю.

— Что случилось? — завопила она.

Ранеб стоял надо мной, в руке был окровавленный хопеш, синие глаза пылали. Он указал на сердце режущим движением. Ситрэ охнула.

— Убийца!

— В-в-вы про Анкху? — пролепетала я. Ранеб кивнул.

— Я только прошла мимо жреца, — сказала Ситрэ и убежала из сада.

Дрожащей ладонью я потянулась, чтобы столкнуть голову кобры с колен, но Ранеб хмыкнул, знаками попросил не трогать ее. К моему ужасу, черные глаза змеи двигались в глазниках, раздвоенный язык высунулся. Чудище было еще живо! Она щелкнула зубами, маленькая Нефе смело отбила голову лапой, не дав ей укусить меня. Блестящее тело змеи извивалось в корзинке. Ранеб пнул корзинку в кусты, прижал кончик хопеша к щелкающей зубами голове змеи. Пронзенная голова перестала кусаться.

Мое тело тряслось от шока, сердце колотилось в груди. Громко урча, Нефе потерлась об мою руку, пытаясь успокоить меня.

Через миг Ситрэ вернулась с Анкху.

— Я смогла остановить его у ворот, — сказала она, ставя жреца на колени. Кровь текла струйкой изо рта мужчины, он был отчасти оглушен. Моя служанка была сильной, умелой. Я часто гадала, почему папа выбрал ее для заботы обо мне, а еще немого Ранеба. Но теперь я понимала — они были моими щитом и мечом. — Нужно казнить еще одну

змею! — прорычала она, Ранеб поднял хопеш, чтобы обезглавить жреца.

В последний миг Анкху посмотрел на меня, умоляя, его глаза были смесью черного и синего.

— НЕТ! — приказала я, подняв руку.

Его хопеш замер в воздухе, дрожая, Ранеб глядел на меня в потрясении. Но он послушался и опустил клинок.

Я поймала испуганный взгляд жреца.

— Ты, Анкху, был верным слугой моего отца, фараона, много лет, — сказала я. —

Почему ты решил убить меня сейчас?

Жрец стал всхлипывать, все его тело дрожало.

— Я н-н-не хотел... но он сказал сделать это... Он меня заставил!

— Кто? — спросила я. — Кто заставил?

— Анеп, Пожиратель Душ, — крикнул он, глаза были большими, не видели, словно ослепленные ужасом.

Ситрэ фыркнула:

— Танас, иначе говоря.

Нефе зашипела от имени лидера Воплощенных, прижалась ко мне.

Анкху нервно кивнул.

— Он пришел ко мне в облике змея. Вторгся в мои сны. В мои мысли. Поверьте, моя принцесса, я боролся... но он сказал, что поглотит мою душу, если я не послушаюсь!

— Он все равно поглотил бы твою душу, — кисло сказала Ситрэ.

— Я не понимаю, — сказала я, — как мое убийство змеей могло исполнить цель Танаса.

— В-вы не умерли бы... — лепетал жрец. — Не сразу. Вы крепко уснули бы... и Анеп успел бы исполнить ритуал жертвы...

— Хватит! Мы убьем предателя сейчас! — прорычала Ситрэ.

— И что тогда? — спросила я. — Он вернется в другой жизни, его душа станет темнее, он будет слушаться Танаса.

Ситрэ пожала плечами.

— Он — потерянный случай. Лучше убрать его и защитить вас в этой жизни.

Я покачала головой.

— Отец говорит, где есть жизнь, есть надежда.

— Не для него! — возразила Ситрэ. Она кивнула Ранебу, тот хотел снова использовать хопеш.

Жрец бросился мне под ноги.

— Прощу, простите, моя принцесса...

— Ранеб, НЕТ! — приказала я, когда он взмахнул клинком. Хмурясь, Ранеб снова не убил мужчину. — Надежда — видеть свет среди тьмы, — объяснила я.

Подняв подбородок жреца, чтобы видеть его глаза, я тихо сказала:

— Анкху, я верю, что в тебе еще есть добро. Я вижу это. Ты можешь идти по Пути Света, если захочешь, — я заглянула в его глаза глубже и дала ему немного своего Света.

Как дыхание моей души, белое мерцание пробежало между нами. Оно опустилось на его зрачки пленкой, и бушующая тьма сменилась тусклым, но ровным сиянием звезд. Поврежденная душа была уведена от края. Лицо жреца озарила благодарность, словно он видел рассвет впервые за год бесконечной ночи. Он поклонился мне, целуя мои босые ступни снова и снова.

— *Моя принцесса, я навеки в долгу перед вами, — поклялся он. Взяв с шеи круглый синий амулет с золотыми прожилками, он протянул его мне. — Я благословляю этот Сторожевой Камень своей душой, чтобы он защищал вас от Тьмы.*

19

Нефертити моргнула, и Проблеск закончился. Я покачнулась от его силы. В отличие ото сна, видение осталось ярким в моем разуме.

— Нефе, ты спасла мою жизнь! — охнула я, вспомнив, как она предупредила меня о кобре, а потом отбила кусающуюся голову.

Теперь я понимала и другое: почему пограничник думал, что он видел амулет раньше, и почему он был в долгу передо мной, и откуда была защитная сила Сторожевого Камня. Я обняла кошку с любовью. Она терпела это минуту, а потом вырвалась и спрыгнула в поисках теплого места на солнце, чтобы привести себя в порядок.

— Я рад, что вы снова встретились, — сказал старик, его трость стучала по мраморному полу, пока он шел ко мне. — Прощу, позволь представиться. Я — Калерб, и для меня честь снова быть в твоём присутствии, принцесса Тиая, если можно так тебя называть, — он склонил голову с уважением.

— Эм... лучше Дженна, — ответила я, а потом. — Мы тоже уже встречались? — я нахмурилась.

Добрая улыбка играла на его губах, глаза блестели.

— *Много* раз.

Я окинула Пророка взглядом, не понимая.

— Простите, — призналась я, — но я не помню вас из Проблесков. Уверена, жрец — пограничник, который помог мне ранее, и он отплатил долг, а Ранеб — это Феникс. Тогда вы — Ситрэ?

Джуд фыркнула со смешком.

Я повернулась к ней.

— Что смешного?

Она сидела в кресле, серебристо-серый кот запрыгнул на ее колени.

— Твоя служанка Ситрэ, или Феникс, как ты зовешь его сейчас, была твоей Защитницей в той жизни.

— Откуда ты знаешь? — спросила я.

Она посмотрела на меня поверх зеркальных очков.

— Я была Ранебом.

Я опешила.

— Что? — воскликнула я. — Почему ты не сказала, что наши души уже пересекались?

Джуд пожала плечами, глядя кота.

— Тебе лучше вспомнить самой.

Глядя в ее голубые глаза, я стала узнавать ее душу, не только в Ранебе, но и из другого Проблеска.

— Ты была девушкой в каноэ, которая помогла Некалли спасти меня от племени тлетл?

Джуд кивнула.

— И я была с тобой во Второй мировой. Лучший друг Гарри.

Я вспомнила худого темноволосого солдата на койке в укрытии во время Блица; он держался за сломанную руку, пока я перевязывала сломанную ногу Гарри.

— Джордж... Купер? — осторожно сказала я.

Джуд подмигнула мне, когда-то это было знакомо.

— Он самый, милая! — ответила она с идеальным лондонским акцентом.

Я всплеснула руками.

— Почему я ощущаю себя как чужак на своем воссоединении?

Смеясь, Калев взял меня за руку и привел к окнам с видом на сад.

— Как говорит Шекспир: «Весь мир — сцена, а люди в нем актеры, у них есть свои выходы и входы, и один человек играет много ролей». Это для таких, как ты, Дженна, Первый Предок. У тебя своя пьеса, и ты играешь много ролей в разных жизнях, от королевы до поварихи, от короля до нищего. Одна нить соединяет каждую часть — твоя душа. Но ролей так много, что ты не можешь помнить всех актёров.

— Так кем вы были тогда? — спросила я.

— Я был Кафрой, визирем твоего отца-фараона, — сказал он с грустной улыбкой. — Хепухотеп был одним из величайших Первых Предков, хотя он щеголял своим Светом. Его пирамида была примером!

— У вас есть пирамида, — отметила я, глядя на стеклянное строение, возвышающееся над садом.

Калев рассмеялся.

— Да, но моя хотя бы скрыта в защищенной долине, а не на виду у всего мира!

— Но почему у меня вдруг так много Проблесков? За последний день я вспомнила четыре прошлые жизни. И последнее видение было сильным.

— Это понятно. У тебя был стресс, — сказал Калев. Он опустил ладонь на мое плечо, успокаивая. — Проблеск — как открытие двери в разуме. Как только откроешь одну, появляется больше.

Я подумала о странном сне с Фениксом. Это был результат стресса? Или еще дверь открылась в моем разуме?

Калев вывел меня в водный сад на яркое солнце.

— Дженна, из-за концентрации Света тут у тебя может быть даже больше видений в Хейвене.

— Калев, — позвала Джуд с кресла, — ты был прав, кстати. Насчет ЛА. В городе их полно.

Пророк стоял на солнце, но на его лицо будто падала тень. Морщины на лбу углубились в каньоны.

— Я боялся этого. Мы поговорим позже.

Кивнув, Джуд мягко столкнула кота с колен и покинула комнату. Я смотрела, как она ушла в коридоре с моей сумкой.

Подозревая, что Калев уже знал о возвращении Танаса, я сказала:

— Все в порядке?

Калев бодро улыбнулся и ответил:

— Ты тут защищена, да.

— А Феникс? — спросила я. — Вы знаете, где мой Защитник? Джуд сказала, что вы можете...

— Тише. Постепенно, — сказал Калев. — Давай сначала устроим тебя в Хейвене, — он отвернулся, пошел по саду. — Идем, Дженна, — бросил он через плечо. — Думаю, тебе тут понравится. Ты скоро не будешь ощущать себя как чужая.

Хоть я хотела ответы, я пошла за ним. Солнце пустыни пылало ярко, но ручей и пруд

остужали воздух вокруг нас. Кот у края воды внимательно смотрел, как карп кои плыл в дюймах от его носа.

Калев болтал, пока мы шли по тропе из гравия, его трость постукивала с каждым шагом.

— Этот сад — копия сада, за которым я ухаживал в доме Даймё Такеды в провинции Кай, — сказал он. — У меня даже есть вишня из того региона Японии, — он махнул тростью на бело-розовое дерево дальше по тропе.

— Красиво, — сказала я, тут же ощущая себя как дома в таком окружении. Мой Проблеск как самурая Миоко вернулся ко мне, и я помнила, как сидела в таком саду, медитируя, пятьсот лет назад... *Мои ладони лежали на коленях, глаза были закрыты, сладкий запах вишни проникал в ноздри, я слушала журчание воды и звяканье музыки ветра, сосредоточилась на дыхании, очистила разум от отвлечений, катана всегда была под рукой...*

Калев вышел на тропу, и я поймала его за руку; Проблеск пропал, как и манящее напоминание о моих навыках самурая.

— Вы в порядке, Калев?

Он кивнул, на лице проступила улыбка, полная боли.

— Старая боевая рана, — объяснил он.

— Из какой войны? — спросила я без иронии.

— Первой Мировой, — сказал он. — Меня подстрелили в колено. Травма передалась в эту жизнь, как порой бывает. Но это меньшее из бед. Из-за моего Зрения я чувствителен к электричеству. Любое магнитное поле, Wi-Fi или сигнал радио тревожат мою ауру. Конечно, это не было проблемой в прошлом, но в этом современном мире у меня болит голова, меня тошнит, тело немеет, если я долго в том окружении.

— Потому вы построили тут Хейвен? В мертвой зоне? — я вспомнила слова Джуд.

— Отчасти, — ответил он. — Но есть причина важнее для выбора этого места, — он указал на шесть огромных колонн из красного камня, занимающих большую часть долины. — Это сильное и древнее духовное место. Естественный каменный круг с огромной космической энергией. Местный народ благословил строительство Хейвена в его защите. Мы на священной земле, — он посмотрел на меня. — Ты это ощутила, когда вошла?

От его слов я снова ощутила теплое покалывание в теле.

— Да, этот как... странно, но как жидкое солнце внутри.

Калев улыбнулся.

— Каменный круг питает твой Свет, — объяснил он. — И это ощущение будет расти, чем дольше ты тут.

— Но что за Свет? Почему я несу его, и что с ним делать? — спросила я. — Мой Защитник, Феникс, говорил, что я — Первый Предок, но я не понимаю, что это означает. Я — богиня?

Калев рассмеялся.

— Так много вопросов, — сказал он, ведя меня по тропе к стеклянной пирамиде. — Может, проще показать тебе.

20

Я на миг почти ослепла. Потом мои глаза привыкли, и я будто оказалась в большой призме. Стеклянные панели пирамиды отражали золотой свет солнца, бросая множество радуг над моей головой, как калейдоскоп. Голова кружилась, меня пьянил вид, кожу покалывало, нервы гудели, словно электричество бежало по мне.

— Это Солнечная Комната, — гордо сказал Калев. Он заметил мои огромные глаза. — Не переживай, что чувства усилились. Это естественные последствия купания в Свете.

— Почему ощущение такое сильное? — спросила я, потирая покалывающие ладони.

— Стеклянная пирамида концентрирует и усиливает энергию солнца, — объяснил он. — Вместе с силой каменного круга ты впитываешь Свет сильнее обычного. Но ты все еще не испытала всего!

Калев вел меня по белому мраморному полу пирамиды, отполированному до блеска, напоминая зеркало. Я будто шла по воздуху. Я заметила, что Калев уже не хромотал, он оставил трость у входа, Свет, похоже, временно усилил его колена. Я помнила, как билась с Дамиеном в каменном круге, и мои мышцы ощущались странно усиленными, и эффекты круга восстановили Феникса. Мои раны от вчерашнего побега от Дамиена и его банды пропали — боль чудом растаяла, и синяки рассеялись у меня на глазах.

Калев замер у белого мраморного пьедестала в центре комнаты. Алтарь высотой до груди и восьмиугольной формы был единственным твердым предметом во всей пирамиде. Бока были вырезаны загадочными символами и иероглифами. С недавним египетским Проблеском я тут же узнала защищающий Глаз Гора и анкх, необычную тройную спираль, какую я не видела раньше. На пьедестале лежал большой прозрачный кристалл в форме верхнего камня пирамиды. Я заметила свое отражение в мерцающей поверхности, опешила из-за синего света в своих глазах. Я еще не видела их такими яркими!

— Дженна, я покажу тебе глубокое прошлое, — сказал Калев благоговейно, его глаза сияли сильнее моих. — Смотри и учись, пока я веду тебя. Предупрежу: опыт может быть сильным. Это будет скорее Вспышка, чем Проблеск.

Он провел пальцами по краю алтаря, словно по планшету, и солнечные панели стеклянной пирамиды повернулись, направляя лучи солнца. Калейдоскоп радуги стал белым лучом, который попал по кончику кристалла. Он ожил, миниатюрное солнце загорелось внутри. Огонь ослеплял, и я поражалась, что могла смотреть на него, не теряя зрения.

— Готова? Опусть ладони на кристалл, — сказал Калев, стоя напротив меня, прижимая ладони с одной стороны.

Я осторожно протянула руки, ожидая, что поверхность будет обжигающей, но, к моему удивлению, она была прохладной. Волоски на моих руках встали дыбом, и через миг энергия затопила мое тело. Сердце колотилось, кровь ревела, янтарная кожа засияла изнутри. Солнце внутри кристалла росло, поглотило все золотым светом...

Все... Свет.

Чудесный и бесконечно мирный...

Свет поет, кружится, парит. Свободно и вечно течет...

— Что такое Свет? — мой голос разносился эхом во времени. Мой дух ощущался как перо, летающее на теплом нежном ветерке.

— Любовь в чистой форме, — ответил Калев издали. — Исток и сущность Вселенной.

Вдруг брешь появилась в Свете. Мерцающий занавес был порван взрывом Тьмы. Частицы Света летели вдаль в растущей пустоте — триллионы искр уплывали в бесконечное черное море...

Вдруг печаль охватила мое сердце.

— Что произошло?

— Рождение Танаса, — ответил скорбно Калев.

Свет медленно умирал вокруг, искры угасали по одной.

Прошли времена, Тьма росла, Вселенная становилась холоднее.

А потом искры Света стали возвращаться, сияли ярко и смело во Тьме, и мы родились...

— Первые Предки — не боги. Они — носители Света, — объяснил Каллеб. — Твоя душа — сущность Первого Света. И эта сущность перерождается из жизни в жизнь, из тела в тело, как свеча, которой зажигают другую, пока она не погасла.

— Но я... человек? — с трепетом спросила я.

Каллеб кивнул.

— Ты — человек, как все на планете. Но ты и духовное существо. Ты видишь больше, знаешь и ощущаешь больше. Твое присутствие, как и других Первых Предков, несет такие необходимые надежду, любовь и Свет Человечества.

Я стою на холме, смотрю на восток на Великую Рифтовую долину. Ночь была долгой и холодной, но обещание нового рассвета мерцает на горизонте. Мягкое оранжевое сияние медленно отгоняет черный покров ночи. Я беру мать за руку, потом мою сестру-близнеца, та берет за руку моего отца, и мы поднимаем руки к небу. Наше племя на холме делает так же. Мы поднимаем руки вместе, встречая восходящее солнце...

— У меня есть сестра? — потрясенно прошептала я. Я подумала о своих словах, что Мэй была мне как сестра, впервые поняла, что в сердце желала такую родственницу.

— У тебя была семья Первых Предков, — тепло сказал Каллеб, — и вместе вы управляли Светом...

Мы тихо поем, хор птиц сопровождает нашу церемонию. Низкие ритмичные ноты удодов смешиваются с высоким пением кукушек и зимородков у широких берегов реки, где фыркают бегемоты и тихо собираются газели, чтобы попить воды. Симфония звука прогоняет ночь. Наконец, большой красный диск солнца поднимается над горизонтом, золотые лучи проливаются на саванну. Слоны, зебры и антилопы гну бродят свободно. Стадо антилоп вздрагивает, когда лев шагает в высокой траве. Взлетает стая птиц. Нас на холме озаряет Свет, и Земля оживает...

Древнее видение прошло, и голос Калеба снова звучит в моей голове:

— Держась Света, вы помогаете защищать людей и всю жизнь на планете от Танаса и его Тьмы.

Грудь сдавило, я едва могла дышать.

— Так судьба мира в моих руках?

— Ты не одна в этом, — заверил меня Каллеб. — Все Предки разделяют этот долг.

— Но это ответственность, — сказала я, мысль давила так сильно, что тело дрожало от мысли о борьбе с Танасом. — Как нам придерживаться Света?

— Передавая огонь своей души следующему воплощению, сохраняя Свет... и отгоняя Тьму.

Я уже сталкивалась с Танасом в этой жизни, знала, что задание тяжелое. Мой Свет гасили больше раз, чем я помнила.

— Каждая душа несет Свет? — спросила я, надеясь, что бремя было не только на мне.

— Нет, только те, что родились от Первого Света.

— Но другие души перерождаются, как мы?

— Некоторые, — ответил Каллеб. — Зависит от их пути, на какой стадии они, и что им еще нужно выучить. Некоторые души очень древние, другие — новые. Им нужна защита больше всего, их нужно вести. У тех, кто пошел за Первым Светом, есть искры, которые

загораются огнем, чтобы помочь нашему делу — как Духовные Братья и Сестры — но души можно погасить.

— Что значит «погасить»?

— Почерневшие души из-за влияния Танаса становятся Воплощенными, — мрачно объяснял Калев. — Танас прячется в ночи, забирает души потерянных. Он кормится их отчаянием, заманивает их ложными обещаниями, и их легко соблазняет Тьма. Чем больше зла совершается в мире, тем он сильнее. И, пока его армия Дозорных и Охотников растет, искры умирают, наш Свет слабеет...

Буря грохочет в небе. Трещит молния, дождь льется потоками. Из тьмы армия воинов с черными глазами марширует по долине к нашему поселению. Мы не готовы, не защищены. Даже первые среди Первых в нашем племени не предсказали, что Танас воплотится на Земле и соберет столько последователей.

Сильный, как горилла, Танас сидит на огромном слоне. На его бритой голове череп льва, на спине — шкура леопарда. Его кожа в татуировках блестит от дождя под вспышками молний, его ладонь сжимает длинное копье, опасный наконечник вырезан из берцовой кости человека.

Крики мужчин, женщин и детей Предков наполняют воздух, мы пытаемся бежать от его армии Воплощенных. Но они разрушают наше поселение, убивая всех на пути. Танас ведет атаку, целится в самых ярких Предков, пронзая их жутким оружием и жестоко хохоча, пока они умирают...

— Э-это была первая атака Танаса? — спросила я сбивчиво, ледяной страх того момента был свежим и сильным, как я ощущала его много лет назад.

— Да. Первая из многих.

Я сглотнула, пытаюсь подавить желание убежать, напоминая, что это был только Проблеск.

— Но как мы выжили?

— Терпение, Дженна, и ты увидишь...

21

Я стою среди резни, ужас приковывает меня к месту, пока мои друзья из Предков гибнут на моих глазах. Родители кричат мне бежать, а потом и их охватывает резня. Как кровожадные львы, охотящиеся на газелей, Воплощенные бросаются на добычу и рвут конечности моих родителей. Я ощущаю их жестокие смерти как кол в сердце, Свет мира тускнеет, когда они гибнут.

Потом я вижу свою сестру, Лакейшу, сжимающуюся в нашей хижине, пытаюсь скрыться от бойни. Танас направляет слона кончиком копья. Разъяренный зверь сбивает хижину, и обломки придавливают мою сестру. Мне нужно увести ее, пока ее не растоптали. Я тут же оказываюсь рядом с ней.

Ее звездные глаза большие от боли.

— Тишала, я не могу шевелить ногами! — охает моя сестра.

Убрав обломки, я обнаруживаю, что она придавлена деревянной балкой. Я хватаюсь за нее... но она слишком тяжелая.

— Тебе тоже нужно поднять, — говорю я ей.

Лакейша кивает и толкает руками. Скрипя зубами, я тяну изо всех сил, а Танас мчится к нам. Слон все ближе, и я кричу от страха и гнева. В последний миг балка сдвигается, и моя сестра выбирается.

— Лакейша, беги! — кричу я.

Большой слон почти на нас. Лакейша ковыляет прочь, я бегу в другую сторону, машу руками, чтобы отвлечь Танаса. Отвлечение работает, но огромный слон обманчиво быстрый, и его бивень познает мой бок, бросает меня в воздух, и я падаю в грязь, разбитая и в крови.

Танас спрыгивает со слона, шагает, чтобы добить меня. Я пытаюсь отползти, но скользжу в размякшей от дождя красной земле. Он нависает надо мной, костяное копье поднято высоко над головой. Вспышка молнии озаряет его темное демоническое лицо, две бездонные ямы глаз. Крик поднимается в моем горле от его пустого бездушного взгляда. Я знаю, надежда пропала. Вокруг меня Свет гасят огонек за огоньком, душа за душой, и я следующая...

— Я думала, ты сказал, что мы выжили! — охнула я, тело дрожало от первобытного гнева. Бок болел, словно его снова пронзили, и кожу покрыли мурашки, было холодно, как в ту жуткую ночь. Даже в яркости Солнечной Комнаты я ощущала на себе тень Танаса.

— Терпение, Дженна. Эта Вспышка еще не завершена, — сказал Калерб. — Бой вот-вот переменится...

Я лежу беззащитно у ног Танаса, замечаю горящие факелы, движущиеся с востока. Звучит боевой клич, и воины с топорами выбегают из ночи. Воплощенные удивлены, отступают, сражаясь с новыми бойцами.

Танас собирается пронзить мне сердце, когда клинок топора рассекает его оружие пополам, и воин с голой грудью и косой черных волос сбивает его. Танас вскакивает на ноги, ревет в ярости и наступают. Воин взмахивает топором, чтобы обезглавить его. В последний миг Танас пригибается и бьет куском копья по руке противника, выбивая топор из его хватки. Воин отвечает ударами и лишает Танаса обломка копья. Они бьются врукопашную — удары жестокие, бой похож на схватку двух львов — но сила Танаса одолевает храброго воина. Танас пинает его на землю, топчет его так сильно, что ребра трещат.

Бросив мужчину стонать и извиваться от боли, Танас хватается за топор с земли и поворачивается ко мне. Без оружия, вдвое меньше него, раненая бивнем слона, я не надеюсь отбиться. Но потом замечаю блеск белой кости в грязи — отломанный наконечник копья! Я ползу к нему, но Танас хватается за лодыжку и оттягивает. Он отбрасывает меня в останки каменной стены, выбивая воздух из моих легких, а потом опускает меня на нее, как козу на жертвоприношении.

— Ты можешь потерять голову раньше сердца! — рычит он, поднимая топор.

Вдруг черные глаза расширяются, он кричит от боли. Танас падает лицом в грязь, белая кость блестит, торча из его спины — наконечник его копья — и над его мертвым телом стоит воин с заплетенной косой. Дождь стекает по его окровавленному лицу, он прижимает руку к ране на груди, но воин протягивает мне руку. Я сжимаю ладонь, он поднимает меня на ноги. В тот миг наши взгляды пересекаются, и искра Света проходит между нами. Его карие глаза загораются синим сиянием, и я знаю, что мы будем связаны навеки...

Дыхание застряло в горле, пульс участился от воспоминания.

— Так я встретила своего Защитника? — сказала я.

— Да... Племя воинов хакала с гор пришло на помощь, — объяснил Калерб. — В ту судьбоносную ночь каждый воин, который спас Первого Предка, стал Защитником Души, и

между их душами возникла вечная связь.

— Но мы многих потеряли, — сказала я, слезы выступили на глазах от древнего горя, я вспоминала погибших — моих Первых родителей среди них. Их смерти давили сильнее, чем смерти родителей в этой жизни, и я на миг устыдилась, что горе различало их, а потом поняла, что мои Первые родители были частью меня, как не могли быть родители в этой жизни.

— В той жизни многие были потеряны, — сказал печально Калев. Я ощутила улыбку на его губах. — Но Танас недооценил силу Света. Свет — энергия, и по закону природы энергию нельзя уничтожить. Она меняет форму. Те, кто умерли в ту ночь, вернулись в другой жизни и установили связь с оставшимися воинами.

— Так Танас провалился? — сказала я, надежда расцвела от мысли, что души моих Первых родителей выжили.

— О, если бы! — с горечью ответил Калев. — Нет, Танас учился! Он пытался много жизней, вернулся и обнаружил способ нарушить тот закон...

Кровожадный крик из замка послал дрожь по рядам рабов во дворе. До этого ритмичные крики «Ра-Ка! Ра-Ка! Ра-Ка!» уже были жуткими, но мертвая тишина после последнего крика жертвы беспокоила сильнее.

Я стояла с другими рабами, сжимая крепко руку сестры-близнеца, гадая, как нам сбежать. У каждого выхода были стражи в кожаной броне, и торговец рабами следил за нами, теребя короткий кнут с узлами на поясе, протирая лоб от жары в городе Урук.

Высокий худой мужчина в белом одеянии, расшитом золотом, появился на ступенях. Черные густые кудри выглядывали из-под золотой короны на его голове, длинная борода скрывала выпирающий подбородок и землистый цвет кожи. Он величаво спустился во двор. Он приблизился, стало видно брызги крови на безупречном одеянии.

— Т-т-тот раб тоже не подошел? — пролепетал в панике торговец.

— О, он подошел, — ответил масляным голосом Сарагон. Лугал города Урук медленно шел вдоль ряда рабов, разглядывая каждого по очереди.

Торговец шаркал за ним.

— У-у-уверяю вас, Великий Лугал, те рабы выбраны мною, они лучшего качества. Они могут служить долго, а не... кхм... выполнять короткую службу, — его свисающие щеки и пухлые губы исказила заискивающая, но испуганная улыбка.

Сарагон пронзил торговца резким взглядом.

— Не твое дело, что я делаю со своей собственностью!

— Н-нет, конечно, — ответил торговец рабами, низко кланяясь, Лугал разглядывал зубы мускулистого раба, его круглое лицо, а потом отмахнулся. — Я хочу, чтобы вас радовали рабы, которых я вам доставил.

— Не переживай, Римуш, ты хорошо поработал, собирая эти образцы, но я выбираю для особых нужд...

Он замер перед моей сестрой и мной. Он длинным костлявым пальцем поднял деликатный подбородок сестры. Его узкие глаза, твердые и блестящие, как черные опалы, глядели на нее, зловещая улыбка изогнула его тонкие губы, когда он увидел их голубой блеск.

— Возьму эту, — заявил он.

Моя сестра побелела, она отпрянула от руки мужчины. Я сжала ее ладонь крепче, готовясь броситься к свободе и погибнуть. Мы могли убежать через замок, но там будет как в логове льва. Я с мольбой посмотрела на торговца. Он немного проявлял доброту по

пути в пустыне, выделяя нас среди других пленников, зная, что мы будем дороже всех на рынке.

Римуш нервно кашлянул.

— Тысяча извинений, но я не продаю ее для таких целей, — сообщил он твердо.

Сарагон приподнял густую бровь.

— Ах, торговец рабами с моралью? Не смеши, Римуш, — он фыркнул. — Я хорошо тебе плачу, да?

— Да, вдвое больше обычного, но это не...

— Тогда зачем тебе знать о моих «целях»? — он оскалился. — Я хочу ее, я заберу ее.

Римуш сглотнул и сцепил ладони.

— Но они идут в паре, — вяло сказал он.

Сарагон посмотрел на мои звездные глаза и усмехнулся.

— Ах, да. Конечно.

— С такими глазами они очень дорогие! — лепетал торговец. — Я не могу заинтересовать вас другой покупкой? Той, что подойдет, но по лучшей цене?

— НЕТ! — рявкнул Сарагон. — Я заберу сначала эту, — продолжил он, указывая на мою сестру. — Следи за другой, — он схватил мою сестру за запястье и потащил ее прочь.

— Ая! — завопила я, отчаянно держась за нее. Меня ударили по голове палкой. Я оглушено упала на колени, могла лишь смотреть, как сестру ведут по ступеням в замок...

Мои ноги подкосились, и я обмякла на полу. Даже голова звенела, будто меня ударили. Боль, гнев, печаль и отчаяние смешались с другими эмоциями, переполняя.

— Думаю, на сегодня хватит, — быстро сказал Калепб, убрал руки с кристалла, разрывая связь. Он обошел и помог мне встать. — Тише. Я предупреждал, что это сильный опыт.

Хоть я ощущала до этого энергию, теперь тело ощущалось опустошенным. Я прильнула к алтарю для поддержки, слезы лились по щекам, сердце горело от горя. Я посмотрела на морщинистое лицо Калеба.

— Что случилось с моей сестрой? — отчаянно прохрипела я.

— Прости, Дженна. Я не всегда управляю происходящим, — объяснил Калепб, его лицо было напряженным. — Некоторые Проблески возникают сами. Может, мы увидим его в другой раз.

— Но я хочу знать, — начала я, но голова закружилась, ноги снова подкосились.

Калепб сжимал мое запястье.

— В первую Вспышку так много видеть нельзя, — мягко сказал он. — Ты выгоришь, а это никому не поможет. Идем, отдохнем и наберемся сил.

Он провел меня через вход пирамиды в сад. Усадив меня на скамью под вишней, он вернулся в пирамиду за тростью, снова хромал. Я слушала журчание ручья, пытаюсь совладать с эмоциями, потоком мыслей в голове: радостью и бременем Света, шоком от первой атаки Танаса, радости от связи с Защитником, неуверенности из-за судьбы сестры — и то, что у меня была сестра...

Нефертити вышла из кустов, потерлась об мои ноги. Я взяла ее и усадила на колени. Пока я гладила ее мягкую шерсть, буря в разуме утихала, как всегда рядом с ней.

Услышав стук трости по тропе, я повернулась к Калепбу и спросила:

— Почему Первые Предки не помнят это, когда рождаются? Это ведь помогло бы им подготовиться к Танасу?

— Возможно, — признал он, сел рядом со мной, — но твои знания привлекли бы к тебе

Охотников, когда ты уязвима. Учитывая эмоции, которые ты испытываешь сейчас, хорошо, что ты не помнишь сразу свои прошлые воплощения. Разве жизнь не стала бы невыносимой под весом такого количества воспоминаний? Это бремя Пророка, как я, — он утомленно улыбнулся и похлопал меня по колену. — Думаю, мы ответили на твои вопросы, Дженна, хотя бы пока что. Хочешь встретиться других Первых Предков?

22

Со смесью восторга и страха я прошла за Калобом через деревянную арку в большой прямоугольный двор. Со всех сторон мраморные колонны обрамляли его в стиле римской виллы. Внутри были луг и небольшой ухоженный фруктовый сад. Апельсины, лимоны и яблоки висели на ветках, насыщая воздух ароматами, терракотовые горшки с цветами украшали густую зеленую траву. В центре райского сада журчал фонтан. Я пригляделась, заметила дюжину бирюзовых дверей в песочного цвета стенах двора, в открытой двери было видно небольшую квартиру, и за двором над крышами с красной черепицей поднимался большой купол с круглыми окнами с витражами.

В саду с двумя котами собрались люди, греясь на солнце. Беловолосая старушка в кресле-качалке читала девочке на ее коленях. Неподалеку мать с черными волосами в косе отдыхала на траве, держа в руках ребенка. Семья из четырех сидела за деревянным столом и ела завтрак возле своей квартиры. Двое мужчин — один с бородой, другой в инвалидной коляске — играли в шахматы, юноша с каштановыми растрепанными волосами ухаживал за апельсиновым деревом. Они повернулись, когда зашли мы с Калобом, и при виде меня их лица озарили улыбки, как лучи солнца. Девочка спрыгнула с колен старушки, подбежала и обняла меня. Я на радостный миг подумала, что это была моя сестра... но она посмотрела на меня сияющими голубыми глазами, и я поняла, что это была не она.

— Меня зовут Таша, — сказала девочка, улыбаясь мне. Ее русые волосы, бледная кожа и акцент намекали, что она была русской.

— Привет, Таша, я — Дженна, — ответила я, язык давался легко, словно я еще была акробаткой Еленой.

— Знаю. Мы тебя ждали, — ответила она на русском.

Таша взяла меня за руку и повела в центр сада. Меня тут же окружили люди с синими глазами, приветствовали меня по очереди. Я познакомилась с Вивианой, крепкой бабушкой из Италии. Табиса и ее малыш Кагисо недавно прибыли из Южной Африки. Мистер и миссис Джонг, их сын Нам и дочь Сун из Южной Кореи теперь жили в США. В шахматы играли бородатый Сантьяго с Кубы и бодрый Мик из Новой Зеландии. Наконец, длинноволосый Фабиан из Нидерландов подарил мне апельсин в честь знакомства. Как старые друзья, мы обнимались при встрече, целовались и плакали от радости. Каждые объятия согревали мое сердце.

Хоть я только встретила этих людей, я ощущала себя легко, словно была в семье. Я огляделась, гадая, где были мои Первые родители и сестра, смогли ли они пережить множество поколений геноцида Танаса... а потом горе пронзило меня, я вспомнила о мертвых родителях из этой жизни. Они не были Первыми Предками, но все еще были важны для меня в этой жизни. Видение о них на полу кухни в крови заставило меня всхлипнуть, горькие слезы обожгли глаза.

— *Stai bene, mia cara?* — спросила Вивиана, обвив меня рукой.

— Да, я в порядке, — ответила я, быстро вытерла слезу ладонью. — Просто... переполнена.

Она тепло улыбнулась.

— *Aх, certamente!*

Я оглядела двор, отмечая двери. Квартир было больше, чем людей. Я с надеждой повернулась к Калебу.

— Придут еще? — спросила я, вспомнив, каким большим и процветающим племенем мы были.

Он кивнул и улыбнулся, но улыбка была печальной.

— Да... в мире больше Предков. Мы ждем днем еще пару, — ответил он. Печальная улыбка пропала с его губ, он показался старше. — Но Свет угасает сильнее...

Без предупреждения Калев вскрикнул от боли и рухнул.

— Калев! Тебе плохо? — я потянулась к его руке. — Это твое ко...

Меня ударила боль, сжимая все внутри, я упала на землю рядом с ним. Было сложно дышать, огонь обжигал живот, словно меня подстрелили в упор. Зажмурив глаза от боли, я видела...

...фигура в капюшоне парит передо мной... я не могу различить лицо, но ощущаю, что это Танас... а потом замечаю потолок в трубах, каталку госпиталя, клинок скальпеля в крови... Дикая вопли «Ра-Ка! Ра-Ка! Ра-Ка!» звенят в ушах, ритуал жертвы знакомый и пугающий... Дозорные — белые плащи-призраки вокруг меня... Горечь во рту, запах семян аниса в воздухе вызывает тошноту...

— Скажи, где Хейвен, и я избавлю тебя от боли, — обещает искаженный голос. — Иначе будешь страдать от вечного изгнания, как твой Защитник...

— Ни за что! — лепечу я.

— Так тому и быть! — шипит голос. *Вспышка стали и боли, скальпель режет тело и душу, жуткое ощущение отделения, разрывания на части...*

Я отпустила руку Калеба, и сильное видение пропало. Мир вокруг меня потускнел, я ощущала пустоту в сердце, будто часть меня пропала навеки.

— Ты в порядке? — Фабиан помог мне встать.

— Думаю, да, — ответила я вяло. Я тряхнула гудящей головой, потерла ноющий живот, пытаюсь убедить себя, что видела воспоминание из гробницы. Но это было не так. И на каталке была не я. Страшнее всего в Проблеске было то, что он не был прошлым.

Как сон с Фениксом, это происходило сейчас.

Калев, сжимаясь на земле рядом со мной, похоже, еще видел этот Проблеск из настоящего. Он стонал, словно молился о конце боли. Держа его за руку, я как-то связалась с тем, что он видел и ощущал — но это не объясняло сон о Фениксе. Я как-то связалась со своим Защитником?

Стоны утихли, и Калев поднял взгляд. Пот блестел на его лбу, глаза были заметно тусклее.

— Мы потеряли Саула... — охнул он, — и его Защитника, Мэдди...

— НЕТ! — взвыла Табиса, прижимая ребенка к груди.

Сантьяго пошел утешать ее объятиями.

— Это невозможно! — рявкнул он. — Калев, ты говорил, что Танаса уже нет.

— Да, — ответил утомленный Пророк, Фабиан дал ему трость и помог встать. — Как ты, я ощутил, как Тьма поднялась, полгода назад.

— Как тогда мог быть утерян Свет Саула? — спросил гневно Цзинтао Джонг. Он сжимал руку жены, обвил рукой детей, защищая.

Калевб сжал львиную голову своей трости, костяшки побелели, пока он пытался держаться и выглядеть сильным для всех.

— Боюсь, его Дозорные вернулись, — признал он. — За последние несколько недель мои видения стали мрачнее и зловещее. Я не хотел придавать этому значения, но этим утром Джуд подтвердила, что видела орду Дозорных в ЛА. Значит, и Охотники Танаса вернулись.

— Как? — спросил резко Мик. — Без Танаса нет Дозорных и Охотников, как нет и ритуала.

— Танас вернулся, — сухо сказала я, удивляясь, что Калевб лишь недавно заподозрил это. Все притихли, и радостная атмосфера сада стала суровой, как на похоронах. — Я видела его Охотников своими глазами, — продолжила я. — Билась с ними своими руками.

Худое тело Таши задрожало, она прижалась к Вивиане, уткнулась бледным лицом в цветочное платье старушки. Фабиан опустил голову, маленький сын Табисы заплакал. Калевб вдруг показался очень уставшим и старым. С помощью трости он дошел до каменной скамьи и тяжело сел.

— Мои кошмары — правда, — вздохнул он.

— Не понимаю, как он вернулся, — сказала я. — Мой Защитник, Феникс, убил его в этой жизни — убил обсидиановым клинком. Он сказал, что это отгонит Танаса на жизнь или две.

Калевб опустил подбородок на трость.

— Может, Танас не так уязвим к обсидиану, как мы думали. Даже так его возвращение неожиданно, а его Охотники поднялись слишком быстро.

— Он не мог просто переродиться? — предположил Фабиан.

— Конечно, мог, — сказал Калевб. — Но даже если он переродился сразу после смерти, он был бы слишком юн, чтобы влиять или вызвать Охотников.

— Вряд ли Танас переродился, — сказала я. — Один из его Охотников, Дамиен, хвалился, то его мастер *воплотился* в другом теле.

Калевб пронзил меня взглядом.

— Что ты говоришь, Дженна? Что Танас вернулся в уже живущее тело?

Я кивнула.

— Это неожиданно! Скажи, как именно Танас умер?

Первые Предки слушали, пока я описывала попытку Танаса уничтожить мою душу, и как Феникс спас меня. Когда я закончила, Калевб рассеянно стучал тростью по земле, размышляя.

— Говоришь, Танас умер в церкви, — сказал он. — Церковь была необычной?

— Да. Танас осквернил ее темной магией, — объяснила я. — Черные свечи... чары... древние руны... перевернутые кресты... Он даже нарисовал пентаграмму на полу.

Калевб выпрямился и внимательно разглядывал меня.

— И Танас умер внутри пентаграммы?

Я кивнула.

Пророк стукнул тростью по земле.

— Ах! Вот и ответ, — заявил он, встал на ноги и пошел по лугу с новой силой. — Сила пентаграммы могла сохранить связь между его душой и физическим миром. Мост, по которому он вернулся. Возможно, Танас воплотился в другом теле на грани смерти, где еще были открыты врата души. В теории он мог захватить ту душу, поглотить ее и занять тело, — он покачал изумленно головой. — Но это большой риск. Если тело умирало, пока он

переходил в него, его душа могла затеряться между физическим и духовным миром навеки.

— Жаль, что он не умер! — рявкнул Сантьяго.

— *Il male non tuore mai*, — буркнула Вивиана, нежно глядя светлые волосы Таши, пытаясь утешить девочку.

— Что? — я не поняла ее итальянский.

Мрачно посмотрев на каждого Первого Предка по очереди, Вивиана повторила на английском с акцентом:

— Зло никогда не умирает.

23

— Мне нужно найти Феникса, — сказала я Калебу, пока Первые Предки расходились. Каждому нужно было смириться со смертью Саула и неожиданным возвращением Танаса.

— Не переживай, Дженна. Ты тут в безопасности, — заверил Калев, взяв меня за руку и поведя по лугу.

— Я ощущаю безопасность рядом с Фениксом, — сказала я. — Он может защитить меня от Танаса, как он сделал в этой жизни и моих прошлых жизнях.

Калев кивнул в сочувствии.

— Я ценю твое желание быть с твоим Защитником, но лучше оставаться в Хейвене и не искать его. Ты сама видела, сколько там Дозорных. Поверь, Феникс тебя найдет. И у тебя тут есть Джуд. Она способная как Воин.

— Не спорю, — я вспомнила, как Джуд действовала как немой страж Ранеб. — А Феникс? Где он? Он знает, что Танас вернулся?

Калев нежно похлопал меня по руке.

— Не нервничай. Феникс может о себе позаботиться, а ты и твой Свет тут защищены. Это важно.

Я нахмурилась, растерявшись из-за отношения Пророка к опасности.

— Но что помешает Танасу или его Охотникам найти это место? — настаивала я. — Я тоже видела смерть Саула. Мы знаем, что Танас ищет Хейвен.

— И он никогда не найдет его, — ответил Калев удивительно уверенно. — Я старался скрыть это убежище. И мы на священной земле. Ни один Охотник не может войти сюда, не подвергнув угрозе свою душу.

— Но Танас смог войти в церковь, где убил Пророка Габриэля и принес в жертву его душу, — мрачно напомнила я.

Плечи и голова Калеба опустились.

— Да, я ощутил смерть друга как нож в сердце. День был темный, — он мрачно посмотрел мне в глаза. — Потому я был осторожен. Хейвена нет на карте. Вход скрыт в заброшенной шахте. Сверху установлен голографический щит. И мертвая зона не дает засечь его с земли или неба. В этой долине, Дженна, мы скрыты от мира.

— Но разве этого хватит? — спросила я. — То, что нас нет на карте, не означает, что Танас не может нас найти.

— Дженна, нужно, чтобы в Хейвен привел тот, кто тут уже бывал, — раскрыл он. — Это ключ к входу в долину. Наш общий Свет скрывает наше присутствие тут. Как туман в море скрывает корабль, Хейвен невидим для Воплощенных.

Он остановился у бирюзовой двери в юго-западном углу двора.

— Ах, вот. Это твоя квартира, — бодро сообщил он. — Оставлю тебя, мы сможем поговорить позже. Пока отдыхай и набирайся сил. У тебя был долгий и тяжелый путь, — он

попрошались и ушел, хромя, к другим.

Надеясь, что он не зря верил в надежность Хейвена, я вошла в маленькую, но аккуратную квартиру. Мой рюкзак уже был на кровати, как и чистая одежда. Бутылка холодной воды стояла на тумбочке. Нефе свернулась у подушки. Я погладила ее, и ее урчание было знакомым, успокаивало после тревог и неуверенности последних дней. Выпив воды, я вытащила вещи из рюкзака, приняла такой нужный душ и надела джинсовые шорты, черные кеды и бежевую футболку. Когда я снова вышла, моргая от яркого света, завтрак лежал на круглом столике — свежие фрукты, йогурт, гранола, хлеб и апельсиновый сок. Я голодно взялась за него.

Прошедшие сорок восемь часов были кошмаром. Я хотела обсудить все с Мэй и Пришей, но не могла рисковать, связываясь с ними, и выдавать местоположение Хейвена. И у меня не было телефона, тут не было сигнала. О чем думали подруги? Я убежала с места убийства родителей, меня разыскивали, но не только полиция в Англии, но ФБР в Америке. И я сказала Мэй, что Воплощенные вернулись. Она подумает, что я снова сорвалась, что жестокая смерть моих родителей вызвала еще один срыв...

На миг я задумалась, не было ли срыва. Это все было в моей голове? Но я посмотрела на двор, Вивиана утешала Ташу в кресле-качалке, Табиса кормила кроху Кагисо, Цзинтао и его семья завтракали; и Сантьяго с Миком сидели в тени оливкового дерева, болтали. Я поняла, что это ощущалось реальнее, чем все в моей жизни. Между нами была невысказанная связь, яркость усиливалась от нашего общего присутствия, а еще я ощущала... будто вернулась домой.

Хоть меня месяцами убеждали в ином, я знала, что это была моя реальность.

Я — Первый Предок, и всегда была такой.

Травма после первой атаки Дамиена и попытки Танаса принести меня в жертву теперь выглядела иначе. Те жестокие события все еще пугали, но я уже не сомневалась в них, не ощущала себя беспомощной жертвой. Цель моей души укрепляла меня, и общий опыт с Первыми Предками дарил решимость. Я была не одна в страданиях или пути. Меня окружали люди, которые понимали меня и то, что я прошла.

Доктор Ларссон был прав в одном. Я из жертвы стала выжившей, и я надеялась, что стану сильной.

Но я гадала, что будет дальше. Не успев толком погоревать из-за потери родителей в этой жизни, я получила настоящую семью? Хейвен будет моим постоянным домом? Он был красивым и мирным, но мог быстро стать позолоченной клеткой. Я буду тут заперта на всю жизнь, прячась от Танаса и его Охотников? И как это служило Свету, кроме того, что моя душа была защищена от ритуала жертвоприношения? У меня было много вопросов к Калебу. И, что бы он ни говорил о безопасности Хейвена, с Фениксом я была бы спокойнее.

Фабриан подошел ко мне, пока я пила сок.

— Апельсины были собраны утром в саду, — сказал он.

— Конечно, он такой вкусный, — ответила я, улыбаясь и приглашая его за стол. — Скажи, как долго ты был тут?

— В Хейвене? Наверное, уже год.

Я посмотрела на него поверх края стакана.

— И ты бывал за стенами за это время?

Фабриан покачал головой.

— Нет, слишком опасно. Я с трудом добрался сюда живым!

Он налил себе сока, и я заметила, что его ладони дрожали.

— Что случилось?

Он сделал глоток и объяснил:

— Я путешествовал по Европе, когда Танас и его Охотники догнали меня в Париже. Они увели меня в катакомбы для ритуала. Это ужасное место — коридоры в черепахах и костях тех несчастных, кто погиб во время Эпохи террора во Французской революции. Я думал, что присоединюсь к ним!

Холодок пробежал по моей спине, я вспомнила Проблеск о том времени: стук гильотины, голова Марии Антуанетты упала в корзину, и меня потащили на помост для той же жуткой судьбы. Я мрачно гадала, были ли кости прошлой меня в тех катакомбах.

— Как ты сбежал? — выдохнула я.

Фабиан нервно сделал глоток и продолжил:

— У меня есть Защитник, Матео, к счастью. Он спас меня из того лабиринта смерти, а потом отвел к Хейвену.

— Матео тоже тут? — с надеждой спросила я.

Фабиан сглотнул, в мерцающих глазах стояли слезы.

— Нет, он не добрался. Он пожертвовал собой ради меня.

Я сжала ладонь Фабиана.

— Мне так жаль. Ты явно раздавлен.

— Не стоит, — ответил Фабиан, выдавливая улыбку на узком лице. — Душа Матео живет. Я увижу его в другой жизни, если я туда доберусь... — его улыбка сменилась страхом. — Танас явно становится сильнее, если может перейти в живое тело.

Мрачно кивнув, я оглядела двор, других Предков, все еще горевали по Саулу и Мэдди. Я гадала, какими были их истории. А потом меня пронзила тревожная мысль.

— Раз Танас вернулся, нам не опасно быть всем в одном месте?

Фабиан покачал головой.

— Калерб говорит, что Свет ярче и сильнее, когда мы вместе, и наша общая сила создает щит против Воплощенных. Он убежден, что в Хейвене для нас безопаснее, чем если бы мы были рассредоточены по миру. После того, что я прошел, я ему верю.

— Надеюсь, он прав, — сказала я, не разделяя эти убеждения. Допив апельсиновый сок, я решительно встала. — Ты знаешь, где можно найти Джуд?

Фабиан указал на здание с куполом, на двор.

— Я ее знаю, она в Мерцающем Куполе.

24

Хейвен оказался больше, чем я думала. Покинув двор, я пересекла мощеную площадку и вошла в стеклянный атриум в другом здании. Хотя вид был как у современного офиса, атриум ощущался спокойно, как храм. Воздух был прохладным, мягко пах пряностями благовония. Там были высокие стебли бамбука, зеленые на фоне белых стен, и искусственный водопад с прудом, нежное журчание разносилось эхом в открытом пространстве.

Вокруг никого не было, и я пошла по коридору, надеясь, в сторону Мерцающего Купола. Я прошла зону отдыха, столовую, небольшой лекционный зал, хорошо оборудованный спортзал, где женщина с пропорциями амазонки поднимала штангу. В смежной зоне шел урок боевых искусств: лысый темнокожий мужчина с мышцами быка учил, как брутально сбить врага, четверых — юную брюнетку, двух мужчин (близнецов, судя по их одинаковым

соломенным волосам, носам с кольцами и каменным челюстям) и женщину со шрамом на бледной правой щеке. Но Джуд среди них не было. Посреди приема инструктор посмотрел на меня через окошко в двери. Его взгляд был грозным, и я быстро прошла дальше.

Я обнаружила дальше блок общежития с окнами с видом на тренировочную площадку. Я замерла и смотрела, как небольшая группа людей в форме для боя отрабатывает атаки, но среди них не было торчащих волос или зеленой шапки Джуд. Я дошла до развилки в конце коридора, задумалась, куда повернуть. А потом я заметила юношу с кустистыми бровями и кудрявыми волосами в соседней комнате. В синей поло и широких штанах он сидел за компьютером, глядел через квадратные очки на экран, пока возился с проводами тонкой зеркальной трубки. Я постучала в дверь, и он оторвал взгляд от работы.

— Эй, ты, наверное, Дженна! — сказал он, приветствуя меня улыбкой с отсутствующим зубом. — Джуд сказала, что спасла Первого Предка, — он встал из-за стола, прижал ладонь к сердцу и склонил голову. — *As-salaam 'alaykum*. Меня зовут Тарек.

— *Wa 'alaykum as-salaam*, — ответила я, удивив себя тем, как естественно звучал мой арабский, а потом вспомнила о Проблеске из Сахары, где я была Сурой. — Ты... Защитник? — спросила я, заметив звездный блеск в его карих глазах.

Он с сожалением посмотрел на меня.

— Уже нет. Я потерял Предка в американской гражданской войне из-за Танаса. Не повезло. Меня ударило минометом в битве под Геттисбергом, я потерял ногу и не смог погнаться и защитить. Но, поверь, я пытался!

— Уверена в этом, — тепло сказала я. — Похоже, мы потеряли много Первых Предков... как и их Защитников.

Тарек серьезно кивнул.

— Слишком многих. С тех пор я был Воином, хотя, если честно, — он взглянул на ноутбук, — я больше воин клавиатуры в этой жизни.

— Я думала, мы в мертвой зоне, — я заметила, что он был онлайн. — Разве Калев не чувствителен к компьютерам и прочему?

— Да, но эта комната изолирована, клетка Фарадея, — объяснил Тарек, махнул на металлическую сетку на стенах и окнах. — Сетка не дает электромагнитным волнам выходить и влиять на него. Нам нужно оставаться на связи с миром снаружи, даже хотя тут нет Wi-Fi, и интернет оптоволоконный и защищен от хакеров.

Я кивнула на зеркальную капсулу на его столе.

— А что это?

— О, мой маленький проект, — сказал он смущенно, поправив очки на носу. — Световая граната.

Я посмотрела на него с вопросом.

— Это как стандартная граната групп спецназа, — объяснил он, взяв капсулу, — но я пытаюсь использовать энергию из Солнечной комнаты, чтобы напитать большую вспышку Света. Надеюсь, Свет в этом приборе оглушит Охотников, а то и временно ослепит, не задевая Предков или Защитников.

— Звучит круто! — сказала я. — Это работает?

— Не знаю, — признался он и вздохнул. — Я его еще не проверял. Так ты просто гуляешь? Или кого-то ищешь?

— Джуд, если она рядом, — ответила я. — Мне сказали, что она может быть в Мерцающем Куполе.

Тарек усмехнулся.

— Она тут живет! — он закрыл ноутбук и убрал гранату в карман. — Идем, я покажу путь.

Я пошла за Тареком за угол и по другому коридору. Я услышала приглушенный выстрел и невольно напряглась.

— Что это было? — сказала я, готовясь бежать.

— Не переживай, — ответил он, когда зазвучали еще выстрелы. — Это просто тир, — он указал на дверь с красной лампочкой над ней и табличкой: **ОСТОРОЖНО — СТРЕЛЬБА В ПРОЦЕССЕ**. В окошко я увидела девушку с рыжими волосами, которая стреляла в мишень каждый раз попадая в цель. — Как Воины и Защитники, мы многому учимся, — объяснил Тарек. — Огнестрельное оружие, вождение, боевые искусства — все, что может помочь сейчас или в будущей жизни. Я сосредоточился на кибервойне и техниках взлома, — говорил он, пока мы шли по коридору. — Будущее будет все более цифровым, и нам нужно разбираться, если мы хотим быть на шаг впереди Воплощенных.

— Сколько Защитников и Воинов тут? — спросила я.

— В Хейвене сейчас девять Защитников и пятнадцать Воинов, — гордо ответил Тарек.

— Это *все*? — я почти застыла. Увидев своими глазами растущую армию Дозорных и Охотников Танаса, я гадала, как небольшая группа нас могла отбиться от Воплощенных.

— В мире есть еще, я знаю о дюжине, — сказал Тарек. Он заметил мою тревогу. — Не расстраивайся, Дженна. Да, нас куда меньше, но мы все еще опасная сила, — заверил он меня.

Я подумала о Фениксе и его доблести в бою. Если другие Защитники и Воины обладали хоть половиной его навыков и храбрости, то Тарек не зря верил, что мы могли противостоять Танасу. Но бой все еще казался неравным.

Выйдя через заднюю дверь, я заметила ангар, где в брешь в дверях было видно белый самолет.

— Эй, это частный самолёт? — потрясенно спросила я.

Тарек кивнул.

— Новейший, гибридно-электрический. Круто, да? У нас есть много всего.

Я уставилась на Тарека.

— Но все это стоит состояние! Откуда деньги?

— Есть выгода в прошлом, — объяснил он с кривой улыбкой. — Кaleb всегда использовал знания и логику для мудрых вложений, в этой и в прошлых жизнях. Он создал трастовый фонд для Предков. Так он стал миллиардером и смог построить Хейвен.

Мы остановились у основания здания с куполом, которое я видела из двора.

— Мы на месте, — сообщил Тарек, указывая мне идти первой. — Мерцающий Купол!

Мы вошли в темный короткий коридор, ведущий к паре тяжелых деревянных дверей. Открыв их, я прошла внутрь, охнула. Я ожидала не такое.

Огромный круглый зал был чем-то между музеем и додзе боевых искусств. В приглушенном свете я различила пять уровней с широкими площадками вокруг открытого пространства в центре. В центре была квадратная деревянная платформа, покрытая татами. На каждом уровне были артефакты разных эпох и цивилизаций тысяч лет назад — каменные таблички из древнего Египта, деревянные копья и луки амазонок, ряд мечей от прямых рапир до изогнутых ятаганов, огнестрельное оружие от мушкетов до пулемётов, книги в кожаных переплётах, африканские глиняные горшки, картины в рамах, мраморные статуи,

украшения из золота и серебра, одежда разных времён, поразительная коллекция брони... Казалось, все самые редкие и необычные, а еще опасные сокровища были собраны из главных музеев мира и помещены тут.

В центре комнаты на платформе одиноко стояла Джуд. Ее глаза были закрыты, ладони сжимали старый дубовый посох. Ее озаряли красные, голубые и зеленые лучи света, проникающие в окошки-витражи в куполе крыши, высоко над нашими головами.

— Что она делает? — шепнула я Тареку.

— Мерцает, — ответил он.

Я растерянно взглянула на него, веки Джуд задрожали, ее тело затряслось, и ее хватка на дубовом посохе стала крепче. Через миг ее глаза открылись, их звездный блеск был ярким. Она закрутила посох в руке, умело исполняя удары и выпады. Посох рассекал воздух со свистом, она прыгала, кружилась и скользила по мату, сражаясь с воображаемым врагом. Когда она заметила Тарека и меня на пороге, она замерла посреди удара, посох дрожал. Ее лоб блестел от пота, и она тяжело дышала.

— Все хорошо, Дженна? — крикнула она, опираясь на посох. — Уже скучаешь?

— Это было поразительно, — сказала я. — Как долго ты тренировалась?

Джуд поджала губы.

— Как шаолиньский монах? Может, двадцать лет, — ответила она. — В этой жизни... может, две минуты.

— Так это Проводник? — спросила я, указав на посох, поняв, что она черпала навыки из прошлой жизни.

Джуд рассмеялась.

— *Все* тут — потенциальный Проводник.

Я восхищенно окинула взглядом множество предметов, представляя, сколько прошлых жизней можно было увидеть через них, сколько навыков можно было добыть.

— Калерб собирал артефакты всю жизнь, — объяснил Тарек. — Эти предметы должны помогать нам подготовиться защищать тебя и других Первых Предков от Танаса и его Охотников.

— Конечно, вы такие умелые, — сказала я. А потом я поняла, что и у меня были тысячи лет знаний. Я прошла к шкафу и посмотрела на коллекцию ножей внутри. Каждый был с ярлыком. Там блестел меч викингов... ржавый кинжал Бронзового века... немецкий нож из Первой Мировой войны... итальянский стилет шестнадцатого века... и красивая джамбия с рукоятью из слоновой кости из Йемена. Я с предвкушением открыла шкаф и выбрала джамбию.

— Эм... это технически запрещено, — отметил Тарек, а я сжала рукоять и...

Ничего не произошло.

Недовольно хмурясь, я принесла оружие на платформу и встала рядом с Джуд. Я вытащила клинок и держала его над головой в позе воина.

Все еще ничего.

Я раздраженно убрала клинок в ножны и повернулась к Джуд.

— Ты сказала, что это был Проводник, — возмутилась я.

— *Потенциальный* Проводник, — ответила она, крутя беспечно посох, а потом вернула его в ряд. — Не все в Куполе вызовет Проблеск, а то, что вызовет, может содержать важный навык или фрагмент знаний, который пригодится в бою с Воплощенными.

Я вернула нож в шкаф и с новой решимостью стала искать Проводник, который вызовет

Проблеск.

25

— Это точно хорошая идея? — услышала я шепот Тарека, пока я поднималась на первый уровень по витой лестнице. — Может, остановить ее?

— Не переживайте, — сказала я им, пробуя шлем рыцаря из пятнадцатого века. — Я уже это делала.

Железная броня была тяжелой, вызывала клаустрофобию. В прорезь я видела, как Тарек и Джуд пылко говорили. Их разговор приглушал шлем, но я различила слова Джуд:

— Один Проблеск не навредит, — я не знала, что она имела в виду, но я ничего не испытывала, так что сняла шлем.

Они смотрели, как я трогала предметы, а потом Джуд предложила:

— Почему бы не дать судьбе найти его для тебя?

Но я продолжила трогать артефакты, к недовольству Тарека, прошла мимо древних карманных часов, потрепанного бронзового щита и блестящего серебряного кубка, пока меня не привлекла плоская заколка для волос.

— Шпилька, медь, династия Минь, 14 век, — прочла я. Металл был тусклым, украшение в виде цветов — простым, но хотелось ее взять...

Представитель властей с круглым лицом скалился, глядя на меня из-за железной решетки, его тонкие усы обрамляли довольную ухмылку.

— Мы все-таки схватили неуловимую Лихуа!

Я глядела на него и молчала, подбородок еще жгло, где он оторвал фальшивую бороду. К сожалению, мой мужской облик не обманул внимательного стража порядка в Пиньгуао. За ним стояли два мускулистых стража, которые привели меня от северных врат к темнице, их дубинки с железными шипами грозно свисали с кожаных поясов.

— Дни воровства сочтены, — заявил страж порядка с насмешкой. А потом он склонился ближе к решетке и понизил голос. — Как и твоего Света!

Я охнула в шоке, его узкие глаза стали как у Дозорного. Я надеялась, что мой арест был из-за моих ночных преступлений, а не моей сущности как Первого Предка.

— О, да, Лихуа. Я знаю, кто ты, — прошептал он едва слышно, чтобы стражи не уловили. — И я отправил сообщение в Запретный город, чтобы Он знал, что я тебя поймал, — его усмешка стала шире. — Как меня наградят! — он пошел прочь, его стражи шли следом, оставив меня запертой в темной вонючей камере.

Я выругалась и пнула каменную стену камеры. Я знала, что рисковала, воруя у наглого собирателя налогов в городе, но семьи нуждались в деньгах, и я была уверена, что крыла следы. Шень разозлится, что я так рискнула. Мой Защитник уже не одобрял мою работу.

Но были преимущества... что бы ни думал страж порядка, я не собиралась сидеть тут, пока не придут Танас и его Охотники. Я сняла черную скругленную шапочку ванцинь, вытащила шпильку из пучка волос, и длинные черные пряди упали на плечи, тут же превратив меня в женщину. Я потянулась сквозь прутья и стала работать над замком. Я умело вставила тонкий кончик заколки в скважину и осторожно поднимала каждый штифт по очереди. Раздался приятный щелчок, и замок открылся, дверь камеры распахнулась...

— Получилось? — крикнула Джуд снизу.

— Да! — ответила я, разглядывая медную заколку в руке с долей тревоги. — Я узнала, что была воровкой в Китае династии Минь.

Джуд рассмеялась.

— Эй, я была как-то рабом на корабле, так что тебе еще повезло!

— Так вы учитесь как Защитники и Воины? — спросила я, спускаясь по лестнице. — Выбираете предметы наугад, пока не получите полезный навык?

— Как-то так, — ответила Джуд. — Это быстрый и эффективный способ развить умения. В этом Куполе жизни опыта. Чем больше учишься, тем меньше шанс повторить ошибки прошлого, — я заметила, что она стиснула зубы, ощутила, что в этих словах было больше, чем она раскрыла, хотя я догадывалась, о какой «ошибке» она говорила, учитывая, что она была Воином, а не Защитницей.

— Мерцание может забирать много сил, — предупредил Тарек серьезно, — и есть предел, сколько можно впитать. Да, Джуд? — он пронзил ее взглядом.

— Я знаю свои пределы, — едко ответила Джуд.

— Потому Купол *только* для Защитников и Воинов, — продолжил Тарек, глядя на меня. Я нахмурилась.

— И почему не Первые Предки? Нам не нужно оттачивать навыки?

Тарек неловко переминался под моим взглядом.

— Это нарушит давнюю традицию, — объяснил он.

— Да? И что это за традиция?

— Что Защитники *защищают* Первых Предков, — прогудел голос за мной. — Как мы делали с первого боя.

Я вздрогнула, повернулась и увидела крупного мужчину, проходящего в Купол. Я тут же узнала инструктора по боевым искусствам, которого уже видела. Он был в штанах и футболке цвета хаки, натянутой на его груди, и казалось, что его выковали в войне.

— А вот и Гоггинс, — шепнула Джуд. — Главный Защитник.

Гоггинс поднялся на платформу и резко остановился передо мной.

— Как воины-самураи для их императора, мы бьемся, чтобы вам, Предки, не нужно было.

Я подумала о бое на стройке с Дамиеном и его бандой.

— Это не всегда так работает, — сказала я с нервным смехом.

Гоггинс не смеялся. Он выглядел как тот, кто никогда не смеялся.

Стараясь не дрожать под его взглядом, я сказала:

— Я не хочу звучать неблагодарно, но как традиция работает для нас? Нас осталось мало, разве не было бы мудро, если бы мы, Первые Предки, тоже тренировались? Разве это не увеличило бы наши шансы на выживание?

— Калерб верит, что Первым Предкам нужно сохранять их Свет как можно чище и без пятен жестокости, — сказал Гоггинс. — И я согласна.

— Но я думала, что важнее сохранить Свет горящим, — отметила я, — даже если огонь станет яростным.

Главный Защитник окинул меня взглядом.

— Ты точно Первый Предок? — спросил он. — У тебя нутро Воина. Кто твой Защитник?

— Феникс, — ответила я.

Он приподнял бровь.

— Ах, ты про Асани.

Это первое упоминание оригинального имени Феникса, его *духовного имени* из

времени, когда мы создали связь, задело глубокое воспоминание о юном воине с заплетенными в косу волосами...

— Нет, Тишала, взмахни топором так, — указывал Асани, стоя за мной и направляя мою руку.

Топор был тяжелым в моей хватке, движение — неестественным. Я еще оправлялась от раны, нанесенной слоном Танаса, но Асани хотел, чтобы я училась бороться на случай новой атаки.

Я взмахнула снова, попала по стволу баобаба изо всех сил. Отлетели куски коры.

— Отлично! — похвалил Асани, широко улыбаясь. Я с топором в руках ощутила прилив радости, власти над своей судьбой, чего я еще не испытывала.

— ЧТО вы делаете? — рявкнул Зубери, глава Асани, вдруг выйдя из-за кустов и зашагав к нам.

Асани упал на колени, а я попыталась спрятать топор за спиной, но без толку. Мы оба знали, что Предкам запретили учиться жестокости, это могло осквернить наши души — убийство делало Свет тусклее. Но мой Защитник считал иначе, верил, что я должна уметь защитить свой Свет.

— Я учил Тишалу, как рубить дерево, — ответил Асани.

Зубери посмотрел на широкий ствол баобаба. Он не поверил Асани.

— Дерево поменьше не подошло бы для этого урока?

Асани посмотрел на главу.

— Но вы учили меня, как воин, что нужно быть готовым к противнику любого размера, — невинно сказал он.

Зубери нахмурился.

— И я учил тебя, что, чем они больше, тем сложнее их повалить, — он посмотрел на меня каменными глазами. — Осторожнее, Тишала, чтобы в пылу учения на тебя не упали деревья...

Короткий Проблеск прошел, и я увидела ухмылку Гоггинса.

— Я должен был знать! — сказал он. — Асани — один из самых находчивых и мятежных Защитников у меня.

26

— ВЫПУСТИТЕ! — мои кулаки болели от ударов по запертой двери. Комната была маленькой, темной и тесной. Я все стучал.

Большое лицо с тяжелыми желваками и щетиной на подбородке появилось в окошке за решеткой.

— Тише, — предупредил страж, его тихий тон был угрожающим.

— Пос-с-слушайте! Вам нужно выпус-с-тить меня! — просил я. Мой голос был невнятным, язык был как вата от седативного. — Дженна в беде!

Страж остался бесстрастным.

— Я помогаю ФБР с ее делом, — настаивал я.

— Конечно, Феникс, — сказал страж, его губы изогнулись в насмешке. — Теперь тише, или мне придется принять меры, — его лицо скрылось во мраке.

Я раздраженно пнул дверь.

— КТО-НИБУДЬ. ВЫПУСТИТ. МЕНЯ?

После минуты ударов хмурое лицо стража вернулось.

— Я тебя предупреждал! — прорычал он.

Как я и надеялся, я услышал щелчок, электронный замок открылся. Дверь распахнулась, я оттолкнул стража плечом и выбежал в коридор. Но он схватил меня за воротник и втянул внутрь. Зря я думал, что легко уйду. Я держался за дверную раму, в это время набивая замок влажной салфеткой, которую прятал в руке. Через миг появилась тучная медсестра с кислым лицом, ударила блокнотом по моим костяшкам.

— Ну-ну, Феникс, — сказала медсестра, изображая разочарование. — Мы говорили уже о твоих проделках.

Скрипя зубами от боли, я боролся со стражем. В бою я сорвал его бейджик, порвал рубашку.

— Зараза! — рявкнул страж. Он подавил меня весом, прижал к кровати, а медсестра сковала мои запястья и лодыжки лентами, закрепила одну на моей груди. Но я получил то, что мне было нужно, и поддался оковам.

— Мне дать тебе еще лекарства, Феникс? — спросила медсестра, ее ледяной тон был угрозой, а не вопросом.

Я покачал головой, играя поражение. Мой разум почти онемел, как и язык, и я не мог рисковать еще сильнее из-за лекарств.

— Хорошо, — сказала медсестра с тонкой улыбкой. — Тогда увидимся утром.

Дверь закрылась, и я остался один во тьме комнаты-камеры. Когда я убедился, что медсестра и страж ушли, я открыл ладонь, посмотрел на бейджик стража. Логотип желто-зеленой пальмы был едва заметен в полумраке. Открыв булавку, я стал работать с оковами. Меня связывали много раз в жизни, и я мог сбежать из таких пут. Я быстро освободился, прошел к двери и выглянул в окошко. Коридор казался пустым. Я робко потянул за дверь. К моей радости, она открылась, салфетка выпала из замка на пол. План сработал! Я вышел...

Но моя кровь похолодела, тень встала передо мной. Я отпрянул в шоке. Нет... не может быть...

Я проснулась в поту, сердце колотилось. Это был кошмар? Проблеск? Казалось, я видела все глазами своего Защитника. Я ощущала его гнев, его раздражение, его желание сбежать, его шок и ужас от вида... Я пыталась вспомнить зловещую тень в коридоре, но картинка угасла в голове. Я словно хваталась за дым, чем сильнее старалась, тем больше он отступал.

Я села на кровати и протерла глаза. Утреннее солнце проникало из-за деревянных ставен в маленькой квартире. Нефе спала калачиком у моих ступней. Она пошевелилась, потянулась и зевнула, а я отбросила одеяло и пошла в душ. Хоть холодная вода прояснила разум, я не могла отогнать ощущение, что Феникс был в опасности. Это было второе видение глазами Защитника, и это происходило сейчас. Я испытала не просто сон. Мне нужно было поговорить с Калобом.

Одевшись и заплетя волосы, я вышла во двор. Все выглядело нормально и спокойно. Вивиана была в кресле-качалке, потягивала эспрессо. Голодные вопли Кагисо вскоре утихли, его мать утешила его в их квартире в углу. Я прошла по лугу, помахала Сун, раскладывающей завтрак для семьи на столе. Другие еще не вышли.

— Где я могу найти Калеба? — спросила я у Вивианы.

Она задумчиво поджала губы и ответила:

— В это время утра он, наверное, медитирует в Чайной комнате.

Я поблагодарила ее, покинула двор и пошла по японскому саду в прихожую Хейвена,

где я увидела, что обычно спящие коты были настороже. Я подумала, что напугала их, а потом услышала повышенные голоса из Чайной комнаты дальше по коридору.

— Калевб, нужно подготовиться к бою!

— Нет. Лучший шанс на выживание — оставаться скрытыми.

— Мы не можем прятаться вечно, — Гоггинс, я узнала его гулкий голос. — Если слова Джуд точные, то вскоре Дозорные Танаса найдут нас.

— Уверю, Хейвен защищен...

Спор продолжался, я тихо подобралась к двери и замерла вне поля зрения в коридоре. Калевб в японской накидке из белого шелка сидел, скрестив ноги, у низкого деревянного столика. Маленький глиняный чайник, бамбуковый венчик, ложечка и керамические пиалы стояли перед ним. Пиала Гоггинса была нетронутой. Он стоял перед Калевбом, скрестив руки, мышцы напряглись под футболкой цвета хаки, лицо было каменным.

— Если его Дозорных так много, — сказал Гоггинс, — Танас точно наймет больше Охотников из их рядов. Нам нужно одолеть его, пока его армия не стала слишком сильной.

— Она уже слишком сильная, — ответил Калевб. — Забыл, что случилось, когда мы в прошлый раз выступили против Танаса?

— Помню, — фыркнул Гоггинс, — и мы оба знаем, кого в этом винить! Но защита не дает нам быть на шаг впереди.

— А атака подвергает Первых Предков ненужному риску.

— Они всегда в опасности! — рявкнул Гоггинс.

— Да, и ты должен их защищать, — спокойно ответил Калевб. — Не бросай их ради тщетного боя.

— Бой не тщетен, если... — Гоггинс вдруг замолк и резко повернулся к двери.

Я отпрянула, прижалась к стене и затаила дыхание. Урчание зазвучало у моих ног, и я ощутила, как о мои ноги настойчиво терлись. Нефе обвила телом мои ноги, голодная.

— Вот и ты, Нефе! — громко сказала я, подняла ее и появилась на пороге. — О, доброе утро! — крикнула я, словно удивилась, увидев Калевба и Гоггинса в комнате.

Главный Защитник прищурился в подозрении, но Калевб бодро улыбнулся.

— Доброе утро, Дженна! Как спалось?

— Не очень, если честно, — ответила я, опустила Нефе и вошла в комнату. Пол был устелен татами, на одной бежевой стене висел свиток с цаплей, изображенной черными чернилами. В нише я заметила желтые цветы. Напротив меня большое круглое окно было с видом на уединенный сад с камнями. — Меня разбудил Проблеск, — объяснила я. — Думаю, это был он, но он был очень странным.

Калевб указал мне присоединиться к нему за столиком.

— Расскажи нам, — сказал он.

Я села, скрестив ноги, и он налил мне чашку горячего сенча. Я сделала глоток, испытала дежавю, горький вкус напоминал такой же момент, когда я была самураем Миоко пятьсот лет назад в чайном домике в Киото. Я насладились еще глотком, меня усилил дух Миоко, как-то передавшийся через чай. Я осмелела, описала два видения о Фениксе и его неудавшейся попытке побега. При этом Гоггинс стоял у окна, но Калевб внимательно слушал. Когда я закончила, Калевб сделал размеренный глоток сенча и сказал:

— Похоже, у тебя духовная связь с Фениксом.

— Духовная связь? — прошептала я. Конечно, я всегда ощущала близость со своим Защитником.

Калев склонился, разглядывал меня, смотрел в мои сияющие глаза, словно что-то искал.

— Обычно только Пророки могут смотреть на опыт других... — морщинки на его лице углубились, а потом его глаза расширились, словно он нашел то, чего искал, но еще не верил в это. — Это необычно...

— Если это связь, то Феникс в беде, — тревожно сказала я. — Нам нужно ему помочь.

Калев помрачнел, отвел пристальный взгляд.

— Это не обсуждается, — твердо сказал он. — Танас вернулся, покидать Хейвен слишком опасно.

— Но он — мой Защитник, — возразила я.

— Дженна, ты не можешь рисковать своим Светом ни для кого, даже своего Защитника, — решительно заявил Калев.

— Тогда отправьте кого-то еще, — настаивала я, повернулась к Гоггину. — Феникса стоит спасти, Защитников осталось так мало.

Гоггинс глядел в окно на маленькие врата тории в каменном саду бесстрастно, как камни там. Наконец, он ответил:

— Но как много Воинов я потеряю ради одного Защитника? Сколько Предков мне нужно бросить без защиты, пока мы ищем его? — он бросил на меня взгляд. — Ты не знаешь, где он, а Дозорные Танаса, по словам Калеба, всюду.

— Но...

Он поднял руку, прерывая меня.

— Тут я на стороне Калеба. Риск слишком велик для миссии спасения. После недавних смертей Саула и Мэдди мы не можем позволить потери.

Я сжала пиалу с чаем, фарфор мог разбиться.

— Я думала, вы хотели биться с Танасом, а не защищаться.

Гоггинс хмуро глядел на меня.

— Аха! Так ты слушала.

— Да, — призналась я, глядя в его яростные глаза. — Слушала. А если бы там была я, а не Феникс?

— Это другое, — ответил Калев. — Ты несешь Свет.

Я чуть не выронила чай, пораженная холодом Пророка в разграничении между Предком и Защитником.

— И что? Мы просто его бросим? — охнула я.

— Феникс справится сам, — парировал Гоггинс. — Дженна, ты останешься в Хейвене. Калев, мы поговорим позже, — он кивнул и покинул комнату, резко заканчивая наш разговор о судьбе Феникса.

Я поняла, что их не убедить. Моя безопасность и защита Света были для них важнее благополучия Феникса.

— Хочешь еще чаю? — спросил Калев.

— Нет, спасибо, — сухо сказала я, встав на ноги. — Я уже выпила больше, чем нужно.

27

Я покинула Чайную комнату, Калев остался медитировать. Но я не вернулась во двор к Первым Предкам на завтрак, а вышла за главные двери, спустилась по ступеням. Я злилась на Калеба и Гоггина и не могла общаться. Они считали меня и мой Свет слишком ценными, чтобы пытаться спасти Феникса, это меня не устраивало. Как по мне, если у меня была связь с Защитником, он был частью меня больше, чем я понимала, так что тоже был ценным. Я не

могла его бросить.

Я огляделась. Никто не остановил бы меня у ворот, но мне нужен был транспорт, чтобы быстро покинуть это место. Теслы Джуд не было у входа, но следы шин были заметны на гравии, и я пошла за ними к гаражам сзади. Заметив машину среди других электромобилей, я прошла туда и открыла дверцу водителя. Едва я сделала это, меня ударил с болью ток. Я вскрикнула и стряхнула ощущение иголок в ладони.

— *Ana' āsif!* — извинился голос. Я вздрогнула, повернулась и увидела Тарека за рабочим столом, ноутбук был открыт перед ним, с одной стороны стояла чашка кофе. Он широко зевнул и провел рукой по кудрявым волосам. Казалось, он не спал всю ночь или встал рано утром. — Я еще не выключил защиту от кражи, — объяснил он, поправил очки и посмотрел на монитор ноутбука, — чтобы машины были настроены идеально. Мне всегда нужно их проверять после поездок, — тихий звук донесся от ноутбука, и он улыбнулся под нос. — Ах, так лучше.

— У тебя есть ключ к этому? — я кивнула на Теслу.

— Да, — Тарек указал на ключ с брелоком на столе. Он резко поднял взгляд и нахмурился. — А что?

— Мне нужно найти Феникса, — ответила я. — Мой Защитник в опасности, мне нужно его спасти.

Тарек удивленно моргнул за очками.

— Это другое! Я не слышал, чтобы Первый Предок спасал Защитника.

Я ошеломленно глядела на него.

— Почему я не могу?

Его рот приоткрылся, на миг он не мог найти ответ.

— Ну... — сказал он. — Просто это мы обычно спасаем, не вы.

— Может, пора это изменить, — ответила я, схватив ключ со стола. — Мы все боремся, да?

Я повернулась к дверце машины, но Джуд прислонялась к ней, скрестив руки. Она была в джинсовом комбинезоне, ее торчащие светлые волосы выглядывали из-под кепки, надетой козырьком назад, круглые очки были сверху.

— Это похвально, Дженна, но ты хоть знаешь, где Феникс?

— Нет... но есть чувство, — ответила я, прижав ладонь к сердцу. В груди ввернулось странное и ясное притяжение. Похоже, недавняя связь укрепила нить между мной и Фениксом. — Я знаю, что он в больнице.

— Это сужает круг поисков, — с сарказмом сказала Джуд. — С какого штата начать? Техас? Монтана?

Я недовольно сжала кулаки.

— Почему все против того, чтобы я помогла своему Защитнику?

— Потому что Свет важнее, — ответила спокойно Джуд.

— Ага, а без моего Защитника мой Свет в опасности в этой жизни и следующих, — возразила я. — Спасая Феникса, мы защищаем Свет.

Она глядела на меня, опешив, но не отодвинулась от дверцы водителя.

— Джуд, ты сказала, что, как Воин, ты порой ощущаешь, что нужна где-то. Это чувство привело тебя ко мне, — напомнила я. — Теперь чувство ведет меня к Фениксу.

Она задумалась, а Тарек вмешался:

— Прости, Дженна, никому нельзя покидать Хейвен без разрешения Калеба или

Гоггинса.

— Знаю, — едко ответила я. — Но я уйду. Кaleb и Гоггинс не хотят рисковать ради Феникса, но Феникс рискнул бы всем ради моего спасения. И я сделаю так для него. Можете пойти со мной и защитить меня... или я пойду одна.

Джуд распрямила руки и посмотрела мне в глаза.

— Уверена, что сможешь его найти?

Я кивнула.

— Тогда я за рулем, — она взяла у меня ключи и открыла дверцу.

Ошеломленная, я оббежала машину. Мы сели в нее, и Тарек быстро схватил ноутбук.

— Погодите, я с вами, — сказал он.

— Уверен? — спросила Джуд, оглянувшись на нег. — Гоггинсу это не понравится.

Тарек пожал плечами, запрыгнул на заднее сидение.

— Два Воина лучше одного, особенно, когда это безрассудная миссия спасения. И я не могу всю жизнь быть воином клавиатуры, да?

Покинув Хейвен, мы пересекли границу штата Аризона, и я направляла Джуд по шоссе и дорогам, меня вел инстинкт. Но, хоть я была уверена сначала, я быстро поняла, что Феникс был прав, когда сказал, что встреча была комбинацией удачи, догадки и судьбы. Во мне был компас, но, хоть я знала направление, чувство вело не в те повороты, мы попадали в тупики. С каждой ошибкой Джуд все сильнее злилась, а Тарек — переживал, что Дозорный заметит меня и сообщит Охотникам Танаса.

— Вы не думали, что это может быть ловушка? — буркнул Тарек, тревожно глядя из окна на поток прохожих.

— Как? — спросила я, разглядывая улицы в поисках таблички больницы. Мы ехали почти весь день, но мой компас привел нас к столице штата, Фениксу. Я уловила иронию, что искала Защитника в городе, названном как он, и такое совпадение заставило меня усомниться в том, знала ли я, что делала, или действовала наугад.

— Если Танас вовлечен, ловушка всегда возможна, — ответил Тарек, кусая губу, теребя тревожно Световую гранату.

Я нахмурилась.

— Но он не знает, что я связана с Фениксом, — сказала я. — Они не знали, что мы едем. И, может, нам нужно переживать из-за ФБР. Они хотят меня адресовать и отослать в Англию! Нам нужно тут повернуть направо, Джуд.

— Что за тень ты — то есть, Феникс — видела? — спросила она, повернув направо, как я сказала.

Я покачала головой.

— Я не знаю, кто это был. Это могла быть медсестра или страж, а то и галлюцинация. Феникс подавлен седативными. Я удивлена, что он вообще двигался! Он хотел сбежать, но его остановили. И тот, кто это сделал, напугал его.

— Звучит как Воплощенный, — сказал Таек.

— Если это так, то ему тем более нужна наша помощь, — заявила я, направляя Джуд налево на следующей развилке.

Мы попали на парковку у торгового центра. Он был закрыт и пуст — еще один тупик. Джуд вздохнула и описала круг, искала выход.

— Если не найдешь Феникса вскоре, мы поедem в Хейвен, — заявила она.

— Нет! Нужно искать, — настаивала я, она вернулась к дороге. — Феникс близко. Я это

чувствую.

— Ты так весь день говорила, — утомленно ответила Джуд. — Мы не можем кататься так и дальше. Я с Тареком, это может быть ловушка. Ты тут уязвима.

Мы снова подъехали к светофору, и я заметила дорожный знак с зелено-желтой пальмой. Вдруг я вспомнила связь с Фениксом, такой логотип был на бейджике стража в его руке...

— Туда! — крикнула я Джуд.

Ей пришлось резко повернуть руль для поворота. Мы ехали по дороге еще полмили, мое нетерпение росло, пока мы не добрались до большого комплекса зданий, ограждённого от улицы.

— Вот! — взволнованно сказала я, Джуд медленно проехала в больницу. Я тут же узнала логотип пальмы на табличке со словами: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЦЕНТ БЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОЛИНЫ СПРИНГС АРИЗОНЫ».

— Уверена? — спросила Джуд, останавливая у обочины.

— Абсолютно, — ответила я, притяжение в груди было еще сильнее. Я почти ощущала биение сердца Феникса рядом со своим, хотя это могло быть мое волнение из-за близости к Защитнику.

— Это не больница, — отметил Тарек. — Это учреждение психического здоровья, еще и закрытое.

Мы посмотрели на высокую металлическую ограду вокруг комплекса.

— Похоже на тюрьму, — сказала Джуд.

Тарек кивнул на закрытые ворота.

— Часы посещений, похоже, прошли.

— Мы тут не для визита, — решительно сказала я. — Мы тут за Фениксом.

28

Мы решили выждать до заката, чтобы парковка персонала опустела, для попытки спасения. Тарек в это время взломал компьютерную систему центра. К моей радости, Феникс был зарегистрирован там как пациент. Слабо улыбнувшись, я представила радость от нашей встречи. Я почти могла представить его удивление и радость, когда Феникс увидит меня. После многих месяцев разлуки и безумного побега в Америке мысль, что я буду с Защитником, не только радовала, но и придавала смелости и решимости для исполнения нашего смелого плана.

— Судя по их файлам, он в крыле стабилизации на восточной стороне, — сказал Таек, повернул ноутбук и показал нам карту здания. — Он должен быть в комнате В12. Ночью охрана патрулирует коридоры, на конце каждого крыла станция медсестры.

— Как нам лучше войти? — спросила Джуд.

— Если не хотите сцену со стражем в приемной, я предлагаю служебный вход на юго-восточной стороне, — сказал Тарек. — Я отключил сигнализацию.

— Ладно, идем, — приказала Джуд, вылезла и прошла к багажнику машины. Она открыла его, вытащила маленький рюкзак и заряженный тазер оттуда. Убрав оружие в карман, добавив пластиковые стяжки, она поймала мой взгляд. — Всегда нужно быть готовой, — сказала она в ответ на вопрос в моих глазах, дала мне черную толстовку с капюшоном, перчатки и маску для лица. — Надень это. Нельзя, чтобы нас опознали.

Я надела их, поняла, что нас арестуют, если мы провалимся этой ночью. Но я уже была в бегах, подозревалась в убийстве родителей, так что обвинения в проникновении не сильно

пугали. Но сердце колотилось чуть сильнее из-за перспективы вытащить Феникса из учреждения психического здоровья.

Тарек стал искать в багажнике свою куртку, но Джуд опустила ладонь на его плечо и покачала головой.

— Тарек, ты остаешься тут.

Он помрачнел.

— Но...

— Нужно, чтобы ты следил за камерами, — объяснила она, — и был готов для нашего быстрого побега.

Он вздохнул, Джуд дала ему ключи.

— Я хотя бы поведу машину, — буркнул он. Он вытащил ключи и открыл в багажнике чемоданчик, где были наушники. Он передал скрытные наушники нам. — Так мы будем на связи.

Мы с Джуд поместили мелкие приборы в уши, Тарек надел наушники и сел на переднее сидение машины с ноутбуком.

— Я буду следить за вашим прогрессом по камерам, временно блокируя их для стражей, чтобы они вас не заметили, — объяснил он, голос ясно звучал в приборе в моем ухе. — Удачи!

Мы подняли большие пальцы и оставили его, пересекли дорогу и добрались до юго-восточной стороны комплекса. Ночь была ясной, полумесяц висел в небе, и воздух был теплым и душным. Я громко дышала за маской. Мы держались теней, обходя границу. Забор был выше вблизи, и я не знала, как мы пройдем. В голову пришла мысль, что это не выше трапеции. Я хотела скорее освободить Феникса, забралась по ограде с ловкостью Елены, свесила ноги и спрыгнула на другой стороне.

— Хороший ход! — шепнула Джуд в темноте и заговорила в прибор связи. — Эй, Тарек, откроешь задние ворота?

Через миг маленькие ворота в ограде загудели, и Джуд прошла, ухмыляясь.

— Хороший ход, — сухо повторила я, ощущая себя немного глупо. — Если бы я знала, что тут были ворота...

Мы пригнулись и побежали к главному зданию, огибая охранника в патруле. Мы нашли легко служебную дверь.

— Тарек, откроешь и эту? — тихо спросила Джуд в микрофон.

— Я пытался, — ответил он. — Похоже, она заперта обычно.

Мы проверили дверь, увидели скважину под ручкой.

— Что теперь? У меня нет ключа, — буркнула Джуд, я заметила фонарик охранника вдали. — Есть ещё входы?

— Минутку, — сказал Тарек, и мы услышали стук клавиатуры.

Мы ждали его ответа, я разглядывала замок. Обычный. Я инстинктивно, словно была воровкой Лихуа, вытащила из волос пару шпилек, согнула одну как Г, а другую выпрямила, стала работать над замком.

— Что бы ты ни делала, скорее! — просила Джуд. — Охранник идет сюда.

Я надавила на штифт шпилькой в форме Г, пока двигала другой шпилькой. Я услышала тихий щелчок, первая шпилька оказалась свободна, и я улыбнулась от старого навыка. Но я слышала приближающиеся шаги охранника. Мои пальцы дрожали, пока я убирала штифты шпильками... Через пару секунд раздался новый щелчок, дверь открылась.

Фонарик охранника озарил стену, стал двигаться к нам.

— Кто там? — крикнул грубый голос.

За миг до фонарика мы прошли в здание и быстро закрыли служебную дверь за собой. Сердце билось в горле, я прильнула к двери и выдохнула с облегчением. В этот раз я ухмылялась.

— Похоже, я еще не забыла, как взламывать дверь! — прошептала я, благодарная теперь за Проблеск с Лихуа.

Голос Тарека зазвучал в наушниках:

— Я нашел другой вариант...

— Не переживай, — перебила Джуд. — Мы уже внутри.

Мы огляделись в мрачном коридоре, в воздухе пахло дезинфицирующим средством. Тишина была тяжелой и жуткой, ее нарушали приглушенные вопли и стоны пациентов за закрытыми дверями. Я чуть не выскочила из кожи, когда заметила жуткое лицо за окошком с решеткой — бледная девушка глядела на нас огромными глазами и без слов. Я прижала палец к губам, прося ее молчать. Она повторила за мной, нервно захихикала из-за стекла. Ее глаза были темными, хотя дело могло быть в полумраке. К нашей радости, она не подняла тревогу.

— Вижу на камере, — сказал Тарек. — Я слежу за движениями.

Мы пошли по его указаниям. Станция медсестры, к счастью, была пустой.

— Следующий коридор тоже чистый, — сообщил Тарек. — В конце поверните налево, комната Феникса — пятая дверь справа.

Мы шли по восточному крылу, охранник вдруг вышел из служебного туалета. Он застегивал пояс, когда поднял взгляд.

— Эй! Что за...

Но он не закончил. Джуд вытащила тазер и выстрелила. Охранник содрогнулся и упал на пол кучей. Он не успел оправиться, Джуд вытащила пару пластиковых стяжек из кармана, и мы закрепили его запястья за спиной, сковали лодыжки. Джуд вытащила платок из кармана стража, сунула в его рот.

— Помоги оттащить его в туалет, — сказала она, кряхтя, пытаясь его поднять.

Я сжала руки мужчины, узнала тяжелые желваки и щетину на подбородке. Он поймал Феникса. Внутри я бросила его на плитку пола резко, и он застонал за кляпом. Мы вышли в коридор, закрыли дверь, хотя охранник стонал от боли.

— Лучше поспешить, — сказала Джуд. — Вскоре его пропажу заметят.

Мои нервы были на грани, мы побежали к комнате В12. Дверь Феникса была заперта.

— Тарек, ты можешь открыть? — тревожно спросила я. Ответа не было. — Тарек? Ты меня слышишь?

Джуд попробовала и не получила ответа, только шипение.

— Блин. Потеряли связь, — пробормотала она.

Я разглядывала замок, но мои навыки тут не помогали. Дверь открывалась карточкой.

— Джуд, что нам делать? — в моем голосе появилось отчаяние от последней помехи.

Она щелкнула пальцами.

— Охранник — сказала она и побежала в туалет. Через мгновения она вернулась с его ключ-картой.

— Молодец! — шепнула я, она провела картой по слоту. Замок загудел, засов сдвинулся. Я робко открыла дверь и прошла в комнату-камеру. В полутьме я различила силуэт мальчика

на кровати. Мое сердце запело при виде него. — Феникс? — прошипела я, снимая маску. — Это Дженна!

Он сел, лунный свет из окна с решеткой упал на его бледное худое лицо. Он оскалился в улыбке.

— Рад тебя снова видеть, Дженна, — сказал Дамиен.

29

Мои ноги почти подкосились, я отпрянула к стене.

— Ты! Но как ты п-попал сюда?

Дамиен выглядел изумленно.

— Британские авиалинии. Бизнес-класс.

— Я не об этом, и ты знаешь это! — яростно ответила я. — Что ты сделал с Фениксом?

— Ничего... — сказал он, разглядывая ноготь. — Пока что.

Я в гневе сжала кулаки, бросилась на него. Нападая яростью, а не навыком, я дико взмахнула рукой. Он уклонился, ткнул меня кулаком в живот, придавил к стене. Его предплечье давило на мое горло, и я пыталась дышать. Дамиен склонился ближе, черные глаза вглядывались в мои. На миг я заметила слабое голубое сияние в их глубинах, как блеск монеты на дне колодца. Мой Свет отражался в его Тьме. Меня тянуло глубже, я стала ощущать странную связь, переплетение душ, как две лозы объединились... А потом Дамиен отвел взгляд, нарушая связь.

— Меня восхищает твой дух, Дженна, но у нас нет на это времени, — прорычал он. — Все тебя ждут.

Я пыталась понять, что произошло между нами, а он направил мой взгляд к двери, где трое Охотников собрались в коридоре. Крупный Охотник с перевязанным носом после последней встречи сдерживал Джуд, она извивалась, он зажал рукой ее рот. Паучиха забрала тазер Джуд, оружие было перезаряжено и направлено на меня. Рядом с ней дулась Охотница с кастетами, ее темные глаза сузились злобно. Дамиен толкнул меня к двери и в ее хватку. Ее ногти впились в мою кожу, она завела мои руки за спину, закрепила пластиковую стяжку на моих запястьях.

— Вижу, ты не одна, — Дамиен презрительно окинул Джуд взглядом. — Так называемый Воин Души. Толку от ее защиты, Дженна? Она же не справилась как Защитник.

Джуд хмуро глядела на него с презрением, ее пылающие глаза были полны слез. Она сказала что-то в ответ, но ее слова приглушила большая ладонь крупного Охотника.

— Я хочу увидеть Феникса! — гневно потребовала я.

— Конечно, — Дамиен ехидно изогнул бледные губы. — Ты же прошла долгий путь.

Он поманил Охотников, и нас повели по коридору к двойным дверям. Проведя картой по замку, Дамиен повел нас вниз по лестнице в недра здания, и я гадала, как он и его Охотники так легко ходили по учреждению. Дамиен остановился у тяжелой деревянной двери с табличкой «ТОЛЬКО ПЕРСОНАЛ». Он провел картой, и мы прошли в подвал. Воздух был влажным и холодным, воняло мокрыми тряпками и мышинным пометом. Швабры, ведра и дезинфектор лежали у двери. Сверху на высоком потолке тянулись трубы, уходя во мрак. Только лампа у входа работала, мерцала и гудела, как комар.

Куда страшнее тут было собрание, проходящее в дальней части подвала. Они были в белых халатах больницы, голова были опущены, толпа пациентов стояла полукругом у дальней стены. Каждый держал черную свечу, огонь мерцал полукругом, горячий воск стекал с пальцев на голый бетон пола. Они в унисон жутко шептали:

— *Ра-Ка, Ра-Ка, Ра-Ка...*

Мы приближались, голоса утихли, и нас пропустили. Темные глаза следили за нами с голодом и пылом, от этого кожу покалывало. Среди них я заметила бледную девушку, которую уже видела. Она прижала палец к губам и захихикала. Ужас ударил меня с полной силой — это было не учреждение психического здоровья. Это было логово Танаса!

Мы дошли до центра их собрания, и мой мир развалился.

— Феникс! — охнула я. Мой Защитник лежал на каталке, его руки и ноги были привязаны. Большая металлическая каталка стояла у стены, стала алтарем с хирургическими инструментами вокруг пары высоких черных свеч и грубо вырезанной деревянной статуи с кошачьими глазами и острыми клыками. Я видела этого идола раньше, и я задрожала, вспомнив жуткую голову — мрачную реконструкцию древнего божества, которому поклонялось племя тлетл пять тысяч лет назад. На полу под каталкой Феникса был еще один до ужаса знакомый символ: перевернутая пентаграмма, изображенная черными чернилами. В линиях были темные пятна высохшей крови, на жуткий миг я подумала, что мы опоздали...

Феникс пошевелился. Хотя он был накачан седативными, он выглядел целым. Но потом я поняла, чья кровь была на полу. Я узнала трубы на потолке из связи с Калобом. Тут убили Саула и Мэдди, ритуально принес в жертву сам Танас.

— Дженна? — застонал Феникс, вяло подняв голову, чтобы видеть лучше. Его тусклые глаза расширились в тревоге. — НЕТ! Охотники поймали тебя!

Дамиен холодно рассмеялся.

— Не совсем, Феникс. Она пришла сюда сама... чтобы спасти тебя, представь!

— Чо-о-о? — невнятно сказал он.

— Как видишь, она и этот якобы Воин думали, что смогут забрать тебя отсюда, — объяснил Дамиен, обходя каталку, — но они пришли в ловушку!

Феникс переводил рассеянный взгляд с меня на Джуд. Узнавание мелькнуло в глазах.

— Джуд, дура! — закричал он, его гнев пробил туман. — Чем ты думала?

— Не вини Джуд, — сказал Дамиен. — Твоя связь с Дженной привела ее сюда.

Феникс умолк, вес слов Охотника медленно впитался. Он повернул голову и посмотрел на меня.

— Ты не должна была приходить за мной, — пробормотал он, голубые глаза наполнили горе и вина.

— Но я связана с тобой душой, — ответила я, слезы текли по щекам. — Я должна была...

Радуюсь нашим страданиям, Дамиен хлопнул в ладоши и потер руки.

— Что ж, мы радостно воссоединились, пора начинать, — сказал он. — Охотники, готовьтесь к нашей первой жертве!

— Разве мы не должны дождаться...

Дамиен перебил Паучиху, хмурясь:

— Слушайте.

Игнорируя неуверенные взгляды банды, Дамиен поднял капюшон, повернулся к алтарю и поднял ладони к голове божества.

— Хвалите Ра-Ка!

Воплощенные продолжили скандировать, шатаясь, как в трансе, их пустые взгляды пугали. Охотница с Кастетами подняла меня на алтарь, заставила повернуться к Фениксу на

каталке.

— Хочу лучший вид для тебя, — прошипела она мне на ухо. — Я хочу, чтобы ты видела, как его душу вырвут из него и сотрут *навек*.

Меня мутило, я была в ярости, попыталась вырваться из ее хватки, но она вонзила ногти глубже и сжала мои волосы, повернув мою голову.

— *Смотри*, — прорычала она.

Крупный Охотник притащил Джуд к другому концу каталки, чтобы и она видела ритуал.

— Ты будешь следующей, — насмехался он, его голос был гнусавым из-за перевязанного носа. Джуд хмуро смотрела на него как дикая кошка, подавленная тазером, направленным на нее Паучихой.

Дамиен взял с «алтаря» скальпель, острый клинок мерцал в свете свеч. Он повернулся к каталке, прижал острый кончик к горлу Феникса. Подавленный и связанный Феникс мог лишь лежать и принять судьбу.

— Нет... не надо, — умоляла я, отчаяние поднялось во мне. — Дамиен, прошу, не надо.

Мстительно взглянув на меня, Дамиен стал резать грудь Феникса. Я зажмурилась, не могла смотреть. Но я не слышала крика боли Феникса. Седативные не давали ему ничего чувствовать? Робко открыв глаза, я всхлипнула с облегчением. Дамиен только разрезал футболку Феникса, оголяя грудь.

Дамиен ухмыльнулся мне.

— Мне нужен чистый удар нефритовым ножом, — злорадно объяснил он.

Он повернулся к алтарю, поднял левую ладонь над металлической миской, куда горячий черный воск капал с клыков головы божества. Он махнул скальпелем, порезал ладонь, его кровь попала в смесь.

— *Ruq haq maar farad ur rouhk ta obesesh!* — бормотал он, повторяя древние слова его мастера, запечатывающие заклинание. Он отложил скальпель, взял миску и прошел к обездвиженному Фениксу. Дамиен придерживал его голову, заставил выпить гадкое зелье. Я скривилась, ощущая тошноту, помня горячий и горький вкус смеси в своем горле, как я стала уязвимой после него для сил Танаса. Феникс закричал и выгнулся, едкая смесь проникла в его вены. Он извивался в агонии в оковах, обмяк и потел на каталке. — *Rura, rkumaa, raar ard ruhrd...* — говорил Дамиен.

Пока он проводил древний ритуал, который отделит душу Феникса от тела и отправит ее в забвение, собравшиеся стали тушить свечи по одной. Подвал погрузился во тьму, и я зарыдала. Я знала, что после завершения церемонии возврата не было. Мои руки были связаны за руками, Охотница крепко меня держала. Я не могла спасти своего Защитника.

Голубой блеск его глаз угасал, темнел с каждым мигмом.

— Твоя жизнь с моей, как всегда, — завопила я, пытаюсь поймать рассеянный и пустой взгляд Феникса.

— Да, как вс-с-егда, — выдавил он с печальной и кривой улыбкой. Но мы знали, что это было последнее прощание.

— Как мило, — злорадно буркнул Дамиен. — Мы попрощались, давайте заканчивать!

Взяв нефритовый нож, украденный из дома Мэй, он подошел к каталке и поднял клинок над голой грудью Феникса. Пациенты все громче скандировали «Ра-Ка! Ра-Ка! Ра-Ка!» будто билось сердце.

Осталось задуть пару свеч, и тьма станет крошечной. Воплощенные стали топтать босыми ногами по полу, ритуал дошел до кульминации, Дамиен проревел:

— *Uur ra uhrdar bourkad*, РА-КА!

Вдруг дверь подвала распахнулась, и поток света пролился в комнату.

— ПРЕКРАТИТЕ НЕМЕДЛЕННО!

30

— Опустите нож! — приказал агент Хейз, направляя пистолет на Дамиена. Он наступал, агент Лин прикрывала его сзади, пациенты в страхе отошли, пропуская их.

Дамиен с неохотой опустил нефритовый нож на каталку. Моя радость при виде двух агентов была подавлена радостью, что Феникса спасли в последний миг. Я не должна была бояться ФБР, их вмешательство спасло Феникса, Джуд и меня.

— Хорошо, что вы пришли! — выдохнула я. — Они...

— Молчи! — рявкнул агент Хейз, глядя на меня из-за зеркальных очков.

Я тут же сжалась, его грубость заткнула меня. Но он имел право злиться. Я убежала в нашу последнюю встречу — и Джуд даже выстрелила в него тазером — так что он не зря злился. Важно было, что два агента ФБР теперь арестуют Дамиена и его банду, заберут нас отсюда...

Моя радость стала ужасом, когда толпа вокруг меня опустилась на пол, кланяясь двум агентам. Даже Охотники Дамиена опустились на колени, когда они подошли.

— Ты же не пытался провести ритуал сам, Дамиен? — прорычал агент Хейз.

— Это просто Защитник, — ответил Дамиен. — Как самый верный слуга, я могу получить такую привилегию?

Агент Хейз ударил Дамиена по челюсти.

— Как ты смеешь пытаться забрать Тьму!

Мой разум кипел, меня мутило от потрясения. Через полминуты я поняла ужасную правду: агент Хейз был Воплощенным! И, судя по реакции толпы, он был их лидером.

Это был Танас!

Земля подо мной будто пропала. Дамиен не врал, сказав, что Танас воплотился в новом теле, и он был сильнее, чем Габриэл, старый священник, с которым я столкнулась в оскверненной церкви полгода назад. Он был огромным теперь, и я сомневалась в наших шансах — наш враг был опаснее, чем когда-либо!

— Даю слово, я не был самонадеянным, — заверял его Дамиен, послушно опуская голову, кровь капала с рассеченной губы. — Я просто хочу ускорить дело, быстрее разобраться с теми, кто мешает разрушить Свет.

— Это не повод начинать ритуал без нас! — упрекнул Танас. — За нетерпение будут последствия.

Дамиен смотрел с мольбой, черные глаза пылали не гневом, а страхом.

— Но я поймал Первого Предка, Защитника и Воина. Это заслуживает...

— *Заслуживает?* Ты не решаешь, чего ты заслуживаешь.

Танас ругал Дамиена за непослушание, Охотница с кастетами стояла на колени, опустив голову, скрываясь от гнева Танаса. Надеюсь, что она не поднимет взгляда, я слепо потянулась за собой к алтарю. Вот! Мои пальцы задели холодную сталь рукояти скальпеля. Я скрытно повернула клинок и стала резать пластик на своих запястьях.

Я взглянула на Джуд, она смотрела на тазер в руке Паучихи. Феникс пусто глядел в потолок. Подавленный седативным и зельем, он не замечал, что происходило. Шансов, что мы втроем сбежим из подвала живыми, почти не было.

Я ощутила, как пластик треснул, мои ладони оказались свободными. Крепко сжимая

скальпель в потной ладони, я взглянула на Джуд, скрытно показала ей клинок. Она едва заметно кивнула. Мы обе знали, что нужно было сделать, чтобы покончить с этим.

Я готовилась к отчаянной атаке, в которой могла умереть.

Джуд кивнула, и я бросилась вперед, она вырвалась из хватки Охотника, ударив его локтем в лицо. Ее не успели остановить, Джуд выхватила тазер из рук Паучихи, выстрелила в Танаса. Я в то же время собрала гнев и горе и вонзила скальпель в его темное сердце.

Но Охотница реагировала быстро. Она схватила меня за волосы и оттянула, не дав нанести смертельный удар. Я рухнула на каталку, билась с сильной Охотницей за контроль над клинком. Она повернула мое запястье, заставляя меня отпустить. Танас оправился от тазера и поднял пистолет в сторону Джуд. Но Джуд ударила Паучиху ногой, смогла снова выстрелить из тазера. В этот раз, несмотря на размер и силу, Танас поддался удару пятью тысячами вольт. Содрогаясь, он выронил пистолет, рухнул лицом на каталку, где лежал Феникс.

Я заметила, что Дамиен не спешил помочь мастеру. Радуюсь, что его Охотники подавят нас, он наблюдал отрешенно и почти изумленно, как Охотница повернула мою руку почти до перелома. Скрипя зубами от боли, я пыталась сопротивляться...

— *Ааруш, бамбук, который гнется, сильнее дуба, который сопротивляется,* — советовала гуру, поймав меня в петлю из рук. Ее сила снова не вязалась с ее возрастом, и, как бы я ни боролся, я не мог вырваться из ее хватки.

Мое лицо было прижато к земле зала, я жалобно пролепетал:

— *Но вы связали меня в узел!*

— *И? Для чего растяжки и прыжки?* — ругала она, давя сильнее. — *Стань гибким, как тростник, плавным, как вода, беги как волна...*

Слушаясь совета гуру, данного века назад, я вызвала навыки Ааруша и выбралась из хватки, сделала сальто и отпрянула от рук Охотницы. Я ударила по точке марма у основания ее горла. Она охнула, и я ударила ее ногой, отталкивая к толпе пациентов с черными глазами, жаждущих нашей крови.

Я поняла, что лучшим шансом на выживание было убить Танаса и убрать так его хватку на последователях. Я отчаянно искала оброненный скальпель, который явно был где-то там во тьме, оглушенный Танас вдруг съехал с каталки на пол. Все в комнате застыло. Черные глаза лидера Воплощенных были пустыми, не моргали... кровь расцвела на его рубашке... зеленая рукоять нефритового ножа торчала из смертельной раны в груди.

Феникс вяло улыбнулся мне. Его рука была освобождена, лента была разрезана.

— Я убил его? — слабо спросил он.

Я кивнула, онемев от потрясения, что мой Защитник мог держать нож в своем подавленном состоянии.

Дозорные и Охотники застыли, смотрели, как их лидер истекал кровью до смерти на их глазах.

Жизнь Танаса утекала, а я не ощущала раскаяния, радости, было лишь облегчение, что эта злая душа будет изгнана снова из этой жизни. Это было наказание за убийство моих родителей. Он выдохнул в последний раз, я повернулась к Джуд с надеждой. Мы снова одолели Танаса...

Но Джуд не праздновала. Она настороженно озиралась, разглядывала пациентов. Только тогда я заметила, что они не стали собой. Глаза остались черными и бездонными. Дамиен и его Охотники тоже не изменились.

Шагнув вперед, агент Лин вытащила нефритовый нож из груди агента Хейза.

— Смелая попытка, Дженна. Но вы убрали не того мужчину, ведь нужна... женщина.

31

Я окинула агента Лин взглядом, отмечая ее синий костюм, прямые черные волосы и острые челюсть со скулами. Она выглядела как опытный и законопослушный офицер.

— Ты — Танас? — пролепетала я, она опустила нефритовый нож на алтарь.

С тонкой улыбкой агент Лин сняла очки, стало видно два пруда кружащейся тьмы на месте глаз. Я отпрянула в ужасе.

— Ты удивлена, — сказала она, смеясь от моего шока. — В прошлом я предпочитал быть мужчиной из-за преимущества в силе. Но, как доказал бедный агент Хейз, мужчина — очевидная мишень. И, — Танас опустил взгляд, восхищаясь своим спортивным телом, — я не мог и мечтать о более способном теле. Кроме пулевого ранения, чуть не убившего ее, агент Лин в хорошей форме. И, как у агента ФБР, у меня преимущества. У меня есть доступ к разным людям, местам и источникам, каких не было у священника. Похоже, ты и твой Защитник оказали мне услугу, убив меня в первый раз.

— Тогда я окажу тебе еще услугу! — сказала Джуд, схватив оброненный пистолет агента Хейз.

Она не успела нажать на спусковой крючок, Дамиен сжал ее руку, уводя пистолет от мишени. Оглушительный залп раздался в подвале, пуля отлетела от стены. Я пригнулась, куски кирпича летели во все стороны. Джуд попыталась выстрелить во второй раз, но Дамиен с военной точностью обезоружил ее и направил дуло на нее.

— Хорошая попытка, Ежик, — оскалился он. — Забыла, что меня учили боевым искусствам крав мага в прошлой жизни?

Джуд под дулом с неохотой сдалась, и крупный Охотник грубо схватил ее. Она скривилась, когда он сдавил ее руками. Охотница с кастетами схватила меня, чтобы я тоже не пробовала больше неожиданные атаки.

Танас стряхнула с плеча пыль от кирпича.

— Ты загладил вину, Дамиен, — сказала она, холодно улыбаясь ему, это выглядело как угроза, а не благодарность. — Твой голод к Тьме понятен, но не переходи черту. Мне не нужно напоминать тебе о твоём договоре на душу.

— Как я могу забыть? — ответил Дамиен, склонив голову. — Вы — мой повелитель.

Танас прищурилась.

— Я рад, что ты знаешь свое место. Раз агент Хейз уже не с нами, ты можешь занять его место рядом со мной.

Дамиен резко поднял взгляд с улыбкой на губах.

— Это честь. О, Великий, — прошептал он. Убрав пистолет за пояс, он перешагнул труп агента и присоединился к Танасу у алтаря.

— Смерть Хейза печальна, но это мелкая помеха, — продолжил Танас, махнул двум пациентам унести тело. — Мы перекроем его потерю, потушив Свет Дженны. Но сначала закончим то, что ты начал.

Танас подошел к каталке, я отчаянно переглянулась с Джуд. В ее глазах отражалось то же смирение, бремя поражения, но еще и сверкал гнев на меня. Я не винила ее за презрение ко мне из-за провала миссии. Я была виновата. Я привела ее сюда, не послушала Калеба и Гоггинса. Я слишком поздно, конечно, поняла, что они были правы. Я рискнула, чтобы спасти Защитника, но поплатилась за это. Душу Феникса сотрут навеки, но и Джуд, меня и

мой Свет уничтожат.

Сморгнув слезы стыда и сожалений, я смотрела на беспомощного Феникса на каталке, проклиная свою самоуверенность. Я не была Защитницей! Я не должна была притворяться ею. Но, несмотря ни на что, я знала, что если бы делала выбор снова, я бы приняла то же решение. Феникс был моим Защитником. Он спасал меня снова и снова. Я должна была спасти его.

Но теперь это было не важно. Танас готовилась завершить ритуал жертвоприношения, и я знала, что мы с Фениксом дошли до конца пути наших душ вместе. Мысль о разлуке навеки наполняла меня страхом, почти таким же ужасом, как перед тем, что лежало впереди для моей души, когда она будет разрушена Тьмой.

Танас склонилась над каталкой, провела ладонью по каштановым волосам Феникса, лаская его, как мать — больного сына.

— Ах, Феникс. Ты думал, что мог уничтожить меня обсидиановым клинком, — сказала она зловеще успокаивающим тоном. — Как ты ошибался!

Она сжала его волосы, отклонила голову Феникса, и его глаза раскрылись от боли. Свободная рука Феникса взлетела к Танас, но Дамиен быстро подвинул его.

— Ты мешал мне слишком много жизней, — процедила Танас, уродливо скалясь. — Но уверяю тебя, Феникс, это твоя последняя жизнь.

По ее приказу Воплощенные встали и продолжили тихо скандировать «Ра-Ка! Ра-Ка! Ра-Ка!».

Отпустив голову Феникса, Танас взяла нефритовый нож, еще мокрый от крови агента Хейза, и стала произносить слова ритуала:

— *Rura, rkumaa, raar ard ruhrd...*

С каждой строкой надежды в моем сердце оставалось все меньше. А потом я вдруг вспомнила про Тарека. В смятении и бое я забыла, что он следил за нами. Он же увидел, что случилось, через камеры, услышал наши крики в наушниках?

— Тарек? — шепнула я. Ответа не было. Только шум. В подвале не было сигнала, как и в коридоре наверху. Но я пыталась связаться, хотя не знала, что один Воин мог сделать против толпы Воплощенных. Даже если Тарек сообщил в Хейвен, поддержка будет часами добираться сюда. Но у него могли быть шансы...

Дверь подвала снова открылась, и я подняла взгляд, надеясь на спасение в последний миг. Танас замолкла посреди заклинания, хмуро посмотрела на прибывших, но ее гнев вскоре рассеялся, Охотник-блондин грубо втолкнул в комнату Тарека.

— Ах! Опоздавший, — ухмыльнулась Танас, насмехаясь над еще одной добычей.

При виде Тарека в синяках и крови Джуд перестала бороться в руках Охотника. Мои надежды разбились, я обмякла, побежденная, в когтях Охотницы. Моя миссия по спасению Феникса провалилась трагично, и виновата была только я.

— Прости, Тарек, — пробормотала я, пока его тащили ближе ко мне. Его очки были в трещинах, футболка — порвана. Правая щека опухла, кровь текла из разбитой губы.

— Не извиняйся, — ответил Тарек, кривясь от ран. — Он напал на меня в машине. Я отвлекся на ноутбук и не заметил его.

— Я виновата, — было стыдно смотреть на него. — Я должна была тебя послушать. Ты был прав, это была ловушка.

— Да, и ты попалась! — радовалась Танас со смехом. Она облизнула губы, язык двигался как у змеи. — Два Воина, Защитник и Предок. Будет долгая и темная ночь жертв.

Тарек взглянул на нее хитро.

— Уверена?

Танас нахмурилась, потом ее темные глаза расширились в тревоге, Тарек вытащил металлическую капсулу из кармана. Я тут же узнала прибор. Световая граната упала на пол, прокатилась к ногам Танас. Она бросилась за алтарь, как и Дамиен, пациенты сжались в ужасе. Охотники схватили Тарека, Джуд и меня как щиты.

Прошло несколько напряжённых секунд... и ничего не произошло.

Тарек выругался.

— Блин! Не сработало...

Дамиен засмеялся, встал на ноги. Танас тоже вышла, ее лицо было бурей.

— Никто не заставит меня выглядеть глу...

Раздался оглушительный грохот, граната взорвалась, сверкнув ярко, как солнце. Воплощенные взвыли в ужасе и агонии, Свет обжигал их глаза. Озаренный сиянием, подвал из ночи стал днём за миг. Но яркий свет не вредил моим глазам — я видела яснее, чем когда-либо.

— Быстро! — сказал Тарек. — Граната не будет работать долго.

Воплощенные шатались от вспышки, и я бросилась к каталке и сорвала ленты. Феникс взбодрился от вспышки концентрированного Света и сел.

— Ты можешь идти? — спросила я, закидывая его руку на свои плечи.

— Я буду ползти, если нужно, — ответил он, граната стала шипеть, как фейерверк.

— Ведите его отсюда! Я разберусь с Танас! — приказала Джуд. На полу сверкал скальпель, и она схватила его.

— Защищайте госпожу! — крикнул Дамиен дрожащей толпе, жмурясь от Света.

Все еще ослепленные, Охотники махали руками, пытаясь ударить. Воплощенные бросились вперед, как слепые крысы, закрывая тело Танас собой. Джуд сбили в хаосе, она выронила скальпель и бросила попытку убить Танас. Она присоединилась ко мне и Тареку, мы пытались удержать Феникса на ногах. Вместе мы пробивали путь через толпу пациентов, их пальцы царапали нас, они щелкали зубами. Джуд била руками и ногами, создавая путь к двери.

— ИДИТЕ! — приказала Джуд на лестнице. — Я задержу их.

Ослепленные Воплощенные шли за нами. Джуд схватила швабру, отломала конец. Крутя палку, как посох, она отбивала волну пациентов. Ее навыки шаолиньского монаха пригодились, выпады и удары попадали по наступающим Воплощенным.

Мы с Тарекком несли вес Феникса, помогая ему подниматься по лестнице. Но на первом этаже мы столкнулись с запертым пожарным ходом.

— Как выйти? — завопил Тарек, дергая тщетно ручку.

— Идем наверх, — сказала я.

— Но там крыша, и мы будем в лову...

Мы вздрогнули от выстрела, разнёсшегося эхом по лестнице, за ним раздался крик боли.

— Джуд? — со страхом позвала я.

Снизу топот стал громче. Джуд появилась с кровью, текущей из поверхностной раны на руке.

— Дамиен стреляет наугад! — крикнула она. — Нельзя медлить.

Она провела карточкой охранника по замку, открыла ногой дверь, и мы побежали по коридору к приемной. За нами Дамиен и его Охотники, полуослепшие и растерянные,

вышли на лестницу. Джуд провела картой для выхода, Дамиен дико выстрелил снова. Пуля попала по дверной раме, щепки полетели в стороны. Даже подавленный, Феникс пытался прикрыть меня.

— Я спасаю тебя в этот раз, помнишь? — сказала я, пока вела его в дверь за другими.

Игнорируя испуганного охранника за столом, мы вышли на парковку и поспешили к воротам. Джуд вставила кару снова, ворота стали медленно открываться. Слишком медленно. Мы не успели выбраться, Дамиен и его Охотники вырвались из здания как боевые псы. Они погнались за нами, мы протиснулись в брешь и побежали к ждущей Тесле. Двери открылись сами, и Джуд запрыгнула за руль, пока я помогала Фениксу сесть сзади. Тарек сел на пассажирское место рядом с Джуд, Дамиен вырвался из ворот с пистолетом в руке. Он выстрелил несколько раз, попал по машине. Джуд нажала на газ. Заднее окно разбилось, но мы уже уносились в ночь.

32

Мы ехали по пустому шоссе под звездами, когда Феникс высунул голову в окно и сунул два пальца в горло. Его стошнило черной желчью, он убирал ритуальное зелье из организма.

Я нежно коснулась его спины, пока его тошнило.

— Ты в порядке? — тихо спросила я.

— Лучше избавиться от яда, — вздохнул он, вернув голову в машину. — Как ты?

— В порядке, — ответила я, протягивая ему вводу.

Он осушил бутылку. Световая граната и избавление от яда придали ему сил, и блеск в глазах медленно возвращался. Я радостно улыбнулась Защитнику.

— Я рада, что мы нашли тебя вовремя, — сказала я и попыталась обнять его.

Но Феникс держал меня на расстоянии руки.

— Что ты творишь, Дженна? — упрекнул он, глядя мне в глаза, будто я была безумна.

— Я п-п-пришла спасти тебя, — пролепетала я, пораженная его реакцией.

— Это было глупо! — сказал он, встряхнув меня, едва сдерживая ярость. — Тебя могли убить!

Я вздрогнула, резкие слова обжигали меня. Он стал проверять мое тело на раны.

— Эй! Я сказала, что я в порядке! — рявкнула я, отталкивая его. Я хмуро посмотрела на него. — Не верится, что я прошла такой путь, рисковала собой, чтобы меня ругали как ребенка!

— Ты ведешь себя как ребенок, — едко ответил он. — Я думал, после того, что мы прошли в этой жизни, ты будешь умнее, не пойдешь прямо в ловушку! — я не успела ответить, Феникс обратил гнев на Джуд. — И чем ты думала, рискуя так душой Дженны?

— Она хотела тебя найти, — сухо ответила Джуд, Тарек стал перевязывать рану на ее руке, пока она вела машину. — Выбора не было...

— Конечно, был! — презрительно ответил Феникс. — Ты знаешь правила!

Джуд хмуро посмотрела на него через зеркало заднего мира.

— Да? Тебе ли говорить о правилах?

— Ладно, но хотя бы мой Предок еще жив! — парировал он.

Джуд сжала губы и глядела на дорогу стеклянными глазами. Феникс уже жалел о последних словах, и пару долгих мину никто не говорил. Только ветер пустыни свистел в разбитом заднем окне.

— Что нам было делать? — сказал Тарек, завязывая бинт Джуд и кисло оглядываясь на Феникса. — Отпустить Дженну одну? Запереть ее в Хейвене?

— Да! Я бы это выбрал, — процедил Феникс. — Не верю, что Калев и Гоггинс позволил вам уехать.

— Не позволили, — сказала я, потрясённая реакцией Защитника. — Джуд и Тарек не виноваты. Я хотела тебя спасти любой ценой.

Феникс в отчаянии посмотрел на меня.

— Дженна, ты не можешь так рисковать своей душой! Калев не объяснил? Ты не понимаешь, как ты важна?

— Объяснил. Но ты важен для меня, — ответила я, голос дрожал от эмоций. — Ты — мой Защитник. Ты мне нужен...

— В Хейвене я тебе не был нужен. Ты была защищена, — перебил Феникс. — Важен твой Свет.

Мое сердце сжалось от его слов, и мне пришлось смаргивать слезы, подступившие к глазам.

— Тебе важен только Свет... не я.

Тяжело вздохнув, Феникс провел руками по волосам и утомленно покачал головой.

— Ты не понимаешь, Дженна, — сказал он. Он поднял взгляд, лицо смягчилось. — Твоя душа и Свет — одно и то же. Ты — Свет. Потому тебя нужно защищать в первую очередь.

— А ты? — спросила я. — Как мой Защитник, ты не важен?

— Нет, — прямо сказал Феникс. — Я поклялся защищать твою душу. Это мой долг и, если нужно, жертва.

— Я думаю иначе, — ответила я, скрестив руки и бросая ему вызов. — Твоя жизнь с моей, как всегда. Мы же так говорили? Можно и немного благодарности. Если бы Танас принесла тебя в жертву, наши души не воссоединились бы. Ни в этой жизни, ни в будущих. Я была бы одна. Моя душа была бы без защиты. И что стало бы тогда с моим драгоценным Светом?

— Воин вмешался бы, — ответил Феникс. — Джуд. Она защищала тебя раньше, хорошо справлялась, — он взглянул на Джуд за рулем, но она упрямо не ловила его взгляд. Феникс повернулся ко мне. — Дженна, тебе нужно понять, что Танас не хотела приносить меня жертву. Не поймав тебя, по крайней мере. Я был наживкой, и ты клюнула.

— И буду делать это каждый раз, — упрямо сказала я.

Феникс покачал головой.

— Нельзя давать Танасу — или Дамиену — так тобой управлять! Теперь они знают, что могут достать до тебя через меня. Это слабость. У нас не может такого быть.

— И я не могу потерять тебя, — заявила я. Я отвернулась от него и глядела в окно, решив не показывать Защитнику, как он был важен для меня. Пустыня проносилась мимо, выцветшая табличка Шоссе 95 на миг показалась в свете фар, потом пропала во мраке.

После мига тишины Феникс нежно и робко взял меня за руку.

— Дженна, прости, — сказал он, гнев в голосе пропал. — Я понимаю твои причины, по этим же причинам ты так важна для меня. И потому я так расстроен, что ты рисковала собой. Я тоже не могу тебя потерять.

Я хотела бороться, но сердце таяло от его слов. И все же я глядела в окно, видела его отражение в стекле, верность на его лице.

— Я благодарен тебе, Джуд и Тареку за спасение, — продолжил он. — Но ты не помнишь, что случилось в последний раз? Как опасно тебе ставить меня выше своего выживания?

Я без слов покачала головой.

— Ты помнишь Проблеск, где мы были шайеннами? — он сжал мою ладонь. — Когда мы ехали по Великим долинам, и Охотник Танаса выстрелом сбил меня с лошади?

Моя память о той жизни дрогнула, я смотрела на песок ржавого цвета, проносющийся мимо, горы поднимались вдали, как тени спящих великанов на горизонте...

Копыта лошадей стучали по сухой красной земле, приближаясь, я подняла Хиамови на ноги. Пулевая рана в его боку истекала кровью, моя лошадь скулила в агонии от выстрела в бок.

— Я сказал... уезжай, Вайнока, — простонал Хиамови, скаля зубы от боли.

— Знаю, — буркнула я, шатаясь под его весом, двигаясь к холмам. — Но я поклялась, что мы связаны в жизни и смерти.

— Но не... в смерти... Танас не даст, — выдавил Хиамови, хромя рядом со мной.

Мы шли по долине, маршал в белой шляпе и его прихвостни окружали нас. Один из черноглазых охотников поймал лассо меня и Хиамови, затянул верёвку на наших грудях, сбил нас с ног. Воля, охотники потащили нас за своими лошадьми, грубая земля царапала нашу голую кожу. После пары сотен жестоких ярдов мы остановились под кривым деревом.

— Да, сэръ, пора наказать! — сказал темноглазый маршал, сплюнув на землю комок табака. — Пусть черви извиваются, пока мы гасим их Свет!

Закрепив лассо на наших шеях, закинув концы на прочную ветку, они подняли нас в воздух. Маршал вытащил черную книжку в кожаной обложке из кармана и стал произносить странные слова. Я безумно била ногами, пытаюсь дышать, веревка душила меня. Хиамови слабо тянул за петлю, струи крови текли по его коже из раны и ободранной крови на ржавую землю...

Я охнула, ладонь потянулась к горлу. Я еще ощущала давление на трахее. Я повернулась к Фениксу и спросила:

— Если Танас и Охотники поймали нас, почему мы теперь тут?

— Наше племя пришло нас спасти, — объяснил Феникс. — Но едва успели. Иначе нас принесли бы в жертву в тот день. Потому ты не можешь ставить меня выше себя. Если бы мы не были связаны, ты бы послушалась меня и уехала, когда меня подстрелили.

Я покачала головой.

— Вместе мы или нет, я все равно спасла тебя.

— И это брешь в нашей броне, — настаивал Феникс. — Это уязвимость, которую Танас всегда будет использовать. Как он сделал в этой жизни.

Я сглотнула, ком в горле пропал.

— Но, если бы я не вернулась, тебя не было бы тут сегодня... как и меня.

Феникс смягчился от моих слов.

— Тогда мы нужны друг другу, — сказал он, открыв для меня объятия. — Пообещай больше так не рисковать ради меня.

— Не могу, — ответила я, погружаясь в его объятия. — Но обещаю, что в следующий раз я буду лучше вооружена!

Феникс рассмеялся и покачал головой от моего упрямства.

— Простите, не хочу разрушать счастливое воссоединение, — сказала едко Джуд, — но у нас проблема.

— Что? — спросил Феникс, тут же напрягшись.

Высокий писк звучал от панели приборов, Джуд кивнула на красный сверкающий свет

на экране. Через секунды экран погас, тревога утихла, и фары машины уже не горели.

Мы ехали в тишине во тьме.

— Батарея разрядилась! — буркнула Джуд. Борясь с рулем, она криво остановила машину на краю.

Тарек открыл ноутбук, попробовал включить систему машины, но без толку.

— Пуля явно повредила один из топливных элементов, — сказал он.

— Что теперь? — спросила я, тревожно взглянула на разбитое заднее стекло, пустую дорогу за нами.

— Пойдем пешком, — сказал Феникс. — Мы сбежали далеко, но Танас будет идти за нами. У нее под рукой все ресурсы. Нам нужно в Хейвен... пока она не добралась до нас.

33

После прохлады внутри машины воздух пустыни ощущался теплым и неподвижным. Ночное небо было океаном звезд, луна — серебряным диском. Мы собрали вещи: маленький рюкзак Джуд, аптечку, пару фонариков и бутылку воды. Кровь уже пропитала спешно созданную повязку на руке Джуд, и я настояла сменить бинт, мои навыки военной медсестры снова пригодились, я добавила давление и остановила кровотечение.

Тарек впечатлено отметил мою технику.

— Жаль, тебя не было рядом, когда мою ногу оторвало в гражданской войне! — пошутил он.

Я закончила перевязывать Джуд, и мы были готовы идти. Феникс пошел в пустыню.

— Проще идти по дороге, — отметила Джуд. Она кивнула на шоссе, чуть кривясь, надев на плечи рюкзак.

— Но опаснее, — возразил Феникс, замер и оглянулся. — Дозорный Танас легко нас заметит. Мы должны пересечь пустыню.

— Это дольше, — парировала Джуд. — У нас нет времени. И мы можем заблудиться.

— Я вырос в Аризоне, — напомнил ей раздражённо Феникс. — Я знаю, где мы, и как дойти до Хейвена.

Джуд тяжело вздохнула.

— Тогда ты знаешь, что мы не экипированы для похода по пустыне.

— Это не Сахара! — фыркнул Феникс.

— Но и не пляж с круглосуточным баром! — сказала Джуд. — У нас одна бутылка воды на всех, если ты забыл. Мы можем умереть там от жажды!

Они спорили, Тарек закатил глаза, словно споры Джуд и Феникса были знакомым делом.

— Слушайте, — перебила я, — чем дольше вы спорите, тем ближе Танас, — я тревожно глядела во тьму, откуда могли приехать машины. — Тарек, что нам делать?

Тарек встал на носочки, поправил сломанные очки.

— Эм... вы оба правы. Для скорости лучше дорога, — Джуд ухмыльнулась Фениксу, — но там негде спрятаться, мы будем на виду, — теперь Феникс выглядел довольным.

— Тогда пустыня, — я решила за всех, веря Фениксу, а не Джуд в этом.

— Ладно, — сказала Джуд, — но не вините меня, если это не сработает.

Бросив машину на обочине, мы пошли в ночь, хрустя сухой землей. Феникс был впереди, вел среди колючих кустов и кактусов, Тарек и недовольная Джуд плелись следом.

— Что у тебя с Джуд? — спросила я тихо у Феникса, мы двигались под звездным небом. — У вас будто есть история.

Феникс фыркнул, издав пустой смешок.

— Да, долгая история.

Он прошел пару шагов в тишине, отвернув от меня лицо, глядя на дорогу впереди.

— Видимо, вы были в одном племени воинов, хакала? — сказала я. — В том, что спасло меня и других Первых Предков?

Феникс замер, и я поравнялась с ним. Он приподнял бровь.

— Ты помнишь так далеко?

Я кивнула.

— Калерб показал мне. Во Вспышке в Солнечной комнате.

Он нахмурился, словно всплыло глубокое воспоминание.

— Была темная ночь. Такой бури никто еще не видел. Но каждый воин хакала ощутил зов. Чувство, что, если мы не вмешаемся в бой, солнце больше не поднимется, — его голубые глаза посмотрели на меня, сияли ярко, как звезды сверху. — Мы не понимали, что спасали Свет. Потом, когда наши души связались с вашими, мы осознали размер нашего поступка. Что мы будем навеки связаны душами.

Я нашла его ладонь во тьме.

— Ну, я рада, что это ты, Асани, спас меня в ту ночь.

Феникс удивлённо моргнул, услышав свое духовное имя, и улыбнулся, понимающая мудрая улыбка, которую он пронес через века. На краткий миг его лицо словно стало лицом воина с косой — широкие щеки, сильная челюсть и гладкая кожа, словно черты были вырезаны из эбонитового дерева.

— Судьба сделала меня твоим Защитником, Тишала, — он использовал мое имя и сжал мою ладонь. — И судьба свела нас снова. Смотри! — он указал на что-то далеко впереди...

— *Видишь ту звезду, Тишала?* — *шепнул Асани, мы сидели бок о бок на холме, теплый ветер окутал нас, как одеяло, и тихий стрекот сверчков свел нас в объятиях.*

Я глядела на ночное небо, мерцающее, как океан над долиной.

— *Какую?* — *выдохнула я.*

— *Ту яркую, на севере,* — *он притянул меня ближе и указал.* — *Где бы ты ни была, в каком бы воплощении ни была, смотри на ту звезду и знай, что я с тобой. Твоя жизнь с моей, как всегда...*

— Наша звезда! — охнула я. Пульс участился, а связь углубилась. Постоянная звезда в небесах соединяла первую жизнь как Тишалы и Асани с жизнью Дженны и Феникса. Наши души далеко ушли во времени, но я поняла, что мы были, как всегда, вместе.

Я смотрела в лицо Феникса, утомлённые, но решительные черты смягчил свет луны.

— Твоя жизнь с моей...

— Как всегда, — ответил он, завершив фразу, подтвердив нашу вечную связь.

Мы какое-то время шли в тишине, умиротворённые, шаги хрустели, Джуд и Тарек шептались сзади. Потом Феникс сказал:

— Я слышал о твоих родителях. Мне жаль.

Звезды в небе вдруг стали размытыми, я смаргивала слезы. Неожиданное напоминание о потере грозило разбить мое сердце.

— Спасибо... — ответила я, горло сжалось, голос дрогнул. — Я т-т-так с-с-скучаю по ним.

Он нежно сжал мое плечо, я всхлипнула.

— Не отчаивайся, — тихо сказал он. — Однажды вы встретитесь, я уверен.

Я вытерла слезы ладонью.

— Думаешь? Но они не были Первыми Предками.

— И это могло их спасти. Охотники, убившие их, не провели ритуал, — объяснил он. — Их душам не помешали переродиться. Да, они уже не будут твоими родителями в следующей жизни, будут выглядеть иначе, но ты узнаешь их. И они проявят к тебе доброту, хоть не будут помнить тебя как дочь.

Вес горя на сердце стал легче от его слов.

— Спасибо. Так немного легче, — ответила я с горькой улыбкой. Потеря родителей все еще оставляла боль и пустоту во мне, но было приятно знать, что я увижу их в будущей жизни.

Мы поднялись на дюну, Феникс вдруг повернул налево.

— Ты точно знаешь, куда идешь? — спросила я. Пустыня казалось пустошью со всех сторон.

— Более-менее, — ответил он, глядя на небо. — Хейвен на западе. Идем за Минтакой, — он указал на дальнюю звезду справа в поясе Ориона. Уверенность Феникса в навигации в пустыне напомнила мне Амастан и время, когда он учил меня искать путь по Сахаре. Я подняла взгляд, стала искать путь. Я нашла Венеру, потом Сириус — самую яркую звезду на небе. Я различила созвездие Кассиопеи, указывающее на Полярную звезду на севере. Я вспомнила важность запахов в пустыне, особенно, далеких костров, и как свет луны был лучше факела в поиске пути во тьме.

Мы шли в ночи, Феникс хотел уйти подальше от разбитой машины, пока не рассвело, и покров тьмы пропал. Но горизонт становился ярче, и рассвет прогнал звезды. Без тени или укрытия пустыня быстро нагревалась, и мы вспотели, устали и хотели пить. Мы делились водой из бутылки, но на четверых этого было мало.

— Видите? Я говорила, что нужно было идти по дороге, — раздраженно буркнула Джуд, Тарек допил последние капли. — Мы могли хотя бы добыть припасы в первом городе.

— Мы дойдем до Хейвена раньше, чем умрем от жажды, — спокойно ответил Феникс.

Вытерев пот со лба, Джуд нахмурилась.

— По моей оценке, нас ждет день пути.

— Значит, найдем воду по пути, — сказал Феникс.

— Шутишь? Где? — спросила Джуд, махнув рукой вокруг. Вокруг нас был лишь песок, сухостой и дюны. Жар мерцал вдаль, и я вспомнила с болью свое время как Суры в Сахаре. Ее жажда в соляной шахте Тагазы была не тем опытом, который я хотела повторить. Горло болело от мысли об этом.

— Не переживай. Я был когда-то туарегом, — напомнил Феникс. — Я знаю, где в пустыне источник воды. Пока помести это в рот, — он взял с земли круглый гладкий камешек.

Джуд недоверчиво посмотрела на него.

— Это не уберет жажду, — сказала она.

— Нет, — ответил Феникс. — Но ты замолчишь, не будешь терять влагу на болтовню...

— Тише! Слышите? — Тарек перебил их разгорающийся спор.

— Что? — спросил Феникс, повернувшись к нему.

— Гул. Как комар...

Хмурясь, Феникс прислушался. Я и другие тоже. Пустыня была зловеще тихой, только порой шумели насекомые. Я начала думать, что Тареку показалось, но уловила вдаль гул,

который становился громче. Щурясь от солнца, мы посмотрели на ясное небо, искали источник звука.

— Дрон! — завопил Тарек, указывая на черную точку высоко над пустыней.

— Думаешь, это Танас? — я ощущала себя опасно открытой на этом участке земли.

— Наверное, — ответила Джуд. — Дроном проще всего нас найти.

— Вперед! — Феникс побежал. — Нужно найти укрытие.

Мы бежали по грубой местности, ноги поднимали пыль. Гул преследовал нас.

— Там! — сказал Феникс, указывая на щель в каменистом холме.

Мы упали на четвереньки, забрались в узкую брешь. Тяжело дыша, я замерла, слушая приближающийся дрон. Сердце колотилось в груди, дыхание стало неровным. Гул дрона был все громче, все ближе... Я с тревогой переглянулась с Фениксом. Пару долгих секунд дрон парил над нашим укрытием. Потом мы услышали, как он улетел, пропал вдали, пустыня снова стала тихой.

— Думаешь, он заметил нас? — прошептала я.

— Без понятия, — Тарек с опаской глядел на опустевшее небо. — Мне не понравилось, как он висел над нами. Хорошая камера могла заметить наши следы.

— Нужно двигаться, пока мы можем, — сказал Феникс.

Мы по одному выбрались из укрытия под солнце. Я выползала последней, нога задела камень. Я услышала грохот. Я оглянулась в щель и застыла. Гремучая змея песочного цвета выбралась из-под камня. Ее хвост дрожал с угрозой, раздвоенный язык трепетал, пробуя сухой воздух.

Глубокий страх из далекого прошлого парализовал меня, я вспомнила сад в Египте и кобру, поднимающуюся из корзинки. Она пыталась вонзить в меня клыки. Тогда меня предупредила Нефе, и Ранеб отрубил змее голову.

Но в этот раз мне повезло меньше. Я не успела очнуться и отползти, змея бросилась.

34

Боль опалила сразу, яд побежал по венам как огонь. Змея поднялась для еще одной атаки, Феникс вытащил меня, Джуд и Тарек кричали и бросали камни в змею. Она испугалась и уползла во тьму пещеры.

Я лежала, тяжело дыша, страдая от боли, на горячей каменистой земле.

Феникс быстро осмотрел меня.

— Она тебя укусила?

Кивнув, я подняла штанину. Две мелкие раны были на голени, из дырочек текла кровь. Кожа уже опухла и покраснела.

Феникс повернулся к Джуд и Тареку, стоявшим надо мной с тревогой на лицах.

— Вы успели рассмотреть змею?

— Да, — Тарек вытащил из рюкзака Джуд аптечку. — Песочно-желтая и коричневая, с бриллиантами на спине.

Феникс выругался под нос.

— Гремучая змея Мохаве.

— Это плохо? — спросила я, жжение поднималось по ноге.

Джуд закатила глаза.

— Да. Это одна из самых ядовитых змей в мире! — буркнула она.

— Что? — завопила я, сердце колотилось.

— Спасибо, Джуд, — с сарказмом сказал Феникс. — Это очень помогло. Доведи

пациента до паники, давай, — он опустил ладонь на мое плечо и посмотрел мне в глаза. — Дженна, сохраняй спокойствие. Или яд быстрее распространится по организму.

Я кивнула и попыталась дышать медленнее. Но боль усиливалась с каждым мигмом.

Тарек сел на колени рядом со мной и осмотрел рану.

— Клыки вошли глубоко, — отметил он.

— Что есть в аптечке? — спросил Феникс.

— Все обычное, — ответил он, роясь в сумочке. — Салфетки с антисептиком, пластыри, солевой раствор, бинты...

— Обмотай ее ногу, — сказал Феникс.

— Нельзя использовать жгут на змеином укусе, — твердо сказала Джуд.

— Знаю. Научился на своей шкуре в джунглях Амазонки в прошлой жизни, — ответил Феникс, держа мою ногу прямо. — Но нужно давление, чтобы остановился поток яда.

Я скрипнула зубами, Тарек перевязал плотно мою голень и бедро, закрепил бинт.

— Без противоядия я больше ничего не могу, — объяснил он с виноватой улыбкой.

— Нужно скорее доставить Дженну в больницу, — сказал Феникс.

— Без проблем, — Джуд указала на пустыню. — Она как раз за углом.

— Твой сарказм не помогает, — рявкнул Феникс, хмуро глядя на нее. — Но ты можешь помочь мне нести Дженну. Мы доберемся до дороги и остановим машину.

Тарек помог им поднять меня в воздух. Меня несли под синим небом, моя голова сала гудеть, пот собирался на лбу. Но дело было не в жаре пустыни. Я горела изнутри.

— Пить, — выдохнула я, но они ничего не могли поделать. Воды не было.

Они шли втроем, шатаясь. Но жар солнца, нехватка вводы и мой вес быстро утомили их. Уставшие, они опустили меня на землю. Мое сердце колотилось, дыхание было прерывистым. Я попыталась сесть, голова закружилась, меня мутило. Кожа странно онемела. Я понимала, что, несмотря на давление бинтов, яд бежал по венам, бил по нервной системе. Я рухнула на песок.

Тарек прижал ладонь к моему лбу, проверил мой пульс.

— У нее лихорадка, — подтвердил он, — и сердцебиение учащенное.

— Нужно... идти, — настаивал Феникс, тяжело дыша.

— Нет! — перебила его Джуд. — Мы ухудшим все для Дженны, двигая ее.

— Тогда одному из нас нужно побежать и найти помощь, — сказал Феникс.

— Я пойду, — вызвался Тарек без колебаний, уже встал и развернулся. Он побежал вдаль, двигаясь на запад.

Как только он оказался далеко, Джуд повернулась к Фениксу.

— Это твоя вина, Феникс! — рявкнула она, указывая на него.

— Почему это? — парировал он, пока я извивалась в агонии на сухой земле. — Ты выпустила Дженну из Хейвена!

— Если бы мы пошли моим путем, это не произошло бы!

— Змеи всюду в этой пустыне — это просто неудача!

Они спорили, а мое зрение расплывалось, фигуры Феникса и Джуд искажались...

— Глупое решение, — парировала Джуд. — Когда я потеряла Первого Предка, все винили меня, но для тебя это просто неудача?

— Ты потеряла Предка из-за Танаса... — их высокие голоса стали далекими и приглушенными для моих ушей. — Я не потеряю Дженну... ни сейчас, ни потом.

Их слова кружились в моей голове...

— Феникс... она умирает... укус змеи... мы знаем, как ядовит... для ее души... для Света... словно кровь Танас в ее венах...

Мысли путались, разум был растерян. Я уже не хотела понимать их слова. Небо надо мной темнело, земля пошла рябью, и из жара появился зловещий силуэт. Он был сперва маленьким, но постепенно рос. Я знала, что должна была предупредить других, они еще спорили, но лицо онемело, язык был тяжелым, и я не могла говорить. Черная тень становилась все ближе, нависла надо мной и закрыла солнце...

Мир погружается во Тьму. Сверху небо бушует, как океан. В тучах сверкает молния. Воздух густой от дыма, режущего глаза, давящего на горло. Я стою, холодная, одинокая и дрожащая, на пустом склоне холма. Рядом со мной мертвое дерево, его кривой ствол белый, как кость. На краю ветки без листьев сидит большая черная ворона, глаза блестят и смотрят на меня. Выжженная земля тянется вокруг холма, окутана постоянной тенью, солнце уже не встает, его лучи, дающие жизнь, изгнаны за горизонт. В долине далеко внизу я вижу легионы людей, трудящихся на пустой испорченной земле...

Я отплевалась и кашляла, горячую горькую жидкость лили в мое горло. За едким дымом жуткое лицо с впавшими глазами и крючковатым клювом вместо носа, черными и красными перьями на лбу появлялось и пропадало. Фигура бормотала загадочные слова, я закричала, боль пронзила ногу, а потом пришло онемение...

Ворона громко каркает, взмахивает темными блестящими крыльями и взлетает с ветки. Она описывает круг сверху три раза, потом опускается в долину. Я дрожу от хриплого карканья, она зовет меня. Я ощущаю странное желание идти следом за птицей вниз по холму и по полю рабов. Она ведет меня к огромной площади, где тысячи подданных на коленях, кланяются и молятся огромной статуе жуткого бога с рычащим ртом и глазами змеи, черными, как ямы.

Зловещая ворона все ведет меня через скандирующую толпу к крепости из вулканического камня, ее зубчатые башни поднимаются как неровные горы по бокам от меня. У основания длинного лестничного пролета стражи в уродливых масках ягуара стоят на посту, напряженные и прямые, как копья в их руках. С тревогой проходя мимо них, я поднимаюсь по лестнице и вхожу в крепость...

Жар был почти невыносимым. Я была в поту, ощущала себя как в печи. Пар окружал меня, обжигая. За облаками тумана снова появилась фигура с клювом, говорила на странном языке. Я услышала грохот, отпрянула, боясь атаки змеи...

Летя по темному коридору, ворона ведет меня в просторную комнату с отполированным каменным полом, высокими мраморными колоннами и сводчатым потолком. С пронзительным воплем птица опускается на спинку трона в форме головы огромной черной кобры. Под клыками отдыхает неестественно длинноногий и похожий на труп Танас, обрамленный черноглазыми Охотниками. От моего приближения жестокая улыбка, похожая на косу, изгибает его тонкие бледные губы.

— Последний Свет, — скалится он, глядя змею на коленях. — Он тусклый и слабый.

— Ты не победишь, — упрямо говорю я. — Я защищена.

— О, но я уже победил, — говорит он, его холодный смех разносится пустым эхом по большому тронному залу. — Ты не видела мое королевство? А защиты у тебя уже нет... — он щелкает пальцами, и два стража в масках ягуаров тащат сломанное тело.

— Феникс! — кричу я, они бросают его бесцеремонно на пол. Он лежит там, не двигаясь, тело покрыто синяками и глубокими порезами.

— Его страдания были радостью, — сообщает довольный Танас. — Я кормился ими много ночей.

— Феникс! — вою я, падая на колени рядом с безжизненным Защитником.

Танас щурит черные глаза и смотрит на меня.

— И теперь я уничтожу тебя... и последний Свет Человечества навеки!

По его приказу Охотники поднимаются и идут ко мне. Я вскакиваю и бегу из крепости, тяжёлый стук барабанов грохочет из бойниц...

Стук в голове стал громче, мои глаза открылись в ужасе, высокая фигура в перьях и шкурах на чернильной коже танцевала вокруг моего ноющего тела. Она кричала, била по бубну, и стук пронзал меня до мозга костей. Все во мне звенело от энергии, а потом стук вдруг остановился, фигура застыла надо мной, глаза блестели...

Я стою на коленях на холме, рыдая от боли и страданий порабощенных людей. Горюя по смерти человечества. По потере своего Защитника и Света. С моей смертью победы Танаса будет полной. Мир и все за его пределами будет только его. Он правит железным кулаком, его власть и радость идут из агонии и мучений его подданных. Надежды нет. Всюду Тьма.

Охотники окружают холм, шепчут заклинание, тихо двигаясь ко мне. Я озираюсь, но не могу сбежать. А потом я замечаю, как что-то сияет в земле. Мои пальцы роются в черной земле, и я достаю два кусочка камня — один гладкий и твердый, как кремень, а другой грубый и мерцающий, как золото. Под ними горстка сухого трута. Немного... этого мало для костра.

Слыша злое хлопанье крыльев, я поворачиваюсь и вижу, что жуткая ворона вернулась на кривую ветку мертвого дерева. Я спешу туда, отламываю край сухой ветки и дрожащими руками ломаю хворост на куски. Отчаянно ударяя камнем о камень, я пытаюсь высечь искру. Я снова и снова бью камнями, пальцы кровоточат, ногти чернеют от синяков.

Я почти сдаюсь, когда искра слетает на трут. Нежным дыханием я усиливаю ее красное сияние... превращая в огонек. Охотники замирают, хворост разгорается... Огонек становится костром, поднимается все выше.

С ревом ярости Танас вырывается из крепости и направляет ледяной ветер, чтобы затушить Свет... Но рождается больше искр. Они летят в ночном небе, как крохотные звезды, отгоняя Тьму...

35

Луч мягкого солнечного света проникал в узкую брешь в ткани на входе. Снаружи на рассвете щебетали птицы, а внутри звуки были приглушены, словно мир был окутан ватой. Дым поднимался от пепла маленького костра в центре жилища в форме купола, где я оказалась. Убежище было из крепких веток, связанных вместе и накрытых шкурой зверя, я узнала жилище по прошлой жизни шайеннов как вигвам. Гладкие скругленные камни были собраны у костра, деревянный барабан и трещотка с кожаной ручкой лежали у входа. В воздухе витал аромат трав и дыма. В тумане маска с жутким клювом и красными и черными перьями будто глядела на меня.

Я осторожно осмотрела себя, поняла, что лежала на шерстяном ковре с узором бриллиантов, под ним была земля. Моя левая нога ниже колена была обмотана бледно-зелеными листьями, но я уже не ощущала боль. Голова не гудела, лихорадка пропала, яд из вен убрали. Легкие были чистыми, и я свободно дышала, словно горным воздухом. Казалось,

все тело очистили.

Я села и чуть не выскочил из кожи, заметив мужчину с голой грудью, сидящего в тени, скрестив ноги. Его загорелая и обветренная кожа была в широких линиях синих чернил, вокруг морщинистого лица черные волосы ниспадали за широкие плечи. Его карие глаза глядели, не видя, вдаль. Я гадала миг, не был ли он из дерева, а потом его пустой взгляд стал сосредоточенным, он посмотрел на меня.

— Ты исцелена, — заявил он тихо и хрипло.

Я отпрянула от него.

— К-кто вы? — пролепетала я.

Он приподнял пышную бровь.

— Вопрос: кто ты?

— Дженна, — ответила я.

Он покачал головой.

— Я не про имя, это меняется, — сказал он. — Только в этой жизни меня знали под множеством имен: Хобелия, Кайрук, Черный Ворон... Можешь звать меня Джон, если хочешь, но я предпочитаю свое нынешнее имя в Мохаве, Эмпоте. Нет, Дженна, я спросил у тебя, *кто* ты.

Его карие глаза смотрели в мои, он словно разглядывал мою душу. Я смотрела на него и заметила, как синее сияние пульсировало в его радужках, словно волны чистого океана. Кем бы ни был этот мужчина, он казался редким Духовным Братом.

— Я — Первый Предок, — ответила я, доверяя инстинктам быть открытой с ним. — Рождённая из Света и Носитель Света в душе.

— Верно, — Эмпоте кивнул. — Но ты и куда больше. Я скромно верю, что о тебе говорится в Пророчестве Души.

— В чем? — я растерялась.

— В Пророчестве Души, — повторил он. — Было много версий на множестве языков, но история одна... — он благоговейно заговорил, словно произносил древнюю правду:

Каждая Душа, рожденная из Света, несет бремя ярко.

Но день идет за ночью, а ночь — за днем.

Тьма, что когда-то была, будет снова,

Ведь Свет отбрасывает тень, а Тень выделяет Свет.

С каждой погасшей Душой, поглощенной Тьмой,

Воплощенный Лорд все ближе к исполнению жестокого желания.

Но одна Душа сияет ярче и смелее других,

И она должна зажечь искру, переча Тьме.

— Что это? О чем вы говорите? — ошеломленно спросила я.

Эмпоте оторвал от меня пристальный взгляд, взял тонкую трубку с воронкой, набил ее нарезанными коричневыми листьями и поджёг. Он выдохнул облако насыщенного табачного дыма.

— Твое видение, — ответил он.

Я вздрогнула в шоке.

— Вы видели то, что я видела? Вы — Пророк?

Он мягко покачал головой.

— Нет, у меня нет взора. Я, лучше не называть, Целитель Души.

Я взглянула на свою ногу.

— Вы исцелили... укус змеи?

Посасывая трубку, он кивнул:

— Честно скажу, было близко. Когда я дошел до тебя и твоих друзей, ты была на границе этой жизни и следующей. Яд дошел до того, что стал ослаблять и загрязнять вою душу. Но я ощутил, что ты можешь дать в этой жизни больше, и оттащил тебя.

Я робко убрала листья с ноги, увидела, что покраснение и отек пропали. Даже раны чудом зажили.

— Настой из листьев подорожника убрал отек и послужил противоядием, — объяснил спокойно Эмпоте. Он указал на круглые камни у костра. — С потом из тебя вышел яд змеи, — он направил мой взгляд к высохшим травам, висящим над его головой. — Сожжение дикого шалфея и ингаляция его дымом очистили твоё тело и душу. Стук и мои напевы прогнали злобных духов, которые липли к тебе. Последнее и самое важное — горький чай, который ты выпила, содержал черный кохош. Эта священная трава убирает яд и вызывает видения и транс.

— Так я видела... Проблеск? — робко спросила я, дрожь сотрясла меня от кошмарного воспоминания.

— Нет, — серьезно ответил он. — Проблески — прошлое. Ты испытала то, что мы тут зовем *su'mach*, сон.

Я выдохнула с облегчением.

— Так это не было настоящим? Как хорошо!

— Я этого не говорил, — исправил он меня. — *Su'mach* считаются у мохаве очень важными источниками великой мудрости. Пока спящий может ходить в прошлое, он может и получить помощь духов, ответы, даже увидеть будущее. Тот, кто испытал такое видение, считается *su'mach a'hot* — одаренным.

Я заерзала на шерстяном ковре.

— Так мне снилось будущее?

Эмпоте затянулся из трубки.

— Такие видения часто символичны, — ответил он в тумане дыма, срывающегося с его губ. — Твой *su'mach* — одно из возможных будущих. Там тебе показали царство Танаса, если он одолеет Свет. Тьма душила землю. Ночное небо без звезд подавляло. Люди были в рабстве.

Моя кровь похолодела от перспективы.

— Откуда вы это знаете? — спросила я. — Если вы не Пророк, как увидели мое видение?

Он склонился ко мне, голос был тихим:

— Чтобы исцелять, я вхожу в транс. Моя душа может превращаться в моего духа-стража и входить в твой *su'mach*.

Я разглядывала его морщинистое лицо, пытаюсь заметить обман, гадая, было ли такое возможно. А потом я увидела маску с клювом у входа и поняла правду.

— Вы были вороной!

Он загадочно улыбнулся.

— А ты из Пророчества. Та, чей Свет сияет ярче, чем у других, и которая будет биться с Тьмой, когда никто не сможет, чтобы сохранить искру. Даже в самый темный миг своего сна ты смогла создать огонь. Поэтому я верю, что ты и только ты можешь победить Танаса и изгнать его темную душу навеки.

Пораженная го словами, я замотала головой.

— При всем уважении, Эмпоте, вы ошибаетесь. Я не могу быть таким спасителем.

Он приподнял брови от моего протеста.

— Почему нет?

— Я — не Защитник, как Феникс, не Воин, как Джуд, — возразила я. — Я могу быть Первым Предком, но, как я поняла от Калеба, моя цель — поддерживать Свет горящим, а не бороться с тьмой.

Эмпоте опустил трубку и пристально посмотрел на меня.

— Тьму можно отогнать только Светом!

Нервничая из-за его предсказания, я встала, вдруг желая покинуть *вигвам*.

— Я благодарна за спасение моей жизни, Эмпоте, но тут какая-то ошибка, — я пятилась от него к выходу. — Я хочу к друзьям, пожалуйста. Вы можете сказать мне, где они?

Эмпоте мудро кивнул, указал кривым пальцем на вход, и вошел Феникс.

— Ты жива! — он обнял меня так сильно, что я ощущала биение его сердца. Он отодвинулся и заглянул в мои глаза, в его глазах были тревога и вина. — Я так переживал. Ты была без сознания день и ночь. Мы думали, ты не выдержишь... — он умолк и повернулся к целителю. — Спасибо, Эмпоте. Ты совершил чудо!

Эмпоте отмахнулся от похвалы и ответил:

— Нет. Чудо в твоих руках.

Феникс склонил голову и посмотрел на меня.

— Что это значит?

Я не успела ответить, ворвалась Джуд.

— Нужно сейчас же уходить! — сказала она с тревожным видом. — Тарек заметил еще два дрона в небе. Танас нашел нас.

Феникс выглянул осторожно из *вигвама* и выругался.

— Мы не убежим пешком. Дроны догонят нас.

Эмпоте кашлянул.

— Я могу помочь, — сказал он.

— У вас есть лошади? — с надеждой спросил Феникс.

Эмпоте усмехнулся.

— Не лошади. Кое-что лучше. Пикап!

36

— Мы не можем ехать быстрее? — спросила Джуд, тревожно глядя на безоблачное синее небо в поисках дронов.

— Только если со склона, — ответил Эмпоте с кривой улыбкой. — И лучше держаться средней скорости и не привлекать к нам лишнего внимания.

Мы впятером набились в ржавеющий и скрипящий пикап. Пахло теплой кожей, горячим топливом и табаком, и машина была такой старой, что там был кассетный проигрыватель. Эмпоте вел одной рукой, другая свисала из окна. Теплый ветер пустыни трепал его черные волосы, пока он шурился, глядя на шоссе в песке впереди нас.

Феникс поглядывал время от времени в заднее окно, проверял, не ехали ли за нами машины, а Тарек и Джуд следили за небом. Тарек наткнулся на целителя в пустыне и рассказал о нашей беде. Шансов пересечься в этой пустоши было почти ноль, и я подозревала, что Эмпоте уже шел ко мне на помощь, интуиция вела его, как Феникса и Джуд тянуло ко мне раньше.

— Вижу один! — завопил Тарек, указывая на север. Я сидела, напряженная и тихая, между Эмпоте и Фениксом, Джуд выглянула из окна, следила за полётом дрона. Я заметила, что ее раненая рука уже не была перевязана, ее тоже явно исцелил Эмпоте.

— Нет, это был самолет, судя по звуку, — сказала Джуд, мы сели ровно. — Думаю, пока мы от них оторвались, — добавила она.

— Если так, можно ехать в Хейвен, — сказал Феникс. Эмпоте сверкнул с шоссе на тропу, вдали появились знакомые зубчатые горы. — Но мы не можем расслабляться, — напомнил Феникс, оглядываясь на шоссе. — Танас так просто не сдастся.

Другие разглядывали небо, а я повернулась к Эмпоте.

— Вы знаете, куда едете, верно? — сказала я.

— Конечно, — ответил он, ловко огибая кочки и ямы на дороге. — Я — мохаве. Это наша земля. Я убедил старейшин позволить Калебу построить Хейвен в одном из наших священных мест. Они понимали, что это даст защиту, важность защиты Света.

Эмпоте резко повернул руль, поехал на север по асфальту с выбоинами. После мили на горизонте появился одинокий городок.

— Вы всегда были Целителем Души? — спросила я.

Эмпоте кивнул.

— В какой бы жизни я ни родился, я был целителем, так или иначе. В одни века это было благословением, в другие — проклятием, — он с сожалением покачал головой. — Люди часто боятся о том, чего они не понимают. Среди мохаве меня уважают как целителя, но во время испанской инквизиции меня сожгли заживо как ведьму.

Моя кожа вдруг стала горячей, запах топлива в кабине стал едким запахом горящих волос и дерева. В открытое окно залетали крики страдающих, и я подумала на миг, не было ли это радио. А потом я заметила в лобовом стекле отражение огня, седовласая женщина была привязана к колу, окруженная горящим деревом.

— Я помню! — охнула я в ужасе.

Эмпоте мрачно и с сочувствием взглянул на меня.

— Тогда это твой Проблеск того темного периода, — серьезно сказал он, мы приближались к заброшенному городу шахтеров. — Наши души встречались только в этой жизни.

— Может, я опоздала вас спасти, — сказала я, отгоняя жуткое видение.

— Может, нам было суждено встретиться только сейчас, — Эмпоте мудро улыбнулся. — Мало быть в нужном месте в верное время. Нужно быть верной личностью в том месте и времени. Наверное, ты не была готова, а, может, — он понизил голос почти до шепота, — я не был готов узнать тебя как ту, кем я тебя считаю.

— О чем вы говорите? — Феникс отвернулся от заднего окна.

— Пророчество Души, — ответил Эмпоте.

Джуд вернула голову в машину, ее волосы растрепал ветер.

— Ты веришь в эту сказку, старик? — она ухмыльнулась.

Эмпоте многозначительно посмотрел на меня.

— Полностью.

Джуд с жалостью покачала головой.

— Тогда ты не такой мудрый, как я думала. Пророчество — выдуманная история, чтобы дать нам надежду в безнадежной битве.

Рот Феникса раскрылся.

— Джуд! Так ты думаешь? Что наш бой безнадежен?

— Но мы же не побеждаем? — ответила Джуд.

— Может, пока нет, но такое отношение делу не поможет, — яростно спорил Феникс.

Джуд хмуро глядела на него.

— Как и вера в ложные пророчества!

Стало тихо, кроме шума ветра и шелеста шин на грубом асфальте. Я сидела между Эмпоте и другими, ощущая себя неловко, как неприглашенный гость на частной вечеринке.

«Только я не знала о Пророчестве? — думала я. — Почему Калев или Феникс не упоминали его раньше?».

Мы ехали по городу-призраку, выгоревшие на солнце здания были неприятными.

— Надежда — единственное, что сильнее страха, — заявил Эмпоте. — Важно хранить надежду в сердце. Пророчество — не миф, а правда.

— Нам уже давали ложные обещания, — сказал Тарек, — и с трагичными последствиями. Почему ты уверен, что это правда?

Я посмотрела на Эмпоте, удивляясь тому, что уже были заявления, и что пошло не так в прошлом. Я стала сильнее сомневаться в суждениях мохаве.

Эмпоте повернулся для ответа.

— Потому что... — начал он.

Вдруг предмет упал с неба, рухнул перед пикапом. Эмпоте ударил по тормозам, и мы резко остановились.

— Что это было? — заорал Феникс.

Мы посмотрели на небольшой кратер в дороге.

— Какой-то снаряд? — со страхом спросила я.

— Оно по нам не попало, — отметила Джуд.

Тарек вышел из пикапа и осторожно осмотрел дорогу. Он вернулся мрачным, держал в руке крохотную разбитую камеру.

— Это дрон, — сообщил он. — Видимо, у него отключился навигатор, когда он влетел в мертвую зону.

Страх охватил меня, разбитая линза камеры, казалось, глядела на меня и насмехалась.

— Блин! Танас на хвосте, — сказала Джуд, ударив по панели приборов от злости.

— Тогда нам нужно скорее в Хейвен! — приказал Феникс.

37

— **ВЫ ОСЛУШАЛИСЬ ПРЯМОГО ПРИКАЗА!** — ревел Гоггинс, лицо было бурей, как голос. Коты в прихожей Хейвена испугались и убежали в укрытие или из комнаты. — **Вы рисковали собой! Хейвен! И рисковали САМИМ СВЕТОМ!**

Я стояла, потрясенная и пристыженная, в буре ярости главного Защитника. Феникс, Джуд и Тарек тоже были ошеломлены таким пылом. Гоггинс хмуро глядел на нас, его тихий гнев был опаснее криков.

— П-простите, — сказала я. — Это не их вина. Я...

— **ПРОСТИТЕ?** — рявкнул Гоггинс, вены выступили на его мускулистой шее. — **Вь говорите, что вас преследовал дрон, а потом извиняетесь? Конечно, это их вина! Они должны были знать лучше. Для чего их обучение в этой жизни и прошлых, если они принимают такие безрассудные решения и совершают глупые ошибки?**

— Гоггинс, что сделано, то сделано, — спокойно сказал Калев. — Дженна в безопасности, Джуд и Тарек целы, Феникса спасли, — его он был мягким, но я заметила, что

Кaleb крепко сжимал костлявыми пальцами набалдашник трости, мог отломать его. Он переживал не меньше Гоггинса.

— Но какой ценой? — процедил Гоггинс. Он хмуро посмотрел на Феникса. — И для чего? Скажите?

— И я рад тебя видеть, отец, — ответил Феникс со сдавленной улыбкой.

Я опешила. *Отец?* Я знала из отчета полиции, который мне как-то показывала Шоу, что мать Феникса была из Мексики и умерла в аварии, а его отец был «Неизвестен». Но было сложно увидеть сходство между мужчиной-горой Гоггинсом и моим худым Защитником.

— Не в этой жизни, — объяснил Феникс, заметив вопрос в моем взгляде. — Гоггинс — мой первый отец, Духовный Отец. Ты можешь помнить его как Зубери, главу племени хакала.

Я вспомнила древний Проблеск, где Асани учил меня владеть топором, и Зубери хмурился. Выражение лица главы не поменялось за тысячи лет.

— И потому я так разочарован, — прорычал Гоггинс. — Как мой Духовный Сын, ты не должен был совершать такие беспечные ошибки и позволять дронам следовать за вами, и теперь Хейвен и все Первые Предки тут в опасности!

Масштаб глупости нашей миссии спасения стал понятен. Я опустила в раскаянии голову.

— Я не хотела подвергать опасности Первых Предков, — сказала я с мольбой. — Только спасти своего Защитника.

— Понимаю, — прорычал Гоггинс. — Но в итоге общая безопасность нарушена!

Эмпоте, который стоял в стороне, кашлянул.

— Я понимаю, ущерб был нанесен, но это не катастрофа. Я скрою следы, поеду по пустыне и уведу Охотников. Дрон довел Танас и ее Охотников только до города шахтеров.

— Спасибо, Эмпоте, — сказал Кaleb, проковылял и обнял Целителя. — Твоя помощь так нужна. Ты вернул Дженну целой, это важно.

Они обнялись, я заметила, что Эмпоте что-то шепнул на ухо Калебу. Голубые глаза Калеба чуть расширились, взглянули в мою сторону. Последовал короткий напряжённый разговор, и я легко поняла, что они говорили о Пророчестве. Кaleb едва заметно тряхнул головой, Эмпоте кивнул и улыбнулся. Но Кaleb не ответил тем же, он был обеспокоен сильнее, чем раньше. Пожав руку, Кaleb попрощался с Эмпоте.

— Береги себя, старый друг. Держи голову на плечах, — сказал он громко.

— И ты, — ответил целитель и добавил, пристально глядя. — Верь в себя. Время иное.

Выйдя наружу, Феникс, Джуд, Тарек и я попрощались быстро с Эмпоте. Я еще раз поблагодарила его за исцеление, ощущая с ним связь внучки. Он сжал мои плечи, его большие ладони держали меня так, словно я была юным деревцем, которое он собирался посадить.

— Будь Светом, который помогает другим видеть, — шепнул он мне. — Загляни в себя, чтобы зажечь искру! — он забрался в потрепанный пикап и уехал, ворота Хейвена быстро закрылись за ним.

— Феникс, Джуд, Тарек, идите со мной! — яростно приказал Гоггинс, уже шагая в сторону Мерцающего Купола. — Нужно оценить ущерб.

— Ты в порядке? — спросил у меня Феникс, заметив мой далекий взгляд.

Я кивнула.

— Просто переживаю за Эмпоте, — сказала я часть правды. Конечно, я переживала за

Эмпоте. Он рисковал из-за нас, но меня больше тревожило бремя веры целителя, что я из Пророчества.

Феникс разглядывал мои глаза, ощущая, что это был не весь ответ.

— Не переживай. Он будет в порядке. И не кори себя из-за слов Гоггинса. Твои намерения были хорошими. Я бы так и сделал на твоём ме...

— ФЕНИКС! — рывкнул Гоггинс, нетерпеливо маша ему идти.

Феникс тепло улыбнулся мне.

— Увидимся позже, — пообещал он, сжал мою ладонь. Феникс поспешил за другими, Тарек помахал мне, Джуд смотрела холодно, взгляд не удавалось прочесть. Я помахала в ответ, прошла в прихожую Хейвена и устремилась к водному саду.

Я нашла Калеба, глядящего на кои в пруду, напоминая своих котов. Он не поднял взгляд, когда я подошла.

— Ты знала, что если поместить карпа кои в аквариум, он вырастет всего до трех дюймов? — рассеянно сказал он. — Но в большом пруду или озере, где он свободно движется, тот же кои вырастает в полный размер, около двадцати дюймов?

— Я этого не знала, — ответила я, изумленная его словами. — Послушайте, Калев, мне жаль...

— Просто интересно, каким бы был их размер в океане, — он будто не слышал меня. — Конечно, морская вода убила бы их, ведь это пресноводная рыба...

Он утих и глядел на пруд, его взгляд следил за большим золотым карпом.

— Калев, я подвергла Хейвен опасности? — спросила я, вина давила на меня.

Не глядя на меня, он ответил:

— Как я и говорил, нужно привести сюда, а дрон, к счастью, вырубился в мертвой зоне, — он высыпал в пруд немного еды для рыб, смотрел, как карп жадно ел. — Если повезет, Хейвен останется скрытым от Воплощенных. Жаль, что твое маленькое приключение увеличило риск раскрытия.

Разочарование в его голосе было больнее воплей Гоггинса. Я подвела Калеба и всех в Хейвене. Напряженная тишина окутала нас, мы стояли у пруда, глядели на голодные рты карпов, пока они ели.

Через минуту я робко спросила:

— Эм... Эмпоте говорил вам что-то... обо мне?

Калев поднял взгляд, словно его испугали.

— Прости, Дженна? Я немного отвлекся, — он напряженно улыбнулся. — Прости, мне нужно помедитировать из-за нашей ситуации, — он бросил остатки еды в воду, пошел прочь, хромя, трость стучала по тропе, пока он не пропал за углом, двигаясь к стеклянной пирамиде.

Я осталась у пруда, не зная, как понять реакцию Калеба. Он еще злился на меня? Или пытался не говорить о Пророчестве? Как бы там ни было, он был странно взволнован и даже напуган.

38

Отчаянно нуждаясь в душе и отдыхе, я пошла по саду во двор, а оттуда к своей квартире. Сантьяго, Мик и Цзинтао сидели за столом, говорили. Они умолкли и повернулись, когда я вошла. Я робко помахала, но Сантьяго нахмурился, Мик что-то буркнул ему, а Цзинтао холодно смотрел. Печалась из-за холодного ответа, я пошла по дорожке к своей квартире. У двери я услышала мяуканье, меня встретила Нефертити, потерлась об мою ногу, громко урча.

— Привет, Нефе. Хоть ты меня тепло встретила, — я подняла ее и нежно погладила.

— О, не переживай из-за них, *mia cara*, — сказал мягкий голос с акцентом. — И из-за Гоггинса.

Я оглянулась, Вивиана сидела в кресле-качалке под оливой у своей квартиры. Мои щеки пылали, я пробормотала:

— Вы его слышали? Отсюда?

Вивиана приподняла подведенную бровь.

— С Гоггинсом сложно не слышать. Он всегда кричит, — сказала она, отмахнувшись. — Не думаю, что он рад, если его голос не повышен до хотя бы сотни децибелов, — она вздохнула, хмурясь, из-за чего морщины на лбу стали глубже. — Но мы должны помнить, что главный Защитник несет на плечах тяжелое бремя, — она хлопнула по стулу рядом с собой. — Подойди, *mia cara*, посиди со мной в тени.

Я села рядом с ней. Нефертити без колебаний устроилась на моих коленях.

— Мы очень переживали за тебя, — призналась Вивиана.

— Да? — спросила я, взглянув на Сантьяго и других, их лица не просияли. — Другие злятся, я не радуюсь.

— О, *мужчины!* — она фыркнула. — Да, некоторые из нас не рады, что ты рисковала своим Светом, но теперь мы рады, что ты цела. Это правда, — она улыбнулась мне с любовью и заботой бабушки.

— Я не хотела всех тревожить, — настаивала я, вина сдавила желудок. — Но я должна была спасти своего Защитника. Только Феникс может уберечь мою душу.

— Да, да. Понимаю, *mia cara*, — сказала она, нежно хлопнула меня по колену. — Ты поступила похвально... но немного глупо. Если бы мой Гоггинс был в беде, я хотела бы его спасти. Но что может сделать старушка восьмидесяти лет с артритом? — она пожалала плечами.

Я удивленно моргнула.

— *Гоггинс* — ваш Защитник? — было сложно представить пару хуже.

— Да, за мои грехи! — она рассмеялась. — Я жила мирно в маленьком шале высоко в Итальянских Альпах, пока он не пришел! — она надула раздраженно щеки. — Но я не знала, что стая Охотников медленно приближалась. Одним утром я проснулась, и моя *villetta* была окружена. Я думала, мне конец, — Вивиана покачала головой, вспоминая, потом уголки ее рта приподнялись в улыбке. — Но, как бык в магазине фарфора, появился Гоггинс, и если моя старая *villetta* не была разрушена раньше, потом она уже была разбита!

Она горько рассмеялась.

— Что? Он разрушил ваш дом? — поразила я.

— Гоггинс не действует аккуратно. Он — молот, а не скальпель! — она утомленно закатила глаза. — Но, хоть я жалею, я бы не желала другого Защитника для своей души. Он много раз спасал меня, жертвовал за наши жизни так много раз, что я могу простить его грубость. Я напоминала себе, что он хотел как лучше. Он действует для нашего блага.

Поняв, что у меня схожие чувства к Фениксу, я хотела согласиться с Вивианой, когда русые волосы появились у моего стула.

— Дженна, ты вернулась! — закричала Таша. Она крепко обняла мои колени, сбивая Нефертити, которая спрыгнула с недовольным мяу.

— Да, я вернулась, Таша, — я обняла девочку в ответ, радуясь, что не только моя кошка тепло меня встретила.

— Я слышала, тебя укусила змея! — выдохнула она, ее голубые глаза были огромными от ужаса и восторга. — Что случилось? Как ты выжила?

— Не переживай, я теперь в порядке, — заверила я ее и описала встречу с Эмпоте и его исцеляющие силы. Но я не упоминала видение и то, что оно раскрыло обо мне и Пророчестве.

Когда Таша стала сыпать вопросами о спасении Феникса, Вивиана нежно перебила:

— Таша, *mia bambina*, Дженна очень устала и явно голодна. Будь хорошей девочкой, попроси Фабиана приготовить ей поесть.

Послушно кивнув, Таша убежала по заданию. Но успела мне шепнуть на ухо:

— Что бы они ни говорили, ты очень смелая!

Я смотрела, как русоволосый комок энергии несется по саду, и сказала Вивиане:

— Она — яркая душа.

— Точно... — сказала Вивиана, ее морщинистое лицо источало тепло к девочке. — Поразительно, ведь у не было тяжелое начало жизни.

Я повернулась к Вивиане.

— О чем вы?

Покачиваясь в кресле, Вивиана сцепила пальцы и приготовилась объяснять.

— Бедняжка Пробудилась рано, — сказала она, — и была в опасности из-за Воплощенных раньше, чем была готова.

— Разве хоть кто-то из нас готов? — я подумала о своем Пробуждении на выставке родителей Мэй в музее и первой жуткой встрече с Дамиеном.

— Пожалуй, нет! — согласилась Вивиана, невесело смеясь. — Но Таше едва исполнилось восемь, когда черноглазый агент ФСБ пришел к ее семье без предупреждения.

Мой рот раскрылся шоке. Я не могла представить, как справилась бы в таком возрасте.

— Бедная Таша! Как она выжила? — спросила я.

— Чудом, — признала Вивиана. — Она мало мне поведала, но ей пришлось убежать из дома на холодные улицы Москвы. Она нашла убежище у Братвы, русской мафии, на время. Но они оказались не менее опасными, чем Воплощённые, и потом она была в бегах от Охотника из ФСБ и Братвы.

— Она делала это одна? — поразила я. — Ей было восемь! Где был ее Защитник?

— Отчаянно искал ее, — Вивиана прищурилась. — Как и Охотник из ФСБ — и он нашел Ташу первой.

— Как Таша выжила? — спросила я.

Вивиана потрянула головой, словно сама не знала.

— Она как-то смогла сбежать к замерзшей Москва-реке. Но лед треснул под ее ногами, и она провалилась в ледяную воду. Это могло бы стать концом для крошки Таши, но Охотник вытащил ее...

— Он спас ее?

Вивиана помрачнела.

— Да, но только для гадкого ритуала Танаса, — а потом уголок рта Вивианы приподнялся. — Но Защитник Таши был близко, догнал их у реки. Бой был ужасным. Защитник Таши был сильно ранен, но смог сбить Охотника из ФСБ в воду, где он утонул!

— Это было спасением в последний миг, — отметила я. — Как хорошо. Кто Защитник Таши?

— Клара, — сказала Вивиана. — Ты могла ее видеть. У нее шрам на щеке — остался от

той встречи.

Я кивнула, вспомнив женщину на тренировке, которую я видела, прибыв в Хейвен.

— Что ж, хоть Пробуждение Таши было грубым, у нее крепкая Защитница!

— Нам всем повезло с Защитниками, — согласилась Вивиана, — и у нас свои истории, — она кивнула в сторону Сантьяго и других. — Сантьяго — блюститель традиций, — она криво улыбнулась. — Он все еще не смирился с тем, что его от Воплощенного спасла пятнадцатилетняя девочка с Глок-17!

Я вспомнила тир и спросила:

— У нее рыжие волосы?

Вивиана кивнула.

— Да. Лена, из Польши.

— А Мик?

— Он трагично потерял Защитника из-за Танаса в прошлой жизни. Теперь он полагается на Воина. Так и у Табисы с ее сыном Кагисо. Тарек — Воин Табисы. Но связь между Предком и Воином не так сильна, как с Защитником. Потому я понимаю, почему тебе нужно было спасти Феникса.

— Спасибо, — ответила я, смутившись. Таша прибежала по газону и протянула мне миску свежей пасты. — Спасибо, — сказала я ей на русском, язык давался легко. Я взялась за еду, а другие Первые Предки пришли проверить меня. Фабиан прибыл с кухни, Сун-Хи и ее дети принесли свежий лимонад в кувшине, Табиса и ее сын подарили букет цветов из сада, даже Сантьяго и другие вскоре подошли. Мое поведение простили, ведь я вернулась целой.

Мы болтали и смеялись, и я снова ощутила единство, уверенность. Тут было ощущение семьи, но в этот миг я ощутила тоску по родителям и дому в Клэпхеме, и я задумалась, как Мэй и Приша справлялись с моим исчезновением. Я скучала по подругам и возможности открыто говорить с ними о том, что я переживала. Я знала Вивиану и других Первых Предков в прошлых жизнях, и мы делили близкую связь через Свет, который несли, но не было ничего лучше близкого друга, с которым можно было все обсудить. Может, потому я так хотела спасти Феникса. Он был не только моим Защитником, но и верным другом и спутником в этой и прошлых жизнях.

Когда я доела, усталость наполнила меня, и я решила уйти к себе, но сначала повернулась к Вивиане.

— Вы слышали о Пророчестве Души? — тихо спросила я у нее.

Она с интересом посмотрела на меня.

— Конечно. А что?

— Эмпоте упоминал это, — ответила я, стараясь звучать ровно, — но я не слышала о нем раньше... не в этой жизни точно.

— Ах, ясно, — сказала Вивиана, раскачиваясь в кресле. — Лучше говорить с Калобом о Пророчестве.

— Я пыталась, но он не хотел мне ничего раскрывать, — объяснила я.

— Это понятно, — буркнула Вивиана, сжимая подлокотники костлявыми ладонями.

Я нахмурилась, заинтригованная ее реакцией.

— Вы верите в Пророчество, Вивиана?

Она замерла, ее глаза стали стеклянными.

— Раньше верила.

— Раньше? — спросила я. — Почему не теперь?

— Я... — она сглотнула, — потеряла свою Духовную Дочь из-за него... — слеза покатилась по ее морщинистой щеке, она смахнула ее дрожащей ладонью. — Прости, об этом еще больно говорить, — Вивиана встала с кресла-качалки, проковыляла по двору. Таша побежала за ней и нежно взяла ее за руку.

Они ушли в тень фруктовых деревьев, и я стала понимать их глубокую связь. Таша потеряла семью в этой жизни, а Вивиана — в другой, и это свело их, они закрывали дыры в сердцах друг друга.

Печаль заполнила мое сердце, пока я думала о смерти своих родителей в этой жизни, и я снова задумалась, где была моя Духовная семья...

39

Ворона громко каркает, предупреждая о приближении Охотников. Лес вокруг меня черный, мертвые деревья кривые. За ветками без листьев небо в черных тучах, пульсирует молния. Раскаты грома рокочут сверху, холодный дождь стал лить на землю в листьях.

Я на коленях на маленькой поляне, одна, дрожащая. В кулаке коробок спичек. Горстка хвороста лежит передо мной. Я слышу из леса треск мертвых веток, хруст засохших листьев, тихие шаги приближаются.

Дрожащей ладонь я вытаскиваю спичку и пытаюсь ее зажечь. Головка отламывается. Я беру еще вспышку, роняю ее на мокрую землю. Третья спичка не загорается. Так и следующая... и следующая...

Я в панике высыпаю спички на ладонь, и кривая молния бьет по дереву и озаряет лес. Испуганный вопль срывается с моих губ... круг Охотников в капюшонах подступает ко мне, их жестокие лица скрыты тенью, их черные глаза блестят. За ними на ветру покачиваются Первые Предки, каждый висит за шеей с кривой ветки. Таша среди них, ее голова опущена, голубые глаза открыты, но не видят.

Подавленная горем, я отрываю взгляд от них и гляжу на то, что осталось в моей ладони... одна спичка.

Ворона каркает предупреждение и улетает в черное кипящее небо. Ветер свистит в деревьях, несет резкий голос Танас к моему уху:

— Я иду за твоей душой...

Я проснулась, сердце колотилось, пот был на лбу. Вне спальни птицы на оливковом дереве шумели в тревоге. Они с хлопаньем крыльев улетели в безоблачное небо, оставив Нефе на стволе дерева, она была не рада, что лишилась полдника.

Я потеряла глаза, пытаюсь убрать жуткую картинку Таши, висящей в петле. Может, это был еще один *su'tash*. Я надеялась, что это был просто кошмар.

Я стала собираться с мыслями, поняла, что вопрос о Пророчестве остался без ответа. Слова Вивианы, что ее Духовная Дочь умерла из-за него, только углубили тайну и усилили желание узнать правду. Я надела чистые джинсы и футболку из рюкзака, решила отыскать Калеба и разобраться. Одно дело — узнать, что я — Первый Предок, несущий Свет Человечества, другое — считаться той, кто может одолеть Танас, особенно, когда другая душа уже это пробовала... и провалилась.

Оставив Нефе миску сухого корма (она отвернула нос), я пересекла газон и пошла к стеклянной пирамиде. Я не знала, как долго спала, но солнце было высоко в небе. Я надеялась, что Калев все еще медитировал там. Я тихо и с уважением прошла в комнату-призму. Солнце тянулось радугой над моей головой, лучи отражались от отполированного

мраморного пола-зеркала. Знакомое покалывание Света бежало по моему телу, и, хоть я радовалась бодрящим ощущением, мои страхи и тревоги убегали, их сменял гул теплой энергии.

— Калеб? — голос отражался от солнечных панелей и угасал.

Белый мраморный пьедестал стоял в центре, никого рядом не было. Я огляделась, шагая к нему, пирамида казалась пустой. Кристальная верхушка на пьедестале сияла в ярком свете солнца, и я робко коснулась поверхности, гадая, смогу ли я получить ответы. Я была разочарована, когда ничего не произошло.

Убрав руку, я случайно задела край пьедестала. В ответ круглый значок солнца с золотым глазом в центре мягко загорелся. Я нажала. С тихим гулом солнечные панели соединились, и ослепительно белый свет ударил по кончику верхушки. Кристалл вспыхнул, как крохотная сверхновая, и я....

...упала на колени и могла лишь смотреть, как мою сестру-близняшку тащат в замок.

— Ая! — застонала я, держась за ноющую голову. Моя ладонь оказалась в крови из-за удара стража дубинкой по моей голове. Я попыталась встать, колени ослабели, зрение расплывалось. Страж замахнулся снова.

— Хватит! Больше не вреди ей! — рявкнул Римуш. — Твой Лугал не будет рад.

Страж неохотно отступил, работороговец взял меня за руку и помог встать. Я быстро пришла в себя, стряхнула его потную ладонь и забрала с его кожаного пояса короткий хлыст с узлами.

— Арвия, стой! — охнул Римуш, его глазки расширились в тревоге. — Не ухудшай все для себя.

Боясь за жизнь своей сестры больше, чем за свою, я не послушалась и, взмахнув хлыстом, ударила стража по лицу. Он взвыл от боли, прижал ладони к ослепленным глазам, выронил дубинку. Я схватила оружие и повернулась к Римушу, подняла его, чтобы ударить. Торговец сжался, дрожащая ладонь прикрыла лысую голову.

— Нет, сжался! — взмолился он, стал трусом за миг.

— Ты, на тебя жаль даже тратить силы, — я плюнула в него.

Увидев мой поступок, другие рабы осмелели и, как один, встали, чтобы бороться за свободу. Стражи во дворе быстро были подавлены, и я смогла пройти в замок. С хлыстом и дубинкой, я побежала вверх по лестнице, миновала большие деревянные двери с металлическими шипами, попала в пустую прихожую. Я бежала по коридору, озаренному масляными лампами, слышала крики сестры. По ним я добралась до огромной комнаты.

Тут в мерцающем свете масляных ламп стояла толпа в черных плащах и монотонно скандировала «Ра-Ка! Ра-Ка! Ра-Ка!», кланяясь в унисон высокой статуе Нергала, жуткого шумерского бога войны и мучений с головой льва. У основания статуи стоял Сарагон, лидер Воплощенных, высокий и гордый, в окровавленном белом одеянии, его золотой головной убор блестел в свете ламп. Ая лежала перед ним на широком мраморном алтаре, ее конечности прижимали четыре послушника в золотых масках. Она боролась, но тщетно, Сарагон влил горячую жидкость в ее горло. А потом стал произносить странные слова:

— Rura, rkumaa, raar ard ruhrd...

Я еще не видела такой ритуал, ни в этой, ни в прошлых жизнях, но слова Сарагона наполняли меня страхом. Он поднял обеими руками золотой кинжал, и я разделяла панику сестры, ощущала ее ужас, боль от горячего зелья в ее животе, и как ее постепенно охватывал паралич от зелья, я ощущала паралич в своём теле.

Борясь с онемением, я ворвалась в комнату, желая ее спасти, но в спешке врезалась в стража, стоящего у двери, длинное копьё с медным наконечником было в его руках. Он повернулся ко мне, и я ударила его дубинкой по голове. Он рухнул кучей, и я бросила хлыст и дубинку, схватила его копьё, не дав ему упасть на мраморный пол. Я смело пошла вперед, метнула изо всех сил оружие в Сарагона. Копьё летело по воздуху, свистя, над головами собрания в черных капюшонах.

Лугал поднял взгляд, удивленно хмурясь, когда копьё полетело к нему. Но в последний миг он уклонился от опасного острия и поймал древко в воздухе. Я в ужасе глядела.

Его насмешливый холодный хохот разнесся по тихой комнате. Он сломал копьё пополам об колено.

— Стражи, схватите ее!

Я попыталась бежать, но мускулистый часовой схватил меня сзади.

Сарагон поднял блестящий кинжал над Аей еще раз, посмотрел на меня.

— Что ж, — насмеялся он, — теперь ты увидишь, как я вырежу сердце твоей близняшки и уничтожу ее душу навеки!

— Н-навекы? — воскликнула я, глядя в отчаянные сонные глаза сестры.

— Да! Свет Человечества погаснет душа за душой, — улыбка, похожая на серп, изогнула губы Сарагона. — Приведите девчонку ближе, чтобы она видела мою темную силу.

Но страж не слушался. Он потянул меня к коридору.

— Я сказал: ПРИВЕДИ ЕЕ КО МНЕ! — прогремел Сарагон.

Страж отступал, тащил меня за собой. Я смогла оглянуться на того, кто меня поймал. Его глаза сверкали, как звезды.

— Асани? — охнула я, узнав его душу.

— Башаа в этой жизни, — ответил мой Защитник, собрание в черных плащах повернулось к нам. Нас могли окружить, и Башаа ударил копьём по большой глиняной вазе у стены, разбил ее. Масло полилось на мраморный пол, сделав его скользким. Но это была лишь половина его плана. Он сбил горящую лампу, огонь поджег масло, превратив пол в пожар. Огонь отогнал Воплощенных, но и отделил меня от сестры.

— НЕТ! — закричала я, Башаа уводил меня. — А как же Ая?

— Я — твой Защитник, в первую очередь, — ответил он, крепко держа меня, пока я пыталась вырваться. — Я не могу спасти обеих.

Я поймала взгляд сестры поверх огня, наша связь была вечной, не могла умереть... так я думала. Сарагон еще раз крикнул «Ра-Ка!» и вонзил золотой кинжал в грудь моей сестры. Она завизжала, и я тоже, наши крики звенели в комнате, как циклон. Тело Аи и душа были разорваны, и я ощутила боль от дыры глубоко во мне, словно и мое сердце вырезали из груди. Невообразимая боль сотрясла меня. Я отчаянно тянулась к сестре.

Она прокричала мое духовное имя:

— ТИШАЛА! — блеск в ее глазах вспыхнул на миг, а потом быстро угас. Заклинание Сарагона, как ледяной клинок, рассекло связь наших душ. Это задело меня, мой Свет, и мир вокруг меня потемнел...

40

— Дженна! Поговори со мной! Ты в порядке?

Я открыла глаза и увидела Калеба на коленях рядом со мной на полу Солнечной Комнаты, его грива белых волос была чуть растрепана, трость валялась рядом, словно была

брошена в спешке. Я лежала у мраморного пьедестала, его кристальная верхушка приглушенно сияла, но уже не обжигала ярким светом. Несмотря на теплое присутствие Света в стеклянной пирамиде, мне было холодно, сердце опустело, словно моя душа как-то съежилась.

— Танас... убил... мою сестру, — пробормотала я, грудь сдавило, и было сложно произнести слова. — Уничтожил... ее душу...

Кaleb печально вздохнул и опустил голову.

— Да.

Я села, слезы мешали видеть.

— Почему от ее смерти было так больно? — спросила я, держась за еще ноющее сердце. — Я словно сама умирала.

— В чем-то так и было, — ответил Кaleb. — Ая была не просто твоей сестрой в той жизни или жизнях до этого. Она была твоим Духовным Близнецом.

Я сморгнула слезы.

— Духовный Близнец?

Кaleb кивнул и помог мне встать.

— Когда ты родилась как Тишала, носитель Света, у тебя была сестра-копия, Лакейша.

Он сказал это, и я вспомнила ее ясно, словно она стояла передо мной. Овальное темнокожее лицо, гладкое, как камешек из реки. Ее черные волосы были короткими, украшенными яркими бусинами. Ее сапфирово-синие глаза сияли, милые и невинные. Ее улыбка была широкой и радостной, а смех был как журчание ручья. Мое сердце согрелось от яркого воспоминания о ней, наши жизни были переплетены. Не только как Лакейша... но и как бледная Ая... и вдруг я поняла, что она была и девушкой с длинными волосами и белым мерцающим одеянием в Проблеске в каменном круге с Фениксом у Эндовера. Воспоминания приходили быстро... Мы играли у ручья, пытались поймать лягушку... собирали мед в джунглях Амазонки, за это нас ужалили... охотились на газель в саванне, а потом за нами гнался голодный лев... прятались в пещере Гималаев, пока Охотники проходили близко... Но теперь я знала, что эти воспоминания о ней были древними, до ее смерти от руки Танаса.

— Вы были из одной искры Света, — объяснил Кaleb, провел пальцем по краю пьедестала, и сияние в кристалле стало крохотной частицей. Она парила в центре камня на верхушке, яркая, как звезда. — Вы разделяли душу друг друга.

Он коснулся пальцем, искра разделилась на две.

— Она ощущала то, что ощущала ты. Ты испытывала то же, что и она.

Две искры крутились, и я стала понимать свою глубокую связь с сестрой — общий Свет связывал нас, как притяжение.

— Нарушив уникальную связь душ, Танас вызвал мучительную боль у тебя и твоей сестры, — сказал мрачно Кaleb. Он взглянул на меня, уголки рта слабо приподнялись. — Но, как в расщеплении атома, он выпустил огромную вспышку энергии. Ты, Дженна, несешь больше Света, чем другие Первые Предки. Твою сестру убил Танас, ее душа уничтожена навеки, но в смерти она передала тебе часть своего Света.

Я посмотрела на Калеба с вопросом.

— Так я отличаюсь от других?

Кaleb кивнул.

— Да. Ты сияешь ярче.

Думая об этом, я вспомнила слова Эмпоте: «Но одна Душа сияет ярче и смелее других». Мое сердце забилося быстрее, я заставила себя вдохнуть, а потом сказала:

— Эмпоте думает, что Пророчество Души обо мне.

— Знаю, — ответил бесстрастно Калерб.

— И... что вы думаете? — робко спросила я, боясь его ответа.

Он снова заглянул в мои глаза, словно искал что-то. Борьба была на его старом лице, а потом он сказал:

— Не могу сказать.

— Что это значит? — я растерялась от его ответа. — Вы не скажете мне или не знаете?

Есть разница.

Калерб опустил взгляд на две искры, кружащие друг с другом в камне, и притих.

— Вы — Пророк! — возмутилась я. — Вы-то должны знать!

— Я много раз ошибался, — с горечью признался он.

Я попыталась поймать его взгляд.

— Как?

Но Пророк глядел на камень, стиснув зубы и хмурясь.

— Это не важно! — процедил он. — Это в прошлом. Я даже не знаю, верю ли я все еще в Пророчество!

— Ладно, — мягко ответила я, опешив из-за его непривычного гнева. — Пророчество или нет, Танас нужно убрать. Только так можно спасти Свет Человечества.

— Нет, — Калерб покачал головой. — Мы можем прятаться и так защитить Свет.

— Но как долго? — возразила я, думая, как мало нас стало за века.

— Сколько нужно! — резко ответил он. — Что бы ни случилось, я не буду больше рисковать твоей душой или твоим Светом — как и душами оставшихся Первых Предков!

Калерб взял трость и решительно вышел из пирамиды.

Его шаги разносились эхом, а я стояла наедине с мыслями, буря эмоций бушевала во мне. К гневу на Танаса за убийство моей сестры Лакейши, ее угасший Свет добавилось недовольство — где был ее Защитник? Горе из-за убийства родителей в этой жизни было еще свежим, и я переживала о судьбе свих Духовных родителей. А еще был шок от признания Калеба, что он ошибся в понимании Пророчества в прошлом... и раздражение, становящееся яростью из-за бессилия перед лицом Воплощенных.

Я страдала от этих мыслей, сжала кулаки и хотела кричать так, чтобы стекло в пирамиде разбилось.

Постепенно буря утихла. Я понимала осторожность Калеба, почему он так всех защищал. Хейвен был его способом уберечь выживших Первых Предков и их души.

Но он избегал грядущего боя Тьмы и Света.

Но теперь я вспомнила сестру, и как она умерла, и я не позволю Танасу и его Охотникам убрать нас по одному, пока Свет не погаснет. Пророчество или нет, я буду бороться. Чтобы остановить Танаса и его правление ужаса раз и навсегда.

Я больше не буду убегать. Не буду прятаться. На меня не будут охотиться!

41

Я решительно покинула Солнечную Комнату, хотела найти Феникса. Он понимал меня лучше всех, будет рядом, какой бы ни была опасность. Мне нужно было убедить его в своем плане.

Я пересекла площадку, прошла в стеклянный атриум, обнаружила, что в покоях

Защитников кипела активность. Клара, Защитница Таши, обращалась к группе из четырех Воинов, включая скандинавских близнецов, которых я видела у Гоггинса на уроке в день, когда прибыла. Сегодня они выглядели как помощники на ферме в джинсах, рубашках в клетку и шляпах ковбоев на спутанных рыжеватых волосах. Я задумалась, были ли эти Воины связаны так, как я со своей сестрой, или они просто родились вместе в этой жизни.

— Гоггинс хочет круглосуточный патруль периметра, — говорила Клара группе. — Докладывать о любой необычной активности, даже мелочах.

Четыре Воина ушли, чтобы приступить к работе, и я подошла к Кларе, высокой и гибкой женщине с каре черных волос с сединой. Ее скулы были очерчены, большие звездные глаза напоминали кошачьи, а кожа была гладкой, как фарфор, и она выглядела и двигалась как бывшая модель. Но, когда она повернулась ко мне, я увидела впервые весь жуткий шрам, оставленный ей Охотником из ФСБ, красная линия тянулась от ее правого глаза до кончика острого подбородка.

— Ты, видимо, Дженна, — сказала она с кривой улыбкой. — Причина этой суеты.

Я неловко улыбнулась, смущенная ее замечанием.

— Прости...

— Не сомневаюсь, — сухо сказала она, перебив меня. — Но слова и поступки не могут изменить прошлое.

Мои щеки вспыхнули, я опустила голову в стыде.

— Впрочем, — продолжила Клара, — поступки *сейчас* меняют будущее. Какими бы ни были минусы твоего похода, я хочу, чтобы ты знала, что я думаю, что Фениксу повезло с тобой как его Первый Предок. Наша сила в верности друг другу.

Я удивленно подняла взгляд.

— Спасибо, — сказала я, веря, что поступила правильно, когда спасла Защитника, и что кто-то еще так думал. — Ты знаешь, где Феникс? — спросила я.

— На площадке, — ответила она, указав на главный коридор атриума. — Там я видела его в последний раз.

— Спасибо, — сказала я и поспешила прочь. Я миновала зал лекций, где Гоггинс говорил с группой Защитников и Воинов. Судя по его громкому голосу, он все еще был в плохом настроении. Я юркнула под окошком двери, чтобы не стать мишенью его гнева во второй раз. В конце коридора я увидела Тарека в его закрытой компьютерной комнате. За окном с проволокой я заметила, что он анализировал материал камер наблюдения вокруг Хейвена: заброшенный город и горы вокруг. Я не заметила Танас или ее Охотников, дала себе немного надеяться, что Эмпоте увел их успешно по ложному следу от Хейвена.

А потом я врезалась в рыжую Лену, несущую штурмовую винтовку, которая казалась в три раза больше той, что ей подходила.

— Ого, вот это оружие! — отметила я.

Лена улыбнулась, как мать с новорожденным.

— FN Scar 17S, — гордо сказала она, хлопая по дулу. — Высококачественная адаптивная автоматическая винтовка, весит всего 3.9 килограмм. Стреляет больше шести сотен снарядов за минуту, может попадать на расстоянии девятисот метров!

Я кивнула, стараясь выглядеть восторженно.

— Ты много знаешь о ружьях, — сказала я.

— Я была снайпером в армии США, — объяснила она. — Я прошлой жизни, ясное дело.

— Понятно, — я ухмыльнулась без злобы.

— Я лучше раздену и почищу ее, — Лена открыла дверь тира. — Нам может понадобиться ее мощь раньше, чем мы думаем.

На длинном столе в тире лежало другое оружие — от пистолетов до ружей, похожих на гранатометы. Меня успокоило и немного встревожило количество оружия, которое нужно было Лене для защиты Хейвена. Я пожелала ей удачи и ушла наружу к тренировочной площадке.

Феникса нигде не было видно. Может, он был в Мерцающем Куполе. А потом я заметила его у ангара с самолётом с Джуд. Они напряженно говорили, почти нос к носу, глядя в глаза друг другу. Потом, к моему удивлению, они обнялись. Я смотрела на их объятия, в животе будто был свинец, горло сдавило. Феникс не рассказывал о его истории с Джуд... теперь я знала, почему. Из-за нее он, видимо, не связался со мной, когда вернулся в США. Меня словно ударили под дых, я повернулась и пошла к главному зданию.

Но, когда я открыла заднюю дверь, я услышала крик Феникса:

— Дженна!

Я замерла у порога, гадая, сделать ли вид, что я не услышала его. Но его шаги близко приближались.

— Дженна! — снова позвал он.

— О... привет, — вяло сказала я, когда он подбежал ко мне. Я заметила, что Джуд пропала в ангаре.

— Ты меня искала? — сказал Феникс с чересчур солнечной улыбкой.

— Хм, да, я... — я отвернулась, чтобы он не видел обиду на моем лице, — это уже не важно.

Он нежно опустил ладонь на мое плечо.

— Ты в порядке?

— Ага... порядок, — я пыталась подавить обиду. Я говорила себе, что ревновать не было смысла. Феникс всегда оставался Защитником. Но я ощущала, что наша близость, связь наших душ, была чем-то особенным... я на это надеялась.

— Ты все еще расстроена из-за слов Гоггинса? — спросил он. — Потому что ты не...

— Не в том дело, — сказала я и решила озвучить причину, по которой искала его. Я стала объяснять. — У меня был Проблеск в Солнечной Комнате, я узнала о своей сестре-близняшке Лакейше. Как Танас ритуально у-убил... — мой голос дрогнул, горе и гнев снова поднялись, — как Танас убил ее. Наши души разорвали, ее Свет потушили! Я еще не испытывала такую боль...

— Моя драгоценная Дженна, — сказал он, обвил меня руками, чтобы утешить. — Этот Проблеск лучше не вспоминать.

Я на миг почти сдалась его силе и защите. А потом я отошла, выпрямилась и посмотрела в его глаза.

— Мне нужна твоя помощь, — твердо сказала я.

— Да... что угодно, — ответил он, немного опешив.

— Я хочу, чтобы ты тренировал меня как Воина.

Феникс моргнул.

— Но ты — Первый Предок...

— Я в курсе! — я скрестила руки. — Но мне нужно уметь биться с Танасом и его Охотниками. Я хочу, чтобы ты провел меня через прошлые жизни, нашел Проводники в Мерцающем Куполе, которые вызовут во мне нужные навыки, которые помогут в бою с

Воплощенными.

Феникс прищурился.

— Это говорит Дженна или Миоко-сан? — сказал он. — Почему ты вдруг захотела биться с Танасом?

— Он убил мою Духовную Сестру! — воскликнула яростно я. — И моих родителей, и множество Первых Предков и Защитников, и он будет убивать нас и стирать наши души, пока мы не остановим его.

Феникс поднял ладонь, останавливая мою ярость.

— Я ценю причины, Дженна, — осторожно сказал он, — но Гоггинс и Калеп это не одобряют. Это подвергает тебя опасности.

— Я всегда в опасности, — возразила я. — Ты говорил, что у меня боевой дух. Ты напомнил мне о моей прошлой жизни самурая, когда, как Миоко, я едва ли нуждалась в твоей защите.

— Не в том смысл, Дженна. Я хочу защищать тебя, — заявил он. — Это мой долг.

— Я понимаю, — я чуть смягчалась. — Но это не повод для меня не сражаться за себя, за Свет. И ты первым поставил меня на этот путь. Асани хотел научить меня использовать топор!

Феникс смотрел на меня звездными глазами, в которых был вопрос.

— С твоего исцеления в пустыне ты другая. Что произошло с тобой в *вигваме*?

— Ничего, — я пожалала плечами.

Но он глядел на меня, словно искал в моей душе.

— Что тебе сказал Эмпоте? Это связано с Пророчеством?

Я удерживала его взгляд еще миг и сдалась.

— Ладно... — признала я. — У меня был *su'tach*. И теперь Эмпоте верит, что я из Пророчества.

— Это так? — сказал Феникс с ожиданием на лице.

— Откуда мне знать? — раздраженно сказала я. — Даже Калеп не знает! Или не хочет говорить.

Феникс притих, задумался. А потом сказал:

— Я не могу говорить, кто в Пророчестве, но я верю в *тебя*. Я всегда подозревал, что твоя душа особенная. Потому мне нужно защищать ее любой ценой.

— Так ты научишь меня биться?

Феникс кивнул и хитро улыбнулся.

— Думаю, я тренировал тебя во всех жизнях до этого момента, — ответил он. — Я просто ждал, пока твоя душа будет готова.

42

Я стояла с Фениксом на платформе с татами в центре круглой комнаты Мерцающего Купола. Комната была с тишиной библиотеки и обещаниями тайного музея. Лучи приглушенного солнца сияли в витражах, озаряя нас почти загадочным сиянием.

— С чего хочешь начать? — спросил Феникс.

Я бодро окинула взглядом пять уровней артефактов разных эпох, заметила пару самурайских мечей на подставке.

— С этого, — с улыбкой сказала я.

Феникс поднялся по спиральной лестнице на первый этаж, взял два меча. Убрав один за пояс, он ввернулся к платформе и протянул мне другой с церемониальным поклоном.

Я взвесила катану в руке, пятисотлетнее оружие ощущалось странно, но смутно знакомо.

— Феникс, ты говорил, что после Проблеска я всегда буду помнить навык. Но мои способности самурая будто угасли.

— Так бывает, — признал Феникс. — Навыки нужно оттачивать... или повторять Проблеск, чтобы освежить память. Конечно, уровень навыка зависит от того, когда и где в прошлой жизни ты оказываешься в Проблеске.

Он вытащил меч из ножен, занял боевую позу. Я повторила за ним, вытащила свой клинок.

— Что теперь? — спросила я, ощущая себя неловко, мы стоял напротив друг друга на платформе как для дуэли.

— *Saisho no chi ni*, Миоко-сан, — ответил он.

Мое самурайское имя задело во мне воспоминание...

— *До первой крови, — сообщил лысый сенсей, сидя на подушке, скрестив ноги, на деревянном помосте в дальнем конце додзе. Его длинная тонкая борода свисала с подбородка, водопад белизны на фоне черного шелка кимоно на его худом теле.*

Я взглянула на пожилого наставника с потрясением.

— *Вы хотите, чтобы мы резали друг друга?*

Сенсей слабо кивнул.

— *Как нельзя научиться плыть на суше, нельзя владеть мечом самурая без настоящей дуэли.*

Я повернулась к напарнику, Такео, невысокому юному самураю с квадратной челюстью и широким носом, его черные волосы были собраны в пучок. Как блуждающий ронин, он предложил услуги моему отцу, весь прошлый год тренировался рядом со мной. Мы бились много раз раньше деревянными боккенами, посохами бо, тонфа, кулаками и ногами... но не хотели ранить друг друга.

— *Я буду сдерживаться, — пообещала я под нос, пока мы кланялись.*

— *Не нужно, — он вытащил меч и занял боевую позу. — Ниндзя Тора Цумэ не будут.*

Я настроилась на дуэль, вытащила катану. Она сияла, как жидкое серебро, в моей руке, клинок был острым, казалось, мог порезать глаз от взгляда на него. Я боялась, что смогу серьезно ранить друга, если не буду осторожна.

Но Такео не переживал. Он на скорости устремился в атаку, кончик клинка чуть не рассек мою белую ги. Я отразила его меч своим, сделала выпад в сторону его живота. Он умело уклонился от атаки, пнул меня, и я отлетела к колонне, он чуть не отрубил мне голову. Меня поразила жестокость его поведения, только в последний миг смогла пригнуться, его клинок вонзился в деревянный столб, где моя голова была миг назад.

— *Такео! — завопила я. — Ты должен защищать меня, а не убивать!*

— *Ты пригнулась, — спокойно сказал он, высвободив катану.*

Тихий смешок донесся от сенсея.

— *Миоко-сан, твой друг теперь твой враг, — напомнил он мне. — Не давай эмоциям затуманить разум воина. Даже миг колебания в атаке может тебя погубить.*

Я послушалась совета сенсея, подавила чувства к Такео и представила, что он — Тора Цумэ, черноглазый ниндзя, охотящийся на меня. Я стала плавно атаковать, молниеносные удары и пронзающие выпады. Такео отступал, уклонялся, отражая атаки. Наши мечи звенели в додзе. Сенсей одобрительно кивал от умелого боя, часы тренировок того стоили.

Такео попытался обезоружить меня, повернув меч, и я отбила его атаку, мой клинок взлетел, задел его подбородок...

Феникс коснулся тонкой полоски крови в порезе на его лице.

Я виновато опустила катану, с ужасом поняв, что ранила Защитника.

— Прости! Я не хотела...

— Не надо, — он улыбался, повторяя слова своего прошлого воплощения. — Я был бы разочарован, если бы ты не одолела меня снова.

— Снова? — я тяжело дышала.

Я взглянула на свою катану, увидела кровь Феникса на клинке и поняла, почему мой пульс участился. Мы бились по-настоящему!

— Так мы разделили Проблеск? — поразила я.

— Да, у нас была дуэль, — объяснил Феникс, убирая меч в ножны. — Мерцая в Куполе, мы можем переживать миг из прошлой жизни и освежать навыки.

Я повернула запястье, смахнула его кровь с клинка — *чибури* — и плавным движением убрала меч в ножны — *нотто*. С простыми действиями я поняла, что навыки Миоко снова были частью меня, словно я тренировалась всю свою настоящую жизнь, меч ощущался как продолжение руки.

— Сработало! — воскликнула я. — Я знаю кендзюцу.

Феникс кивнул.

— И вскоре будешь знать куда больше, Дженна, — сказал он уверенно. — Нужно только увидеть Проблески.

Он забрал у меня катану, вернул мечи на подставку.

— Еще хочешь? — крикнул он с первого этажа.

— Конечно, — ответила я. Мой взгляд скользил по Мерцающему Куполу, упал на деревянный лук с круглым сосудом на конце. Хоть он выглядел как музыкальный инструмент, а не оружие, меня к нему влекло. — Это, — указала я.

— Беримбау? — ответил он с улыбкой. — Хороший выбор.

Он пришел на платформу. Держа инструмент в одной руке, а палку в другой, он стал задевать струну, создавая ритм, мелодия была простой, но манящей. Он запел португальскую балладу...

— *Nem tudo que reluz é ouro,*

Nem tudo que balança cai...

Я покачивалась и двигала ногами в такт песне, повторяя за противником. Мы поднимали пыль с голого участка земли, на котором моя небольшая группа сбежавших рабов и я оттачивали ежедневно капоэйру. Наша деревня была глубоко в джунглях Бразилии, но, как беженцы, мы знали, что капитаны колоний всегда искали нас — мы не были в безопасности. Отсюда и тренировки по утрам.

Мои друзья стояли вокруг нас, хлопали и пели, а я сделала колесо, чтобы уйти от взмаха ногой Ганы. Гибкий, как анаконда, он повернулся, ударил высоко, и я пригнулась, крутнулась, чтобы ударить его в голову ступней. Он отклонился, как беримбау, и я услышала крик предупреждения, все на площадке тут же убежали в джунгли.

Мы с Ганой перестали изображать бой, но не успели убежать — вооруженные солдаты бросились к нашей дереушке со всех сторон. Засаду вел черноглазый капитан на лошади, его форма была в пятнах и грязи от недель в джунглях.

— *Мария!* — крикнул капитан с довольной улыбкой.

— Я не отвечаю на свое рабское имя! — я плюнула на землю, а потом выпрямилась гордо и заявила. — Мое истинное имя — Сабина.

— Что ж... Сабина, тебе не спрятаться, я тебя найду всюду! — ответил он.

— Ты еще не поймал меня, — парировала я.

— О, как по мне, уже поймал, — заявил нахально капитан, его солдаты быстро окружили нас.

— Так схвати меня, — дразнила я.

Он кивнул, приказывая солдатам, они подступали. Мы с Ганой стали раскачиваться, двигаясь постоянно, чтобы не стать легкой мишенью. Солдаты напали, и я стала вихрем, прыгала и била ногами. Так делал и Гана. Я исполнила полуколесо и застала ближайшего солдата врасплох, ударив его ногой по лицу. Следующий получил удар с разворота в воздухе по челюсти. Третьего сбил с ног прием корта капим, я срезала его как травинку, он даже приблизиться не смог. Четвертый солдат был более ловким, чем другие. Я выгнула ногу за спиной и атаковала солдата в шею, подражая хвосту скорпиона. Он рухнул на землю как...

Я поняла, что стояла на руке посреди платформы Купола.

— Поразительно! — Феникс отложил беримбау.

Я повернула ногами и прыгнула на ступни.

— Такому я на гимнастике не училась, — выдохнула я, радуясь вернувшейся способности.

— Капоэйра выглядит как акробатический танец, но это обманчиво эффективное боевое искусство, — объяснил Феникс. — Ты сама видела, умелый воин может одолеть много противников сразу. Помню, португальский солдат жаловался, что нужен целый взвод, чтобы поймать одного такого воина!

— Я ощущаю себя так, словно могу одолеть армию! — сказала я с улыбкой, исполнила на импульсе *ai set tao*, колесо без рук. Но, приземляясь, я ощутила слабость в коленях и рухнула на пол. Вдруг тело лишилось энергии, голова кружилась. — Ч-что со мной?

Феникс тут же оказался рядом, обвинил меня руками.

— Дженна, ты только что прошла жизнь тренировок, — объяснил он. — Ты должна была устать. Потому нельзя много мерцать за один раз. Так можно себя перегрузить, — он посмотрел на мое уставшее лицо, проверил пульс. — Нужно закончить на сегодня.

— Нет, я в порядке, — настаивала я, прогнав усталость, встав на ноги с решимостью. — Танас и ее Охотники могут напасть в любой момент. Мне нужно быть готовой.

43

— Ты выгоришь, — предупредил Феникс, когда я упала на четвереньки на платформе в третий раз. Мой лоб покрывал пот, волосы прилипали к нему, мышцы болели. Я потеряла счет времени, множество Проблесков исказили восприятие. Несколько часов... день... или несколько жизней пошли с начала нашей сессии в куполе. Я знала лишь, что ощущалось как дюжина марафонов друг за другом.

Сняв *зодог*, я отдала Фениксу синюю жилетку с короткими рукавами, которая вызвала Проблеск Бури, монгольского воина, знающего древнее искусство бех. Я билась с другим мужчиной на фестивале Наадам, сражалась в честь Чингисхана. Бой шел в мою пользу, пока я не поскользнулась на траве, покрытой росой, и противник не бросился вперед как разъяренный бык. Он сбил меня, и я врезалась головой в твердую землю. Стыд поражения обжигал мои щеки, но я помнила и навыки, выносливость и силу, пока билась как монгольский воин.

Но не все Проблески сегодня были полезными. Маленький круглый щит *парича* вызвал приятное воспоминание о тренировке с пожилой и остроумной гуру. Но железный меч, к моему разочарованию, раскрыл, что я была оруженосцем средневекового рыцаря, и я только носила меч, чистила его броню и заботилась о его вонючем коне! Изогнутый кинжал *куммя* из тринадцатого века дал жестокое воспоминание, как я воровала и убивала в переулках Марракеша. А трезубец гладиатора был одним из немногих предметов, не вызвал Проблеск вовсе.

Феникс попросил перейти к безобидным Проводникам. Среди них была шляпа в форме конуса, которая напомнила, как я страдала от жары, собирая рис, будучи фермером в северном Таиланде восемь веков назад. Кружка из раннего периода Тюдоров дала мне Проблеск ужасного времени служанки в постоянном дворе Англии, а потерянная скалка привела меня в занятую жизнь повара на душных кухнях замка Карла Лысого, короля в западной Франции в девятом веке. Хотя эти Проблески не помогали в бою, я добавила к навыкам сбор риса, наполнение пинты пива и выпекание хлеба.

— Давай отдохнем, — предложил Феникс, вешая *зодог* на плечики рядом с формой армий, старыми платьями и жилетками с меховой оторочкой, которые я еще не пробовала. — Мы можем продолжить завтра.

Свет в Мерцающем Куполе слабел, солнце опускалось в небе пустыни. Лучи цвета радуги падали под углом из окон-витражей, оставляя одну сторону купола в тени.

— Последний Проблеск, — настаивала я. Я была разбита, но мне понравился адреналин от переживания прошлой жизни, забытых навыков или прошлых знаний. Но куда больше радовал факт, что я больше узнавала о себе. Каждая жизнь была как кусочек мозаики, еще слой моей вечной души.

Феникс оценил мое состояние, пока я поднималась на ноги.

— Или ты любишь наказания, или у тебя редкая способность впитывать Проблески. Я не знаю Защитника или Воина, который так долго продержался бы. Два или три Проблеска в день — обычный лимит.

— Я могу так всю ночь, — я чуть покачивалась.

Он недоверчиво посмотрел на меня, но сдался.

— Какой Проводник в этот раз привлекает твой взгляд?

— Выбери, — ответила я.

Феникс окинул взглядом артефакты на разных уровнях, миновал блестящие мечи, броню, древние пистолеты, резные скипетры, золотые монеты, щиты в шипах и много других вещей, собранных за долгую историю. Его взгляд упал на что-то на пятом уровне, и он улыбнулся. Пока он поднимался, я гадала с растущим предвкушением, что за оружие его привлекло.

Но он вернулся с тонким сложенным веером. Он раскрыл его, и стало видно красивого пылающего феникса, который переплетался с красным китайским драконом на золотом фоне.

— Талисман из династии Сун, — радостно сообщил он. — Дракон представляет мужественный ян, а феникс — женственную инь. Вместе они воплощают гармонию и равновесие, приносят удачу.

— Веер? — меня не впечатлил его выбор. — Он красивый... но как это поможет мне биться с Танасом?

Глаза Феникса изумленно сияли.

— Ты задала этот вопрос в прошлый раз... — он поднял веер перед моим лицом. Дракон и феникс мерцали в угасающем свете, и теплый ветерок с запахом цветов персика вдруг задел мои волосы. Он опустил веер...

...кулак летит ко мне. Я едва успеваю пригнуться, когда слышу хлопок, как от крыльев огромной птицы. Я вздрагиваю от звука, отвлекаюсь, и веер с железными краями, ставший тонкой палкой, ударил меня с силой по голове.

— Ай! — вскрикиваю я, череп звенит, лепестки падают вокруг меня.

Еще треск, дракон и феникс сверкают перед моими глазами. Мой взгляд тянется к ним сам, и я получаю невидимым ударом по голени.

— Агх! — воплю я, прыгая на ноге, пытаюсь не терять равновесие на неровной брусчатке двора храма. — Хватит, Фэйен! Это не дух гармонии!

Фэйен закрывает веер с хлопком, игриво улыбаясь, ее глаза хитро блестят.

— Видишь, Юань? Веер — не просто тень от солнца или прохладный ветерок, и он не только скрывает выражение лица. В тайцзи им можно скрыть атаки, заставить противника врасплох, отвлечь его и даже стать оружием...

Я потеряла голову, моргая. Мягкие черты Фэйен стали вырезанными щеками и сильной линией челюсти Феникса на моих глазах.

— Похоже, я выучила урок дважды, — сказала я, заметив, что Феникс держал тайцзишань высоко над головой в боевой позе.

— Как мальчик Юань, ты всегда недооценивала веер как оружие, — сказал он, опуская руку. — Но, когда мы тренировались вместе в Храме Лилового Облака в горах Удан, ты стала ценить сильное и мягкое искусство тайцзи, — он махал веером как бабочка перед моим лицом, и я ощутила холод на коже, дыхание вылетало паром...

Разреженный горный воздух прохладный и свежий, снег падает кусочками облака на изогнутую крышу храма, пока мы готовимся к тренировке рук туйшоу. Я широко расставляю ноги, поднимаю ладони в защитной позе, поворачиваюсь к Фэйен. Наши запястья чуть соприкасаются, мы плавно раскачиваемся.

Наши руки сплетаются, движутся как волны. Я пристально смотрю на нее, ищу признаки атаки и шанс лишить ее равновесия. Но я вскоре теряюсь в нежном ритме, очарованный ее изящным телом. Она без предупреждения толкает меня с силой, выпустив фацзин, и я падаю на спину в снегу.

— Не используй глаза, — упрекает она, ее дыхание затуманивает холодный воздух. — Слушай мои намерения своим телом. Ощути мою энергию!

Мои щеки краснеют в смущении, а не от холода, я отряхиваю снег и занимаю позицию. Мы продолжаем медленный танец ладоней, и я пытаюсь ощутить поток ее энергии.

Фэйен шагает ближе, сокращая расстояние между нами. Ледяной воздух вокруг меня кажется теплее, и я гадаю, ощущаю ли я ее цзинь или это близость к ней... Вдруг она поворачивает плечо ко мне, сбивая меня, и я отлетаю по двору, скольжу на спине.

— Не теряй центр, Юань, — упрекает она. — Будь как камыш. Мягкое и гибкое одолеет твердое и сильное.

— Но как я могу предсказать твои атаки? — спрашиваю я, снова стряхивая снег с себя. — Они такие быстрые и сильные.

— Ты должен отдаться полностью наблюдению за другим, — объясняет она, помогая мне встать. — Тогда ты ощутишь мои намерения.

Кивая, я широко расставляю ноги, представляю себя камышом на ветру. С корнями, но

гибкий. Наши запястья снова соприкасаются, и я ощущаю покалывание между нами. Фэйен улыбается, и я гадаю, ощущает ли она это. Я следую за ее потоком, поддаюсь ее движениям, медленно начинаю ощущать каждый толчок раньше, чем он происходит, каждое изменение ее баланса... даже волны фаузин в ней...

Я встречаю ее атаку, не теряю равновесия. Умело поворачивая тело, я направляю ее энергию прочь, даю ей выйти, а потом возвращаюсь, толкая ладонями.

— *Hǎo shēnshǒu!* — *хвалит Фэйен с улыбкой, отклоняется от моей атаки.*

Наши тела синхронны, мы едины. В потоке боя я ощущаю, как наши энергии переплетаются. Инь и ян. Растущее тепло между нами нельзя было не заметить, снег уже не ощущается холодным, мы все ближе...

44

Мы с Фениксом замерли близко друг к другу. Наши взгляды были соединены, тела копировали друг друга. Миг растянулся. Мы замерли как пара греческих статуй в руках друг друга, угасающий свет в куполе мягко отражался в наших звездных глазах. Мой мозг словно захватили эмоции. Головокружительный коктейль чувств ускорил пульс, моя кожа пылала. Я еще не дышала, ощущала сильное дежавю, что мы уже были в такой ситуации. Не только во дворе в Храме Лилового Облака в Китае двенадцатого века, но и много раз за наши жизни вместе.

Мы остались вместе. Я думала миг, передалось ли мне желание Юаня быть с Фэйен вместе с уроком тайцзи. Я бы врала себе, если бы сказала, что у меня не было чувств к Фениксу. Мои чувства были даже сильнее в этой жизни. Проблеск мелькнул перед глазами... *рука об руку с ним на золотом пляже, солнце согревало нашу голую кожу, пока мы брели по воде к камню в синих водах Тихого Океана...* Казалось, как бы ни складывались наши инь и ян, наши души были вечно сплетены. Я решила сделать первый ход и склонилась ближе.

Но Феникс отодвинулся.

— Я н-не могу, — пролепетал он с борьбой в глазах.

Мое сердце замерло, его отказ жалил. Я глядела в его сапфировые глаза, ощущая борьбу в его душе.

— Это из-за Джуд? — спросила я, уже зная ответ.

Он нахмурился.

— О чем ты?

Я отодвинулась от него.

— Не переживай, — сказала я, пытаюсь звучать ровно и без эмоций. — Я видела вас у ангара вместе. Понятно, что у вас своя история и... как я понимаю, будущее.

Феникс растерянно смотрел на меня, ошеломлённый идеей. А потом рассмеялся.

— Что? Ты думаешь, что мы с Джуд — пара?

Я кивнула, сглотнув, словно правда была камнем, и сморгнула подступившие слезы.

— Боже упаси! — воскликнул он с гримасой. — Она — моя сестра.

— Сестра? — я охнула. — Но вы с ней н похожи.

— Не в этой жизни, — объяснил Феникс. — Она — моя Первая Сестра из нашего времени в племени хакала.

Мой рот раскрылся.

— Почему ты не сказал раньше? — сказала я, их постоянные споры стали понятнее.

Феникс пожал плечами.

— Ну... у нас не было времени с того, как ты спасла меня.

Я с упреком посмотрела на него.

— Было много времени в ночь похода по пустыне, — отметила я.

— Пожалуй, да... — признал Феникс, — но я не хотел лезть в это тогда, Джуд была за мной. Наши отношения сложные, если не хуже.

— Как отношения с твоим Духовным Отцом, Гоггинсом? — спросила я.

— Нет, там все прямо, — ответил Феникс, хмурясь. — Он всегда злится на меня, в любой жизни.

— Почему так?

— Потому что я еще жив, — сказал он странным сухим тоном.

Я нахмурилась, ошеломленная причиной.

— Разве это плохо? — сказала я. — Особенно, для Защитника Души.

— Не в его глазах, — объяснил Феникс сквозь зубы. — Он потерял своего первого сына — моего Первого Брата Джабали — из-за Танаса. Думаю, он хотел бы, чтобы это был я.

Моя ладонь прижалась ко рту в шоке.

— О, мне так жаль, — я заметила боль отказа в его глазах. — Я не знала, что у тебя был брат... Я не помню его в своих Проблесках.

— Это было давно, — печально сказал Феникс. Он сел на край платформы, опустил веер и глядел в темнеющую глубину купола.

Я села рядом, мы молчали миг, наши ноги свисали с края. Потом Феникс продолжил:

— Со смерти Джабали мой Духовный Отец злился. Наверное, это питает его. Заставляет идти через года, бороться за души Первых Предков и с Танасом и Охотниками.

Феникс горько смотрел на удлиняющиеся тени, я вспомнила слова Вивианы о Гоггинсе: «Он молот, а не скальпель... Я напоминаю себе, что для него важно лучшее для меня». Я опустила ладонь на руку Феникса.

— Он, наверное, боится потерять и тебя, — предположила я.

— Он забавно это показывает, — буркнул Феникс, в глазах были слезы.

Мы притихли. Мы сидели бок о бок, держась за руки, а я думала о теплых отношениях с отцом в этой жизни, поняла, как мне повезло. А потом я задумалась, были ли сложные отношения Феникса с отцом связаны с его неохотой открыть мне сердце. Я взяла веер и нежно раскрыла, стало видно дракона и феникса в вечном танце. Крутя веер в пальцах, я спросила:

— Если ты сдерживаешься со мной не из-за Джуд, то в чем дело?

Упрямо глядя в сгущающийся мрак, он ответил:

— Потому что поцелуй с тобой был бы... ошибкой.

Я закрыла веер.

— Что? — ответ жалил сильнее мысли, что он мог быть с Джуд. — Как это могло быть ошибкой?

Феникс повернулся ко мне со странно бесстрастным лицом, как у солдата на посту.

— Мой долг — защищать тебя, в первую очередь.

— Да, я знаю это. Ты уже говорил это, — сказала я возмущенно. — Но ты *не хочешь* меня поцеловать?

— Нет... то есть, да, конечно, хочу... — он вдруг смутился, — но это усложняет дела. Я тут для твоей защиты, а не влюбляться в тебя...

— А Фиджи? — я напомнила ему спокойную жизнь на острове на побережье Фиджи.

— То было другое! И ты была помолвлена с сыном главы соседней деревни, — ответил он уклончиво.

Я смерила его взглядом.

— Насколько я помню, это тебя не тревожило, когда мы были в Сансет-Рок.

Улыбка играла на моих губах.

— Ладно, признаю... были жизни, когда мы были близки... слишком близки, — он покачал головой, явно разочарованный собой. — Но, как телохранитель не должен сблизиться с клиентом, так и Защитник не должен пересекать ту границу с Первым Предком.

— На Фиджи то, что мы были вместе, не мешало тебе хорошо меня защищать, — возразила я. — Я ощущала себя в безопасности сильнее.

Феникс посмотрел на меня. В его глазах был гнев, но не на меня, а на себя.

— Тогда нам повезло, — объяснил он. — Остров был уединенный, тогда Охотники еще не нашли тебя. Но в другие разы нам везло меньше. Ты уже знаешь, что Танас чуть не убил тебя в ритуале как шайенны. Если бы я не спал рядом с тобой в то утро, я мог бы заметить его и его охотников, и мы успели бы сбежать. Потому я уже не могу вредить работе Защитника. Я не могу так подвергать опасности твою душу снова.

— Это твое мнение, — я снова открыла веер, посмотрела на рисунок дракона и феникса, — но я вижу нашу связь как нашу силу.

Феникс нежно повернул мое лицо к себе, его гнев на себя сменился нежностью ко мне.

— Поверь, Дженна, — прошептал он, борьба снова была видна в его глазах, — я бы лучше любил тебя и умер в этой жизни, чем прожил сто жизней, не любя тебя...

— Так почему ты этого не делаешь? — спросила я с мольбой.

Его пальцы скользнули к моим волосам, и я поверила на миг...

— ЧТО ВЫ ТВОРИТЕ? — зарычал яростный голос.

45

Мы испуганно вскочили на ноги, Гоггинс прошел в Мерцающий Купол, на лице была буря. Калевб хромал за ним, его трость с головой льва стучала по полу, он хмурил морщинистый лоб, голубые глаза были недовольными.

— Болтаем, — ответил Феникс, я закрыла веер и спрятала в задний карман.

Гоггинс строго смотрел на него.

— Ты знаешь правила. Мерцающий Купол только для Защитников и Воинов. Вы оба мерцали?

— Да... — признал Феникс, — но Дженна другая.

— Как же? — осведомился Гоггинс, уперев огромные кулаки в бедра и глядя на Феникса.

— Она может впитать множество Проблесков, куда больше, чем может Защитник или Воин, — гордо объяснил он.

— Это не повод рисковать запятнать ее Свет, — вмешался Калевб, тревожно глядя на мое напряженное лицо. Но моя боль не была связана с усталостью от мерцания. Нам помешали в неподходящий момент.

— Но Дженна сияет ярче других Первых Предков, — возразил Феникс. — Эмпоте это видит. Даже я вижу ее ауру в этой жизни... — он указал взмахом ладони на мое тело. Я посмотрела на себя, но не видела ничего такого. — «Но одна Душа сияет ярче и смелее других, эта должна зажечь искру, когда...».

— Да, не нужно цитировать Пророчество! — рявкнул Калев. — Феникс, ты подвергаешь опасности Свет Дженны, пока учишь ее такому. Дженна не придет сюда снова.

— Но вдруг Дженна — душа из Пророчества? — настаивал Феникс. — Ей нужно как можно больше знаний и навыков, чтобы был шанс победить Танаса! Во всех наших воплощениях Дженна была особенной. Талантливой. Потому я всегда пытался обучать ее и поддерживать. Я верю...

— ТИХО! — закричал Гоггинс, хмуро глядя на него. — Ты уже достаточно навредил.

— А если...

— Прошу! Хватит о Пророчестве, — твердо сказал Калев. — Я запрещаю распространять эти сплетни!

Кипя, Феникс сжал губы, хмурясь.

— Но, Калев... — робко начала я, — даже вы говорили, что моя душа сияет ярче. Хотя я не хочу быть из Пророчества, — быстро добавила я. — Но почему не рассмотреть хотя бы возможность?

— Я покажу, почему, — сказал Калев, подходя к подставке. Он порывлся во мраке и вернулся с четками. Он протянул бусы мне. — Возьми этот Проводник, и ты увидишь...

— Ты их еще не видишь, Кендра? — спросил Алвин, вглядываясь в морской туман, похожий на дыхание дракона, у холодного нортумбурского побережья. Его мозолистые ладони крепко сжимали вилы с фермы его отца.

Я покачала головой, отвечая Защитнику, моя светлая челка закрывала вуалью мерцающие глаза, скрывая мой страх. Мои босые ноги погружались в мокрый песок, я держала факел, его огонь дрожал почти так же, как я.

— Я слышал, эти черноглазые северяне разрушили монастырь на Линдисфарне, — прорычал вельможа Освальд, его меч и щит были наготове. — Они льют кровь монахов, как вино, на алтари, топчут их тела, как навоз на улицах!

— Не бойся Воплощенных в этой жизни, — сказал наш жрец, Герейнт, Пророк Души, теребя гладкие четки. — Та, что из Пророчества, среди нас.

Он кивнул на Мерсию, девушку с белыми волосами и яркими, как звезды, глазами. Окруженная Защитниками и Первыми Предками, она стояла на холме, широко раздвинув голые руки, ожидая Воплощенных. Она тоже держала факел, благословенный самим Герейнтом, тихо молилась, мелодично, как рассветный щебет в чаще.

— Эти дьяволы больше не принесут Тьму, — пообещал Герейнт. — Она — душа, что разожжет искру!

Из тумана появился зловеющий силуэт, пригибаясь к воде, конечности тянулись в стороны, как лапы паука. Скрипели весла, ритмично плескали водой, звук становился громче. А потом вырезанная голова дракона рассекла туман, и к берегу причалил длинный корабль викингов.

Весла опустились, и мы напряглись в нервном предвкушении. После веков побега, попыток скрыться мы выступили против Танаса и его Охотников.

Длинный корабль покачнулся на песке. А потом раздался громогласный боевой клич, сотня черноглазых викингов с топорами прыгнули с судна и побежали по пляжу к нам.

— СЕЙЧАС! — закричал Герейнт. — Зажигай искру!

Мерсия бросила священный факел на землю. Я тоже так сделала, как и все Первые Предки. Траншеи с хворостом и маслом, скрытые в песке, загорелись. Огонь ревел, поглощая нарушителей: священный огонь был приготовлен ритуалом, чтобы сжечь их тьму,

очистить души и привести их обратно к Свету. Мы смотрели в надежде и ужасе, а фигуры с топорами вертелись в огне. Их жуткие крики наполнили воздух...

Но это были не крики боли.

Это был вой ярости!

Воплощенные выбежали из огня, их плащи из шкур медведя горели, но они не пострадали от священного огня. Воя, как волки, с пеной во рту они бросились по пляжу в порыве безумного пыла.

— Защищайте своих Предков! — крикнул Освальд, наш тщательно продуманный план провалился, не начавшись.

Топоры свистели, орда викингов стала резать как, как ягнят. Щит Освальда разбили одним ударом. Алвин пригнулся от смертельного удара в голову, ткнул вилами в живот воительницы, но ее кольчуга не пропустила деревянные зубья, его пнули грубо в грудь в ответ.

Ее длинные косы озарял огонь, грозная воительница напала на меня. Безжалостно ударив меня в челюсть, она рассекла мне губу и сбила меня на землю. Сев на моем теле, она подняла топор, похожий на крюк, чтобы разрезать меня пополам. Я отчаянно потянулась к ручке топора, пыталась вырвать оружие из хватки врага, когда заметила, как огромный викинг шел к Мерсии. Его меховой плащ горел, он махал таким большим топором, что мог повалить им дерево одним ударом. Клинок, похожий на косу, сверкал от огня, и было видно руны, вырезанные в железе.

Мерсия упрямо подняла бледные ладони, ее синие, как море, глаза горели ярко, как солнце.

— Я — ПРОРОЧЕСТВО! — заявила она. — Я — СВЕТ!

Она воззвала к энергии своей души, сосредоточила сияющий взгляд на викинге. Ее бледная кожа засияла, как у божества, белые волосы светились, словно всю ее покрыл чистый Свет.

— Я — ИСКРА, ЧТО ОДОЛЕЕТ ТЬМУ!

Викинг поднял руки, чтобы закрыть черные глаза, отшатнулся от боли... но Свет Мерсии быстро угасал, и викинг вернул свои силы. Он холодно рассмеялся, произнес древнее заклинание. Взмахом зачарованного топора лидер Воплощенных убил Мерсию на месте.

— НЕТ! — завопил Герейнт, а через миг тоже потерял голову. Его тело обмякло на песке, четки придавила нога викинга.

Я лишилась сил из-за отчаяния. Воительница вырвала топор из моей ослабевшей хватки и стала направлять клинок...

Но она не успела обрушить удар, вилы рухнули на ее голову. Оглушенная воительница рухнула на меня. Алвин оказался рядом, его лицо было в крови, искаженное ужасом. Он стащил ее с меня.

— Нужно убежать, спасти души! — крикнул он. — Скорее, Кендра!

Он сжал мою ладонь, поднял меня на ноги. Я схватила четки Герейнта и...

...глядела на них в ужасе и шоке. Проблеск резни был таким сильным, что я еще ощущала запах горящего масла в воздухе, слышала крики погибающих Первых Предков, даже ощущала кровь на губах из-за удара воительницы.

Я перевела взгляд с четок на Калеба.

— Это было ваше, — пробормотала я.

Он кивнул, щеки покраснели от стыда.

— Я не так понял Пророчество, и Первых Предков почти стерли. Много Защитников потеряло не только жизни в ту ночь, но и души.

— Я едва смог сразиться! — горько буркнул Гоггинс, вонзая кулак в ладонь.

— Вы были вельможей, Освальдом, — поняла я. — Но я не понимаю, как они прошли священный огонь. Ловушка должна была остановить их, очистить души, верно?

— Берсерки! — рявкнул Гоггинс. — Мы поздно поняли, что Воплощенные были не просто кровожадными викингами в той жизни. Они были самыми опасными воинами в своем виде. Говорили, что Берсерки не боятся стали и огня, но никто не верил в те истории... раньше.

Калев забрал у меня четки.

— Так что, Дженна, теперь ты понимаешь, почему нам нужно прятаться. Почему в Хейвене безопаснее всего. И почему мы не можем полагаться на спасение из Пророчества.

46

— Было глупо рисковать запятнать мой Свет, — буркнула я, пока мы с Фениксом покидали Мерцающий Купол и шли по пустой тренировочной площадке. Солнце было низко на вечернем небе, окутало нас первыми тенями сумерек. Моя радость из-за навыков прошлых жизней была подавлена нашим провалом в борьбе с Танасом века назад.

— Я не считаю это глупым, — ответил Феникс. — Тебе нужно уметь защищаться. Особенно, если ты можешь быть Светом из Пророчества.

Я резко повернулась к нему.

— Как ты можешь думать о Пророчестве после того, что произошло в прошлый раз? Калев ошибся насчет Мерсии, и Эмпоте ошибся насчет меня.

Феникс прищурился.

— Ты в это веришь?

Я утомленно пожала плечами.

— Я уже не знаю, во что верить. Но мы можем навредить, а не помочь моему Свету.

Мы шли к главному зданию, и я думала о том, что строгий подход Калеба к защите Первых Предков теперь имел смысл, а мое желание отомстить за смерть сестры казалось глупым после нашего разгрома от рук Воплощенных Берсерков. Я решила слушаться Калеба.

— Думаю, мы тут застряли до конца этой жизни, — вздохнула я.

Я глядела угрюмо на укрепленный комплекс, и двор Предков стал напоминать тюрьму. Загадочный Мерцающий Купол этим вечером был горой мертвой истории, а не волнующей дверью к прошлым воплощениям. Стеклянная пирамида все еще сияла, как кристалл, в вечернем свете, но уже не восторгала. И шесть священных колонн вокруг долины стояли как каменные часовые, их тени удлинялись, пока солнце садилось. Даже стены на границе словно сдвинулись, и Хейвен вдруг показался тесным.

— Это неплохое место, — Феникс изобразил бодрость. — Тут безопасно, и мы хотя бы будем вместе.

— Да, — я бросила на него взгляд, — но разве мы... вместе?

Он слабо покачал головой.

— Пока Танас рядом, — серьезно ответил он, — нужно отложить эти чувства, Дженна, чтобы твой Свет выжил.

— Ах... Свет, — сказала я без энтузиазма, глядя, как опускается солнце.

Свет был ценным, но начинал ощущаться как проклятие. Меня преследовало злое существо из-за него, и он определял близость того, кого я считала родственной душой. Что

толку от Света без любви?

Я грустно посмотрела на Феникса. Он попытался улыбнуться, утешить этим, а потом отвел взгляд, миг между нами прошел. Феникс принял решение. Мне было сложно подавлять чувства к нему, особенно, когда он говорил одно, а глаза выражали другое.

Мы шли в тишине, поглощённые своими мыслями.

Пока мы проходили ангар, я вспомнила о Джуд.

— Так... — сказала я, желая сменить тему, — ты не рассказал, почему у тебя сложные отношения с Джуд.

Феникс пнул камешек.

— Как ты сама видела, мы с ней по-разному на все смотрим. Во многих жизнях мы с ней спорим и боремся. Но, когда ты заметила нас у ангара, мы мирились, впервые за много жизней.

Я с любопытством приподняла бровь.

— Что к этому привело?

Он пожал плечами.

— Я благодарил ее за помощь в моем спасении... и что она нашла тебя, когда я не смог.

— Это была не твоя вина, — отметила я. — Ты был заперт!

— Знаю. Но я оставил тебя незащищенной, и Джуд напомнила мне об этом, — виновато ответил он.

— Какое ей дело? — спросила я.

Феникс вздохнул.

— Это старая история. Когда Джуд потеряла своего Первого Предка из-за Танаса, я отдалился от нее, как мог. Было сложно простить ее за ошибку, она не была рядом, когда ее Предок нуждался в ней сильнее всего. Наш Духовный Отец даже на время отказался от нее. Джуд с тех пор пыталась проявить себя как Воин, вернуть мое уважение и одобрение отца. Потому она бывает такой едкой и строгой к себе.

Я ощутила сочувствие к Джуд, мое раздражение показалось мелочным.

— Я не могу представить, как тяжело потерять Первого Предка, — призналась я. — Чьим Защитником она была?

Феникс помедлил, потом повернулся ко мне с сожалением на лице.

— Твоего Близнеца.

Я застыла.

— *Что?* — охнула я, глядя на Феникса. Мое сочувствие к Джуд испарилось от вспышки гнева и горя во мне. — Джуд была Защитницей Аи?

Феникс потянулся к моей руке.

— Прощу, не злись на нее...

— Злиться? Зачем мне злиться? — буркнула я, пытаясь совладать с бурей эмоций. — Я в ярости! Она не защитила мою сестру!

— Я знаю, это шок, но...

— Шок? — завопила я потрясенно, сжимая кулаки, чтобы не визжать. — Я была там! Я видела смерть Аи. Я ощутила ее смерть. Я пыталась спасти сестру в тот день. Но ты остановил меня!

— Для меня важна была твоя безопасность, Дженна, — объяснил Феникс. — Как я и сказал тогда, я — *твой* Защитник, в первую очередь. Я не мог спасти обеих.

— Тогда где была Джуд? — с горечью спросила я.

Феникс опустил взгляд.

— Не мне говорить. Тебе нужно поговорить с ней...

— О, я поговорю! — прорычала я сквозь зубы.

В тот миг двери главного здания открылись, и Джуд зашагала в нашу сторону.

— Эй! Я хочу с тобой поговорить! — я пыталась сохранять тон ровным, пока яростно шла к ней.

— Мне тоже нужно поговорить, — ответила Джуд с мрачным видом. — Танас нашла нас!

47

Мы собрались в зале лекций, где на экране был прямой эфир с камер наблюдения Хейвена. Под кроваво-красным небом машины собирались на пыльных улицах заброшенного шахтерского городка. Впереди были черные джипы, без опознавательных знаков, но тонированные окна и вид кричали — ФБР. За ними были грозные пикапы, минивэны и даже полицейская машина штата Аризона.

— Не меньше сорока машин, — сказала Клара, ее кошачьи глаза прищурились, она изучала экран. — Тут не меньше двух сотен Воплощённых.

— Две сотни! — охнула Табиса, прижимая ребенка к груди.

— Танас наняла много работников, — сухо отметила Джуд.

Я пронзила ее испепеляющим взглядом, но это не было связано с ее словами. Я все еще пыталась принять то, что она была Защитницей моей близняшки, и что она не справилась. Где она была, когда Ая нуждалась в ней? Что делала, что вызвала такое презрение у своего отца и Феникса? Как я могла верить, что она защитит меня или других Первых Предков? Но мне пришлось отложить эти чувства из-за угрозы.

— Мы в меньшинстве, пять к одному! — отметил Сантьяго, подавленно качая головой.

— Возможно, — сказал Гоггинс, скрестив мускулистые руки, стиснув решительно зубы. — Но каждый Защитник и Воин тут стоят не меньше пяти их Охотников, — его тон был уверенным, может, чересчур, ведь я заметила, что некоторые Воины в комнате с сомнением переглянулись. Шансы были не в нашу пользу.

Тарек приблизил конвой, Танас вышла из главного джипа. В чем-то, похожем на тактическое штурмовое снаряжение, она сняла темные очки и оглядела пустынный пейзаж. Напряжение в зале подскочило, все следили за темноволосой опасной женщиной из ФБР на экране.

— Это Танас? — шепнула мне Таша.

Я кивнула, холодок пробежал по спине, лед страха смешался с холодом вины, ведь я привела лидера Воплощённых к порогу Хейвена.

Мы смотрели, как Танас села на корточки, порылась в обломках дрона и посмотрела в сторону следов шин на земле. Она встала и подала сигнал Воплощённым взмахом ладони. Надев очки, она забралась в джип и уехала на большой скорости. Как стадо буйволов, конвой погнался по дороге за ней, оставляя облако пыли после себя.

В комнате загудели тревожные голоса.

— Нужно бежать, пока мы можем, — Фабиан уже шел к двери.

— НЕТ! — твердо сказал Гоггинс. — На это Танас и рассчитывает. Если мы убежим от страха, нас легко поймают. Тут мы в безопасности.

— Надолго ли? — спросил Нам, младший сын мистера Джонга, что вызвало пылкий спор среди Предков: оставаться или нет.

— Не нужно паниковать, — сказал Калев, поднялся к трибуне и поднял руку для тишины. — Хейвен не найти, если к нему не привести.

— А дрон? — спросил Мик с инвалидной коляской. — Это не привело их в Хейвен?

— Нет, только до шахтерского городка, — ответил Калев. — Если повезет, Танас поедет по ложному следу Эмпоте. Тарек, где они?

Тарек переключился на другую камеру, стало видно Воплощенных вдали. Мы смотрели, затаив дыхание, как Танас приближалась к месту, где начинался ложный след Эмпоте. На миг конвой замер.

— Она поверит, — радовалась Клара.

Но, к нашему недовольству, Танас не выбрала следы шин Эмпоте, а поехала к шахте. Наши надежды рухнули, и я снова ощутила вес вины как камень на шее.

— Танас знает, где мы! — завопила Сун-Хи, ее глаза были большими от ужаса. Она обняла детей, пытаюсь защитить.

Цзинтао яростно посмотрел на меня.

— Это все вина Дженны! — заявил он.

— Точно, — согласился Сантьяго. — Если бы Дженна не убежала ради миссии спасения, Танас сейчас не была бы тут!

Еще несколько Предков и Воинов согласились шепотом, повернулись ко мне.

Феникс заступился за меня:

— Не вините Дженну, — сказал он. — Если хотите кого-то винить, вините меня.

— Нет, мы не будем никого винить! — упрекнула Вивиана, с упреком глядя на Сантьяго, Цзинтао и других. — Если бы Дженна не спасла Феникса, мы потеряли бы еще одного Защитника. Нас уже мало...

— Да, и скоро будет меньше! — рявкнул Сантьяго, хмуро глядя на меня. Стыд окрасил мои щеки, я ощущала жаркое сожаление из-за своих действий. Спор разгорался, раздражение перешло в гнев и презрение. Я стояла посреди бури, вина росла, пока Танас и ее конвой приближались. Я должна была послушать Калеба и Гоггинса, защищать Свет, а не рисковать всем ради своего Защитника. Но тогда Феникса сейчас не было бы рядом, он не защищал бы меня. Внутри меня был конфликт. Было эгоистично думать о нем, а не о безопасности других? Мои намерения были хорошими, но последствия оказались трагичными.

Голоса были громкими, бились, чтобы их услышали, и даже Калев не мог вернуть в комнату порядок. Я слышала, что он хрипло просил успокоиться.

— ТИХО! — взревел Гоггинс, остановив возмущения. — Мы бьемся с Танасом, не между собой.

После упрека все пристыжено смотрели на пол.

— Этого Танас и хочет от нас, — отметил Калев, его морщинистые ладони сжимали трибуну, словно он был капитаном на мостике тонущего корабля. — Споры и несогласие сеют разрушение. Они делают наш Свет тусклым. Мы должны быть едины. Чем ближе мы друг к другу, чем ярче Свет.

Голоса согласно бормотали, извинялись. Что бы ни говорили остальные, я знала, что мое решение спасти Феникса привело к этой беде.

Я поклялась, что исправлю свою ошибку.

Все смотрели на экран. Конвой добрался до входа в шахту, и Танас с ее Охотниками выбрались из машин. Я узнала Дамиена по черным волосам. Он был в плотной куртке и в темных очках, как у его госпожи. С ним была его банда в такой же одежде.

Но с ними был кто-то еще. Они вытащили его с заднего сидения джипа Танас. В крови и синяках, с руками за спиной, пожилой мужчина пошатнулся слабо на ногах, и крупный Охотник придержал его.

— Эмпоте! — в ужасе охнула я.

Калеб побледнел, прильнул к трибуне, чтобы не упасть.

— О, мой дорогой друг, нет...

Первые Предки выражали отчаяние из-за его плена, крича или замолкая от боли. Табиса обмякла на стуле и заплакала, Вивиана яростно глядела на экран, ее ладони сжались на коленях. Гоггинс ударил по стене, оставил вмятину от кулака.

— Д-даже если Воплощенные войдут в шахту, — пролепетал Калеб, пытаясь сохранять спокойствие, — они заблудятся в лабиринте коридоров и сдадутся...

Но Воплощенные не переживали из-за запечатанного входа в шахту. Они вооружились, взяли коробку взрывчатки и стали забираться по крутым склонам горы. Рация на бедре Клары ожила, Воины-близнецы в патруле подтвердили подъем Воплощённых. Клара приказала им немедленно вернуться в пределы Хейвена.

— Мы обречены! — завопил Фабиан, хватаясь за голову.

Его слова вызвали панику Первых Предков, и Гоггинсу снова пришлось кричать, чтобы все утихло, и Калеба было слышно.

— Безопасность Хейвена не нарушена, — настаивал Пророк, оправившись от шока из-за плена друга. — Помните: Воплощенные не могут войти в эту священную долину, не повредив свою душу! Каменный круг останется целым, как это было тысячи лет.

— Мы должны готовиться, а не паниковать, — сказал Гоггинс, его уверенный тон успокаивал. — Соберите важные вещи и документы для пути, если вдруг нам придется покинуть Хейвен. Собираемся у гаража. Вы знаете порядок.

По его приказу Защитники повели своих Предков к их квартирам, Воины отправились на позиции вокруг Хейвена. Феникс шел впереди меня, Джуд следовала позади. Я раздраженно оглянулась на нее.

— Феникс — мой Защитник, — холодно сказала я. — Ты мне не нужна.

Она возмущенно посмотрела на меня.

— Гоггинс приказал и мне тебя защищать.

Я хотела сказать ей о моей сестре, узнать, что произошло, но сейчас было не время.

— Ладно, — сухо ответила я и пошла дальше.

Мы вышли на центральную площадку Хейвена. Верхушка стеклянной пирамиды сияла, как маяк, от последних лучей солнца. Шесть священных каменных колонн вокруг долины были цвета темной охры, будто камни кровоточили. А потом солнце опустилось за горы, и колонны попали в тень, кончик пирамиды перестал сиять.

Миновав быстро площадку, войдя в сад, я нашла Нефе у двери своей квартиры, она была настороже. Быстро погладив ее, я вбежала внутрь, запихала спешно паспорт и деньги в карманы. Я бросила в рюкзак Коко и запасную одежду, услышала шипение Нефе. Я повернулась, увидела ее поднятый и пушистый хвост. Я выбежала наружу к Фениксу и другим во дворе, они глядели на гряду вокруг долины. Вокруг края стояла армия Воплощенных на фоне темнеющего неба. Я тут же заметила Танас, а еще Дамиена и его банду на ближайшей гряде, близко к одной из каменных колонн. Они опустили Эмпоте на колени рядом с ней, его голова была опущена.

— Почему они просто стоят там? — спросила Таша, сжимая руку Вивианы.

— Они не могут видеть Хейвен, — объяснила Вивиан. — Наш общий Свет скрывает нас, а еще голографический щит. Они видят пустую долину в тени.

А потом голос разнесся эхом с гряды:

— Я знаю, вы где-то там! — кричала Танас. — Я это чувствую. Поверьте, мы вас найдем.

Она приказала одному из Охотников подняться по склону. Я сжала ладонь Феникса крепко, пока мы смотрели, как Охотник искал тропу среди камней. Несмотря на заверения Вивианы, мое сердце колотилось с каждым шагом Воплощенных к нам. Мы были невидимы, но нас можно было уловить. На дне долины Охотнику нужно будет лишь коснуться стен Хейвена... А потом я заметила рыжеволосую Лену на крыше комплекса Хейвена, ее винтовка была направлена на приближающегося Охотника. Но она не успела нажать на спусковой крючок, Воплощенный вдруг напрягся и дрогнул, оступися и рухнул на землю. Другие Воплощенные не пошли ему помогать. Они оставили его извиваться, как насекомое, в земле.

— Священное место! — закричала злорадно Танас. — Доказательство.

Моя ладонь обмякла в руке Феникса, наши надежды быть скрытыми разбила жертва одного Воплощенного. Вивиана притянула Ташу ближе, отчаянно молилась, а другие мрачно молчали. Танас вытащила из-за пояса что-то зеленое и блестящее.

Нефритовый нож!

Стоя над Эмпоте, она сжала его волосы и отклонила его голову. С заклинанием, звенящим над долиной как карканье вороны, она рассекла горло Эмпоте ножом. Я охнула, держась за свое горло, словно ранили меня. Похоже, это ощутили все Первые Предки, Таша тихо закричала, Сантьяго скривился, и Вивиана упала на колени. Укол боли пронзил мою душу, Свет во мне потускнел.

Дамиен держал умирающего Эмпоте, Танас собрала ладони под потоком крови. Произнеся заклинание, она размазала кровь по ближайшей каменной колонне, чертя древние руны и символы на камне. Завершая жуткий ритуал, она сделала глоток крови Эмпоте, и Дамиен с его бандой бросили его безжизненное тело на склоне.

Через миг взрыв сотряс долину. Взрыв был таким большим, земля под нашими ногами задрожала. Одна из дальних колонн рухнула, рассыпаясь, пыль поднялась красным облаком от залпа. Электричество мигнуло в небе, голографический щит пропал, каменный круг был сломан.

Подняв ладони в крови к грядущей ночи, Танас завизжала:

— ТЕПЕРЬ Я ВАС ВИЖУ!

48

Ритуальное убийство Эмпоте убрало защиту с земли, круг был разрушен, последняя внешняя защита Хейвена пала. Долина была скрыта раньше, а теперь была открыта, стала ловушкой для нас.

Красная пыль сыпалась на нас, я повернулась к Фениксу в панике.

— Что теперь? — завопила я.

Он сжал мою ладонь.

— Бежим! Как всегда...

Выстрел прогремел над долиной, разнесся эхом. Я вздрогнула, но знала, что пуля летела не ко мне. Танас сбило с ног, она рухнула на каменистую землю. Воплощенные глядели потрясенно на их павшего лидера, а мы ждали с надеждой.

С крыши Хейвена раздался щелчок перезарядки винтовки, и в красных сумерках Лена подняла большой палец Гоггину. Он помог Вивиане встать, посмотрел на рыжеволосую Защитницу.

— Меткий выстрел, Лена! — заорал он, улыбаясь, сверкая зубами — я впервые видела улыбку Главного Защитника.

Но наш триумф жил недолго. Танас встала и отряхнулась, будто вернулась из мертвых.

— Вот так прием! — с сарказмом крикнула она, разглядывая дыру в черной куртке на месте сердца. — Но я научилась предосторожности, когда приходишь без приглашения.

Феникс раздраженно нахмурился.

— Пуленепробиваемый жилет! — буркнул он под нос.

Я выругалась, Танас снова легко обманула смерть. Раздражение и гнев поднялись во мне. Мы никогда не избавимся от этого зла?

— А теперь мой приветственный подарок! — крикнула Танас и подала сигнал рукой.

Через миг раздался свист, и крыша над холлом Хейвена взорвалась в шаре огня, граната попала в цель. Мы бросились на землю, закрыв головы, обломки падали на нас, другой снаряд пробил дыру во внешней стене Хейвена. Взрыв за взрывом били по периметру. Пыль осела, и яростные боевые кличи зазвучали, Воплощенные понеслись по склону к нам.

В ушах звенело, я встала на ноги с Фениксом. Я сразу подумала о Лене, повернулась к холлу. Конечно, он был дымящимися руинами. Лена явно погибла. Не было времени думать об этом — Джуд уже держала тазер наготове. А потом я заметила Тарека с Табисой и крохой Кагисо — Тарек был с парой Световых гранат на поясе. Сантьяго стоял, потеряв дар речи от шока, глядел, онемев, на крышу, где минуту назад была его Защитница. Мик тянул его за руку, просил уйти.

— ЗА МНОЙ! — взревел Гоггинс, неся Вивиану в огромных руках, в ладони был пистолет.

Мы убежали со двора на площадку, а оттуда — к гаражу с электромобилями Хейвена. Но Воплощенные быстро заметили наш плащ побега. Граната полетела с гряды и уничтожила гараж, вызвав серию взрывов, батареи машин быстро взрывались. Нас сбило с ног множеством взрывов...

Бомбы продолжают сыпаться, ночное небо сверкает от выстрелов ПВО. Крики раненых заполняют воздух, а еще треск огня и грохот рушащихся зданий, Блицкриг превращает Лондон в ад.

Я лежу в развалинах, придавленная грудой кирпичей, кровь течет из пореза на лбу. Гарри с порванной формой и в пыли от кирпичей растянулся на улице рядом с другом, Джорджем, который держится за руку и стонет в агонии.

— Гарри! — кричу я, замечая кусок металла в его бедре.

Он слабо поднимает голову и откашливает пыль.

— Мэри... — хрипит он.

— Хвала Свету, ты жив! — говорю я, сдвигая кирпичи и подползая к нему. Я отрываю полоску от своей формы медсестры и делаю жгут на его бедре. Сквозь дым и огонь я замечаю тени... которые охотятся. — Гарри, они идут!

— Дженна, вставай! — просил Феникс и тянул настойчиво меня за руку. — Они идут!

Кровь текла из пореза на моем лбу, и я растерялась на миг, убежденная, что я все еще в Проблеске из Второй Мировой войны. А потом я сморгнула кровь, увидела волну Воплощенных, движущихся в Хейвен.

— Вся защита пробита! — выдохнул Феникс, я ждала его протянутую руку.

Шатаясь на ногах, я смотрела на разрушение. Вуаль тьмы опускалась на долину, но резня была ярко озарена огнем от горящих машин. Предки и Защитники лежали, оглушенные и в крови, на земле. Джуд все еще была без сознания от залпа. Один из Воинов-близнецов погиб, его брат встал в ярости с пистолетами в руках. Он принялся стрелять, и три Охотника пали — но их было слишком много, чтобы их это остановило. Когда его пистолеты опустели, на него прыгнули два Охотника с дубинками.

— Осторожно, Дженна! — завопил Феникс, оттолкнул меня и обезоружил Воплощенного с ножом мясника, бросил врага на землю.

Я стряхнула туман после залпа, повернулась к врагу. Танас наняла агентов ФБР, водителей, фермеров, полицейских, строителей, солдат, бандитов и вооруженных преступников для своего зловещего дела. Их неестественные тёмные глаза были единственной общей чертой.

Воплощенные бросились к нам, Феникс крикнул:

— Вспомни Проблеск как Сабины!

— *Claro!* — ответила я на португальском, и мы пригнулись, заняли позы капуэристов. Спиной к спине и в постоянном движении, мы стали неприятной мишенью для приближающейся толпы. Они попытались напасть, и мы стали бить руками и ногами, крутясь. Я сбила одного приемом *corta capim*, другого — с помощью *martelo em pé*. Феникс обрушил на пол солдата разрушительным приемом с разворота, застав Воплощенного врасплох и сломав ему челюсть. Как безумный паук, мы боролись сразу со многими врагами. Но, хоть мы работали хорошо, нас было только двое, а Воплощенные все шли, и я знала, что мы не выдержим долго в таком ритме.

Гоггинс издал клич, приказывая Воинам окружить оглушенных Первых Предков в защите. Калев стоял в центре, звал Свет спасти и защитить нас. Клара вела Ташу в безопасность, Охотник с голой грудью и татуировкой черепа попытал схватить девочку. Клара тут же выстрелила ему между глаз. Вивиана была близко к Гоггинсу, защищенная в его огромной тени. Но Фабиану повезло меньше. Его схватили два Воплощенных, когда Зейн, его Воин, получил бейсбольной битой по голове. Они не убили Первых Предков сразу а отнесли его к Танас, которая ждала в разрушенных ворот Хейвена с Дамиеном, его бандой и зловещей группой Воплощенных Высших жрецов в плащах с капюшонами. Как только Фабиана поставили на колени, они начали злой ритуал со слов «Ра-Ка! Ра-Ка! Ра-Ка!», и Танас вонзила нефритовый нож в сердце Фабиана.

Меня тут же сковала пронизывающая боль, я рухнула на землю. Я ощущала, как Свет снова тускнел, душу Фабиана вырвали из него и потушили навеки.

— Они убирают нас по одному! — закричал Сантьяго, пытаюсь помешать двум фермерам с черными глазами забрать Мика с инвалидной коляски. Два Воина бросились к ним на помощь, но их подавили количеством. Несмотря на защиту Тарека, Табису и ее сына поймали и отнесли к Танас. Тарек в отчаянии бросил Световую гранату. Ослепительная вспышка оглушила Воплощенных неподалеку, они извивались на полу от эффекта взрыва. Тарек забрал у них Табису и ее сына, а Клара привела Воинов добить Охотников.

Все еще оправляясь от потери души Фабиана, я едва поднялась, и тяжёлый Воплощённый схватил меня за волосы и потянул как мешок кирпичей. Я звала Феникса, но мой Защитник бился с тремя врагами. Я видела, как он сбил одного напавшего, попытался добраться до меня, но еще двое прыгнули на него.

— Дженна! — вопил он, пропадая под бурей ударов.

Я махала руками и ногами, вырывалась из ладони Воплощенного, но его хватка была стальной на моих волосах. Он тянул меня к Танас и ее кругу Высших жрецов. Дамиен был среди них, встречал меня раскрытыми руками. Я почти перестала надеяться, но Воплощенный содрогнулся и рухнул на землю рядом со мной.

Растерянная, но благодарная, я отпрянула и увидела Джуд с пустым тазером в руке. Она протянула руку, чтобы поднять меня. Я знала, что она спасла меня, но злилась из-за Аи и не приняла ее руку, встала сама. Я буркнула «спасибо».

— Это работа, — сказала она, и агент ФБР в темных очках прыгнул на нее, она вступила в бой.

Танас взревела яростно от моего спасения в последний миг, послала двух Воплощенных за мной. Но вторая Световая граната взорвалась, оглушив их. Граната пробила безопасный путь, и я побежала к редущей группе Воинов и Защитников.

Моих друзей Первых Предков осталось девять.

— Где Нам? — спросила я у Сун-Хи, которая прижимала Сун отчаянно к груди, ее дочь была с огромными глазами, ослабела от ужаса.

— Ее забрали! — завопила она, указала на выбитые ворота Хейвена.

Я посмотрела за круг, увидела, как парня поставили на колени перед Танас. Я повернулась к ближайшему Воину.

— Нужно его спасти! — заорала я, но она билась за свою жизнь.

Я безумно искала Феникса, но нашла Тарека.

— Световые гранаты? — спросила я в отчаянной надежде.

Тарек покачал головой.

— Больше нет! — он отступал с Табисой и Кагисо от жестокой атаки Воплощенных.

Я не могла сама пробить их ряды, могла лишь смотреть, как Танас вонзила нефритовый нож в грудь юного Нама, вырывая его душу.

— НЕТ! — завизжала я, ощущая еще одну рану в своей душе, и Свет Человечества потускнел еще больше.

— НАЗАД! — кричал Гоггинс, наше сопротивление рушилось под атакой. Главный Защитник был в крови, хромал, вел отступление к пирамиде — последней защите.

49

Победа была близко, Танас вела ряды Воплощённых в атаку, превратила наше отступление в отчаянный бой на выживание.

Феникс как-то добрался до меня, два его противника корчились от боли на земле.

— Хвала Свету, ты в порядке, — сказал он, на щеке был порез.

— Джуд спасла меня, — призналась ворчливо я, радуясь, что рядом снова был мой настоящий Защитник.

— Похоже, я снова в долгу перед ней, — сказал он, отбивая удар Воплощенного локтем. — Где она?

— Не знаю, — ответила я. А потом я ощутила укол вины, ведь холодно относилась к ее судьбе. Я огляделась, заметила Дамиена и его банду. Они миновали разрушенные ворота Хейвена. Темные очки сверкали в огне, они шли, отрезая нас. — Я не вижу Джуд, — сказала я. — Но я вижу Дамиена! Смотри... там, — предупредила я Феникса, мы быстро уходили через лабиринт дыма и красной пыли.

— За мной, — приказал Феникс, направляясь в сторону от Мерцающего Купола.

— Но пирамида в другой стороне, — сказала я, переживая, что мы оставляли друзей Предков и Защитников.

— Мы не успеем уйти, Дамиен перехватит нас, — ответил Феникс. — И там нет оружия.

Дамиен и его банда спешили за нами, мы отделились от других и побежали по тренировочной площадке и в Мерцающий Купол. Комната была темной и тихой, как могила, приглушенная тишина была зловещей, по сравнению с безумным шумом боя снаружи. Огонь мерцал от еще горящего гаража, бросая призрачный свет в окна-витражи в крыше.

— Если мы хотим пережить эту ночь, — сказал Феникс, ведя меня на платформу, — нам нужно бороться. Вооружить себя прошлым!

Я ждала на платформе, он взбежал по витой лестнице, две ступени за шаг. Вдруг двери распахнулись, вошли Дамиен и его банда.

— Вот так коллекция! — заявил Дамиен, поднял темные очки и посмотрел на артефакты. Он взял белую вазу династии Минь, украшенную голубыми лотосами, восхищённо рассмотрел ее. — Кому-то нравятся реликвии прошлого. Но, боюсь, будущего в них нет. По крайней мере, для тебя, Дженна.

Он выронил бесценный предмет, и он разбился на сто кусочков.

— Ой, неуклюжий! — он улыбался.

— Ты не уважаешь прошлое, — отметила я, пытаясь тянуть время для Феникса.

— О, я бы так не сказал, — ответил Дамиен, играя с итальянской рапирой семнадцатого века. — Можно многое узнать из прошлых жизней... ты в курсе этого.

Пока он разглядывал круглый щит викинга, я следила, как его банда тихо окружала платформу, брала себе оружие по пути. Я боялась, что они тоже умели брать навыки из прошлой жизни. Крупный Охотник взял тяжёлую булаву с цепью, шар с шипами на конце выглядел жестоко. Блондин нашел нунчаки. Паучиха добыла опасные метательные ножи. А Охотница с кастетами добавила себе трезубец гладиатора.

— Так где твой Защитник в этот раз? — бодро спросил Дамиен. — Должен сказать, он пренебрежительно отно...

— Наверху, Дамиен! — крикнул Феникс с площадки первого уровня. Он был с древним луком, натянул тетиву и выпустил стрелу. Она рассекла воздух, просвистела над моей головой, направляясь к Охотнику. Но Дамиен схватил щит викинга с подставки, и с треском стрела пробила старое дерево.

— Поразительный выстрел! — крикнул Дамиен из-за щита. — В следующий раз я поставлю на голову яблоко.

Злясь, Феникс взял другую стрелу, но Паучиха бросила в него тонкий стилет. Нож пронзил плечо Феникса, заставляя его выронить лук.

— Добейте его! — приказал Дамиен, бросая щит в сторону.

Паучиха забралась по перилам лестницы, запрыгнула на первый уровень. Она бросилась на Феникса с длинным изогнутым ножом, в котором я узнала красивый джамбия с рукоятью из слоновой кости, который не дал мне Проблеск. Судя по опасным взмахам грозным клинком, Паучиха знала это оружие из прошлой жизни.

Охнув от боли, Феникс вырвал стилет из плеча. Он пытался защищаться им, но тонкий клинок не мог соперничать с джамбией, и Паучиха знала это. Усмехаясь, она бросилась в безжалостную атаку.

Феникс отступал под напором. Дамиен с жалостью взглянул на меня.

— Похоже, твой Защитник занят, — сказал он. — Почему не упростить все и пойти тихо? Избавить нас от болезненного боя, хм?

— Больно будет только тебе! — ответила я. Осмелев после недавних Проблесков, я заняла боевую позу тайцзи — ладони были на защите, вес был на ноге сзади, передняя нога была согнута и готова к удару.

— Как хочешь, — сказал Дамиен. Он кивнул трем другим Охотникам. — Будьте с ней мягче. Танас она нужна живой — или хотя бы дышащей — для завершения ритуала.

Крупный Охотник забрался на платформу, размахивая шаром с шипами на цепи, как кошачьей игрушкой. Блондин прыгнул с ловкостью ниндзя, крутя нунчаки. И Охотница с Кастетами поднялась по ступенькам с трезубцем в руке, словно гладиатор, входящий в Колизей.

Я стояла посреди трех вооруженных Охотников, пыталась успокоить колотящееся сердце и подготовить себя к грядущему бою. Надо мной пение ножей говорило о яростном бое между Фениксом и Паучихой.

У меня не было выбора. Без Защитника мне придется полагаться на множество навыков из прошлых жизней, чтобы выжить.

Бандит бросился первым. Он попытался отбить меня, как муху, булавой на цепи, и я стала акробаткой Еленой и сделала сальто назад, уклоняясь. Шар с шипами врезался в пол, разрывая татами. Блондин направил нунчаки к моей голове. Словно исполняя самые опасные трюки в своей жизни, я пригнулась и перекатилась, вскочила в воздух и сделала сальто над трезубцем Охотницы.

Я не успела перевести дыхание, Бандит напал снова, размахивая булавой на цепи. Вспомнив тренировку Фэйен в Храме Лилового Облака, что мягкий и гибкий побеждает твердое и сильное, я выгнулась назад, как камыш. Шар с шипами пролетел надо мной, вонзился в один из деревянных столбов Купола. Бандит пытался вырвать оружие, и я напала на него, как Бури, монгольский воин. Несмотря на размер Охотника, я смогла лишить его равновесия. Потом я вспомнила, как меня одолели, схватила пояс бандита, повернула свои бедра и перекинула его за край платформы. Он врезался головой в паркет и остался без сознания.

Но я не успела обрадоваться. Пока я была спиной к ней, Блондин быстро ударил меня сзади твердой рукоятью нунчаки. Мой череп зазвенел, как колокол в храме, звезды вспыхнули перед глазами. Я отшатнулась на платформе, чуть не упала на трезубец Охотницы с кастетами... но инстинкт гимнастки спас меня, я сжалась в комок, перекатилась и вскочила на ноги. Я не думала, что уроки гимнастики помогут биться за жизнь!

Оглушенная, я шаталась у края платформы. Блондин напал снова, нунчаки крутились пятном. Я растерялась на миг, потом вспомнила о веере в заднем кармане. Я вытащила веер, остановила нунчаки железным краем. Блондин опешил от такой неожиданной защиты. Я повернула запястье, раскрыла веер. Он так отвлекся на красного дракона и пылающего феникса, что не заметил кулак, я врезала ему в челюсть, сбила темные очки. Я закрыла веер, используя его как *отта*, Я ткнула железным кончиком в центр его груди, целясь в точку марма *хридая*, как делала моя гуру против Ааруша. Его черные глаза расширились от боли, он задыхался. Упав на колени, он выронил нунчаки и схватился за грудь.

Минус два. Я повернулась к последнему Охотнику.

— После прошлого раза трюк не пройдет! — прорычала Охотница с кастетами, делая выпад трезубцем. Я попыталась увернуться, но зубы задели мою руку, выбили веер из моей

руки.

Я прижимала раненую руку к себе, мы двигались, как гладиаторы на ринге. Без железного веера я могла полагаться только на ловкость капоэйры. Покачиваясь и уходя от выпадов, я взглянула на первый уровень, надеясь, что Феникс одолел Паучиху и шел на помощь ко мне. Но он все еще бился на ножах. Темная куртка Воплощенной была порвана местами, и к моему недовольству, я увидела, что Феникс был во множестве порезов от джамбии, он нуждался в помощи сильнее меня.

Охотница сделала выпад к моей груди. В последний миг я уклонилась, но один зубец задел мои ребра. Я едва увернулась от другого выпада, знала, что придется закончить бой быстро, пока она не пронзила меня, как рыбу. Вариантов не было, я устала уклоняться, так что попыталась поступить как Сабина в отчаянной ситуации. Вспышка вдохновения — я вспомнила ее любимый ход.

Охотница снова повернула трезубец, я скользнула в сторону, упала на руки и выгнула правую ногу над головой, как жало скорпиона. Удар был неожиданным, попал по лицу Охотницы. Она отшатнулась, упала, как дерево, на татами.

Ощущая прилив адреналина, я усмехнулась от удивительной победы.

— Что ж, это обидно, — Дамиен с отвращением окинул взглядом павших Охотников. — Но если хочешь сделать работу хорошо, делай ее сам.

Он взял рапиру, серебряный клинок сиял, как игла. Он запрыгнул на платформу. Я подумывала взять трезубец и защищаться, но я не владела этим оружием. И я хотела помощь Фениксу.

Я услышала крик боли и подняла взгляд. Феникс обмяк у перил, Паучиха была прибита к стене двумя ножами, стилет торчал в плече, в другом была джамбия.

— Лови! — крикнул Феникс. Он был ранен, но как-то бросил мне меч самурая. Я поймала его за рукоять, снова ощутила силу и умения Миоко в своем теле. — До первой крови! — застонал он и потерял сознание на полу.

Дамиен злобно усмехнулся.

— Ох, твой Защитник тебя подвел.

— Ошибаешься! — яростно ответила я, вытащила катану, и стало видно изогнутый длинный клинок. — Он научил меня защищаться.

50

Мы стояли напротив друг друга на платформе, самурай против фехтовальщика, катана против рапиры. Дамиен стоял прямо, держал легко меч одной рукой, другую подняв для равновесия. Я опустила в позе кендзюцу, сжимая катану обеими руками. Клинок сиял, как луч света, передо мной.

— Готов закончить ту дуэль, Тора Цумэ? — бросила вызов я, боль за Феникса питала мою ярость.

Дамиен взмахнул рапирой и рассмеялся.

— Я восхищаюсь твоим юмором, Дженна. Но разве ты не помнишь, как для тебя кончился тот бой?

— А ты не помнишь, как кончился бой в гробнице для тебя? — парировала я, крепче сжимая меч.

Дамиен нахмурился.

— Наш бой не закончен, пока один из нас не умер навеки, — он оскалился. — Этой ночью твою душу ждет конец.

Он бросился на меня, рапира двигалась так быстро, что я ее едва видела. Я подвинулась в сторону, но все еще ощутила жгучий укол в предплечье. Капли крови потекли из раны.

— Первая кровь! — ухмыльнулся Дамиен.

Я раздраженно опустила катану, рассекая его тело, но Дамиен быстро отскочил. Он выполнил еще один молниеносный выпад, и острый кончик рапиры пронзил меня во второй раз. Он еще раз отпрянул на безопасное расстояние.

— Я давно этим не пользовался, — он любовался тонким оружием. — Но мне нравится!

Он снова напал, тыкал оружием и взмахивал в буре атак. Меня словно жалило облако пчел. Я отражала и атаковала, но, хоть я была умелой и опасной, как катана, его ловкость, скорость и досягаемость давали ему шансы. Я скривилась, кончик оружия оставил порез на моей щеке.

— Миоко-сан, я разочарован, — шутил Дамиен. — Дай мне хотя бы достойную самурая дуэль!

Я в гневе атаковала снова. Воззвав к навыкам Миоко, я ответила потоком ударов, быстрых движений, отгоняя Дамиена к краю платформы. Снаружи еще бушевали звуки боя, вопли «Ра-Ка! Ра-Ка! Ра-Ка!» становились громче. Вдруг меня пронзила знакомая боль в душе, как удар кулаком. Я с воплем упала на колени, и Дамиен смог уйти от моей атаки.

— Свет угасает, Дженна, — дразнил Дамиен, пока я пыталась встать. — Тьма идет.

— Надежда — видеть свет... несмотря на тьму, — ответила я, подавляя боль в душе и поднимая снова меч.

— Хорошие слова, — сказал он, — но ты не видишь свое неизбежное поражение!

Он снова исполнил быструю атаку.

Было сложнее защищаться, и его движения были слишком быстрыми, чтобы я видела и отражала. Мои гнев и отчаяние поднимались с каждой жгучей раной от его атак...

Не давай эмоциям затуманивать разум воина.

Слова наставника звучали в голове, я заставила себя успокоить дыхание, взять себя в руки. Я услышала тихий голос гуру: «Чтобы знать каждое движение врага, все твоё тело должно стать глазом».

Я билась с Дамиеном, пыталась следить за каждым его движением, изменением равновесия, каждой дрогнувшей мышцей. Слушая его намерения своим телом, как Фэйен учила меня в тайцзи, я стала ощущать его атаки, *слышать* его энергию. Он не успел сделать выпад рапирой, я ударила катаной, попала по рукояти его меча. Повернув запястье, я обезоружила его, взмахнула мечом. Его рапира застучала по полу, моя катана порезала его подбородок.

— Так достойнее? — спросила я, прижимая клинок к его шее.

Он гневно смахнул кровь с подбородка.

— Смерть — только начало, Дженна, — оскалился он. — Убьешь меня, и я вернусь в следующей жизни. Но ты — нет!

В тот миг двойные двери распахнулись, и Воплощенные ворвались. Дамиен использовал отвлечение, отскочил от моего клинка, как ниндзя Тора Цумэ, приземлился на пол среди них.

— Ты упустила шанс, Дженна, — сказал он, насмешливо хохоча.

Я сжала катану крепче, пытаюсь успокоить нервы, пока стая приближалась. Я знала, что тут шансов было мало. Но я приготовилась к бою.

А потом услышала за собой голос:

— Дженна, сюда!

Джуд помогала Фениксу в крови, но в сознании спускаться по лестнице, мешок оружия висел на ее плече, ее посох бо был в свободной руке. Они направились к концу купола, и, пока Воплощенные бежали к платформе, я поспешила за ними. Там была скрыта дверь, я не заметила ее раньше. Джуд прижала большой палец к сканеру, дверь открылась. Как только мы прошли, дверь закрылась, заперлась. Воплощенные яростно колотили ее.

— Могут стучать, сколько хотят, — улыбнулась Джуд, — но та дверь — четыре дюйма прочной стали!

— Где мы? — я была рада побегу. Я посмотрела на лестницу, ведущую к узкому коридору, тускло озаренному полосками света.

— Служебные туннели, — объяснила Джуд. — Они соединяют главные здания. Так я добралась до вас незаметно для них.

Я убрала меч в ножны, Джуд бросила мешок оружия к ногам, Феникс прильнул к стене. Я скривилась от ран на его груди и руках.

— Ты в порядке?

Он кивнул.

— Пара царапин, — он улыбнулся с болью. — Я буду жить. Я рад, что ты жива. Прости, что не...

Я прижала палец к его губам, заглушая его извинение.

— Нет, даже не думай так. Если бы не ты, я не получила бы так много навыков. Ты показал мне, как защититься. Напомнил, как владеть мечом. Это важно, как и то, что ты — мой щит.

— Судя по тому, что я видела, тебе не нужен щит, — отметила Джуд поверх стука разъяренных Воплощённых, — хотя нам нужно чудо, чтобы сбежать от Танас.

Я взглянула на Воительницу. На ее левой щеке был синяк, порезы на руках, костяшки были разбиты. Она билась, чтобы дойти до нас.

— Чудо, что ты прибыла вовремя, — благодарно сказала я, — иначе мы с Фениксом были бы мертвы или в плену.

Я понимала, что Джуд спасла меня во второй раз сегодня, в четвертый вообще, если считать спасение в аэропорте и на пляже. И было время, когда она отрубила кобре голову, как Ранеб... Я начинала стыдиться своей враждебности к ней. Но я не могла простить ее за то, что она не защитила Аю, мою близняшку. Если бы она была такой храброй тогда, то моя сестра могла бы быть живой и рядом со мной сегодня.

— Другие дошли до пирамиды? — спросил Феникс, с трудом выпрямляясь.

Джуд выглядела мрачно.

— Некоторые, но не все.

Почти боясь спрашивать, я шепнула:

— Кого мы потеряли?

— Лучше пойти и увидеть, кого мы не потеряли, — сказала Джуд, избегая моего встревоженного взгляда и беря мешок. — Надеюсь, оружия всем хватит.

51

— Дженна! — закричал Тарек, когда мы вышли из скрытой двери в отполированном мраморном полу пирамиды. Его кудрявые волосы были спутаны, очки — в трещинах и изогнутые, на лбу и сбоку лица засохла кровь. Он поспешил помочь Джуд и мне с Фениксом. — Свет, что с вами произошло? — охнул Тарек, глядя огромными глазами на

множество ран от ножей у Феникса.

— Мы столкнулись с Дамиеном и его бандой, — объяснила я, опуская Феникса на пол.

— Я в порядке, — простонал Феникс, кривясь, отмахиваясь от нас. — Честно, не так больно, как выглядит.

— Надеюсь! — ответил Тарек.

Не веря браваде Феникса, я схватила аптечку из наспех собранных вещей, стала латать худшие из его ран. С помощью Тарека и быстро остановила кровотечение и перевязала худшие порезы, мои навыки военной медсестры сновагодились.

— А ты? — Тарек кивнул на порез на моих ребрах от трезубца Охотницы.

Только тогда я осознала, что было больно. Кроме пореза на ребрах, был синяк на затылке, порез на щеке и много колотых ран от рапиры Дамиена.

— Лучше и меня подлатать, — сказала я.

Тарек обрабатывал мои раны, я глядела на горстку выживших в Солнечной Комнате. Сантьяго обмяк на полу, держась за голову. Табиса качала рыдающего Кагисо, тщетно пытаясь утешить его. Таша — ее русые волосы были растрепаны, голубые глаза нервно озирались — сжимала морщинистую, но уверенную ладонь Вивианы, которая улыбнулась утомлённо и радостно при виде меня. Гоггинс в крови стоял на страже рядом с ними. Клары не было видно. Как и Мика, Цзинтао и его дочери. Одинокая Сун-Хи рыдала в руках своего Защитника Блейка. Из Воинов, кроме Тарека и Джуд, осталась только несколько: Косум, девушка из Таиланда, которую я видела на уроке боевых искусств Гоггинса, Зара из Бразилии, поднимающая грузы, и блондин с бородой из Норвегии по имени Стейнар, который напоминал телосложением Тора и выглядел сломлено.

Я обрадовалась на миг, заметив Калеба. Он стоял на коленях у центрального алтаря, склонив голову в молитве. Оставив Феникса с Тарексом, я пошла к Пророку. Гоггинс кивнул, когда я прошла, и я заметила, что его глаза были красными от дыма или... слез? Тогда я поняла. Наша ситуация была ужасной, раз даже Главный Защитник плакал.

В тот миг Таша прибежала в мои объятия, уткнулась головой в мою грудь.

— К-Клара ушла... навеки, — выла она. Я держала ее дрожащее тело, нежно гладила ее волосы, пока она всхлипывала. — Она отгоняла Воплощенных, чтобы я вошла в пирамиду... но Танас поймала ее... и убила... на наших глазах!

Я посмотрела на забаррикадированную дверь. Танас стояла наружи с ее жрецами в капюшонах, все были в темных очках, словно ночь была слишком яркой для них. Тело Клары лежало у их ног. Меня мутило, я отвела взгляд, заметила недовольного Дамиена. Он пришел к своей госпоже, в банде не было Паучихи, они шли на расстоянии за ним, хромя и баюкая раны. Вокруг пирамиды толпой были остальные выжившие Воплощённые. Они били по окнам, один попытался прострелить стекло, но пуля срикошетила и убила его.

Гоггинс издал невеселый смешок.

— Они еще не поняли? Стекло пуленепробиваемое и защищено от бомб!

Оставив расстроенную Ташу с Вивианой, я пошла к алтарю.

— Калеб? — тихо сказала я.

Он поднял взгляд. Он миг будто не узнавал меня, а потом его лицо озарила радость.

— Хвала Свету, ты цела! — воскликнул он, вскакивая. — Я потерял связь с тобой, когда Цзинтао и Сун принесли в жертву. Я верил, что и ты потеряна.

Он крепко сжал меня обеими руками, словно боялся отпустить.

— Мы ходили за оружием, — объяснила я. — Из купола.

— Нам не нужно оружие, — он глядел на меня почти с благоговением. — Ты — наше оружие!

Я глядела на него растерянно, переживая из-за безумного блеска в его глазах.

— О чем вы?

Калеб выпрямился и кашлянул.

— НАДЕЖДА НЕ ПОТЕРЯНА! — заявил он. — Та, что из Пророчества, среди нас!

Он взял меня за руку, поднял ее к небу. Потрясённая тишина воцарилась в Солнечной Комнате, только стук по стеклу раздраженных Воплощённых вмешался в шок объявления. Вес взглядов, казалось, выбил воздух из моих легких. Я лишилась на миг дара речи.

А потом резко повернулась к Калебу.

— Вы же говорили, что не знали! — прошипела я под нос.

— Теперь знаю, — ответил Пророк с мудрой улыбкой. — Я увидел правду еще в чайной церемонии, когда раскрыл, что ты могла соединиться душой с другими.

Я хмуро посмотрела на него, вспомнив его странный взгляд, когда он всматривался мне в глаза.

— Вы знали с тех пор?

Калеб пожал плечами.

— Я знал, но я не осмелился доверять инстинктам.

— Так почему мы должны доверять тебе в этот раз, Калеб? — крикнул Сантьяго, недоверчиво глядя в мою сторону. Я повернулась к Калебу, тоже сомневаясь в его суждении. Я не ощущала себя избранной. А если он снова ошибся?

Калеб смело шагнул вперед.

— Потому что Эмпоте выбрал ее первым. Он видел *su'tach* Дженны. Он видел, как она одолела Тьму!

— Я не побе... — начала я.

— Мы все знаем, что душа Дженны сияет ярче и смелее других из-за ее Духовного Близнеца, — пылко говорил Калеб, несколько Предков согласно кивнули, включая Вивиану. — Ее Защитник, Феникс, тайно тренировал ее в Мерцающем Куполе. Дженна не только Первый Предок — она теперь и Воин!

Потрясенный шепот пронесся по Предкам и Защитникам, они посмотрели на Феникса он просто кивнул.

— Даже так, Дженна не обязательно *та самая*, — парировал Сантьяго.

Калеб повел меня вперед, словно показывал победителя.

— Через связь я увидел, как Дженна билась с Охотниками в Мерцающем Куполе, — сказал он. — Только истинная душа могла одолеть такое количество сильных Воплощенных сама. У нее Свет — как оружие!

— Я бы хотел это увидеть, — буркнул Гоггинс, но любопытно, а не враждебно.

Таша взволнованно запрыгала.

— Я верю, что Дженна из Пророчества!

Робкая улыбка скрыла мою панику от ее энтузиазма. Ситуация быстро выходила из-под контроля.

— Таша, я рада твоей вере в меня, но это может быть ошибкой...

— Вряд ли, — заявил Феникс, поднимаясь на ноги. — Я в тебя верю, Дженна. Всегда верил.

— И я, — сказала Табиса, ее сынок Кагисо тихо бормотал, словно в согласии.

Мои возражения не слышали, Сун-Хи и ее Защитник тоже одобрительно говорили. Вивиана молчала, ее морщинистое лицо выражало горе, а Джуд и Сантьяго оставались не убежденными, как и я. Мне казалось, что я — не спаситель, и слова Калеба были попыткой поднять боевой дух. Но в его сияющих глазах была уверенность. Я хотела бы такое ощущать. Моя решимость остановить Танаса была сильной, но судьба всех в моих руках — и я не знала, как победить — ощущалась неправильно... это могло всех погубить.

Заметив мои колебания, Феникс подошел, хромя.

— Дженна, я сам видел, на что ты способна. У тебя дар, и Свет горит в тебе ярко.

Я отвернулась от выжидающих взглядов Предков и шепнула ему:

— А если, как Мерсия, я не та, что в Пророчестве? Кaleb уже ошибался.

Он встретил мой вопрос непоколебимой уверенностью.

— Я убежден, что это ты. Вспомни слова Эмпоте в машине: «Только надежда сильнее страха». Веришь ты, что ты — истинная душа, ли нет, вы вернула всем надежду, это уже может помочь нам выжить.

— Тогда что мне делать? — спросила я почти с мольбой в голосе.

Феникс крепко сжал мою ладонь.

— Зажги искру, когда давит Тьма.

— Но я не знаю, как сосредоточить Свет! — возразила я. — Не умею так, как Мерсия сделала с Берсерками...

— Танас что-то затевает, — перебил Стейнар хриплым голосом.

Мы посмотрели на дверь, две большие канистры поставили у входа, Воплощенные лили содержимое на укрепленное стекло.

— Не переживайте. Пирамида построена как убежище, — объяснил Гоггинс. — Им нужен таран, чтобы пробить дверь.

Стекло стало затуманиваться, появился иней.

— Вряд ли они используют таран, — Тарек с интересом смотрел на затуманившуюся дверь. — Те канистры содержат жидкий азот. Танас пытается заморозить стекло и ослабить его.

— Джуд, раздавай оружие, — приказал Гоггинс, проверяя пустой магазин пистолета и раздражённо бросая оружие. — Защитники и Воины, спасайте своих Предков! И, Дженна... если ты из Пророчества, пора доказать это!

52

Я застыла посреди паники, пыталась призвать Свет. Джуд раздавала оружие, которое Феникс забрал из Мерцающего Купола, а я думала о Мерсии, как она возвала к энергии души и горела.

— Я — Пророчество... Я — Свет... — бормотала я, глядя на свои ладони. — Я — искра, которая победит тьму... Я — Пророчество... Я — Свет...

Я повторяла мантру снова и снова, надеясь, что это раскроет мои силы. Феникс стоял рядом с римским гладиусом в руке. Джуд была с другой стороны от меня с посохом бо. Остальные Защитники и Воины заняли места вокруг их Предков, которые смотрели в мою сторону, выжидая. Вне пирамиды Воплощенные притихли, их тишина беспокоила сильнее их воя и стука по стеклу.

Двери замерзли, и Феникс повернулся ко мне.

— Что-нибудь раскрыла?

Я тряхнула головой, зная, что все наблюдали, и продолжила мантру с большим пылом.

Пару раз повторив, я не получила эффекта и ощутила отчаяние. Я не могла так призвать Свет. А потом я вспомнила последние слова Эмпоте для меня: «Загляни в себя, чтобы зажечь искру».

Я стала думать обо всем, что я сделала. Все мои жизни. Все, что я потеряла. Мои друзья... родители... сестра...

Я вдруг вспомнила древний каменный круг у Эндовера, сильный Проблеск о девочке с золотыми волосами и божественным светом в ней, словно ее сердце было крохотным солнцем... Моя сестра умела направлять Свет!

Что она чувствовала, ощущала ты. Что ты испытала, испытала она.

Закрыв глаза, я искала способность сестры, то, как она открыла себя вселенной, и Свет потёк через нее рекой. Я повторяла мантру, кожа словно тепло засияла. Я говорила быстрее громче, и сияние во мне росло. Ощутимый жар стал исходить от ладоней, словно углей.

— Вот! — охнул Калев. — Ты владеешь Светом!

С каждым повтором мантры ощущение усиливалось, и я почти могла представить Свет, сияющий лучами из моих ладоней...

Раздался грохот, испугав меня. Я открыла глаза, ожидая увидеть Воплощенных на пороге.

— Не переживай, Дженна, — сказал Феникс, поправляя хватку на гладиусе. — Стекло выдержало.

— Пока что, — буркнула Джуд с посохом наготове.

— Если в пирамиду пройдут, — сообщил Гоггинс, — уходите в туннели.

Второй грохот сотряс пирамиду, зловещая трещина побежала по одной из дверей. Стекло держалось, но шум отвлекал меня. Сила Света ушла из меня, сияние на коже растаяло.

Я мрачно вспомнила, как угас Свет Мерсии, позволяя Танасу набраться сил и подавить ее. Я поняла недовольно, что не могла управлять Светом, как сестра, и не так долго, чтобы он был оружием.

Калев и другие смотрели на меня, затаив дыхание, просили мысленно продолжать. Но я глядела на них, искала уверенность, что я была из Пророчества. И все же я поклялась исправить ошибку, приведя сюда Танаса, так что не могла сдаваться. Пока не могла. Нужно было думать о чем-то еще.

Я посмотрела через стеклянные панели пирамиды, надеясь найти вдохновение. Наступила ночь. Небо казалось чернее обычного, звезд было мало. Даже луна почти пропала, полумесяц был как порез лезвием, ночь душила свет. Чернильное небо напомнило два моих *su'tach*. В тех снах у меня были хворост и спички. Но как я должна создать искру сейчас? У меня не было ничего для огня, моего внутреннего Света не хвати и на спичку.

Мне нужно было что-то больше, чтобы собрать и сосредоточить Свет.

— Что Танас делает теперь? — буркнул Стейнар, шурясь, следя за силуэтом Воплощенного, положившего что-то у основания двери.

— Стекло должно выстоять заморозку, — сказал Тарек, встревоженно хмурясь, — но если быстро нагреть его, оно разобьется от шока.

— Готовьтесь! — приказал Гоггинс, поднимая боевую дубинку маори в огромной руке.

Феникс взглянул на меня.

— Сейчас или никогда, Дженна!

Калев увидел отчаяние в моих глазах.

— Верь! Ты — Та самая!

«Верь...» — я подумала о молитве Калеба, мой взгляд упал на верхушку алтаря. Я снова услышала голос Эмпоте в голове: «Одолеть Тьму можно только Светом!».

Я повернулась к Тареку.

— Эта пирамида накапливает Свет? — спросила я.

Он кивнул.

— Мы питаем Хейвен солнечной энергией.

— Можно изменить поток?

Он нахмурился сильнее.

— Технически...

— Сделай это! — сказала я быстро.

Тарек глядел на меня, не понимая.

— Но всплеск такой энергии будет катастрофой.

— Именно, — ответила я.

Тарек хитро улыбнулся.

— Гений! Это будет как...

Вдруг взрыв чуть не сбил нас с ног, земля задрожала, шар огня окутал пирамиду. Стекло двери разбилось с оглушительным треском.

Мы пришли в себя, Тарек подбежал к алтарю, провел пальцем по дисплею, стал яростно печатать. Гоггинс и его Защитники и Воины создали стену против Танас и ее Воплощённых, которые вырвались из дыма и обломков, окружили нас за секунды.

Танас быстро окинула взглядом наше жалкое сопротивление.

— Последний Свет, — насмеялась она. — Каким тусклым он стал.

— Ты никогда не потушишь Свет! — прорычал Гоггинс, направляя на нее дубинку. — Не при мне.

Танас ухмыльнулась.

— О, собака лает, но зубов нет.

Я тревожно оглянулась. Пальцы Тарека еще летали по консоли на алтаре, он сосредоточенно склонил голову.

— Долго еще? — шепнула я, его быстрая активность была скрыта от глаз Танас Фениксом, Джуд и мной.

— Почти! — ответил он, пот стекал по лбу.

Калев храбро шагнул вперед.

— Мы не боимся тебя, Танас, — сказал он. — Свет всегда будет сиять во Тьме... и у Тьмы конец.

Танас тихо рассмеялась.

— Старик, ты запутался. Тьма поглотит Свет! И ночь уже сгущается.

Она махнула на черное небо.

— Тут ты ошибаешься, Танас, — сказал Калев, стукнул тростью по мраморному полу, споря. — Душа из Пророчества положит конец ночи и принесёт новый рассвет!

Танас приподняла тонкую бровь за очками.

— И кто избранный в этот раз? — она оскалилась.

С торжеством на морщинистом лице Калев повернулся ко мне.

— Дженна... наш Спаситель!

Танас взглянула на меня и рассмеялась.

— Она? Еще одна ложная надежда. Калев, когда ты научишься? Эта школьница-спаситель — просто свеча на ветру. Один мой выдох, — Танас щелкнула пальцами, — и ее огонек погаснет!

— Ты не смогла сделать это в прошлый раз, — дразнил ее Феникс. — Тебя потушили! Танас хмуро посмотрела на него.

— Вы убили меня раз в этой жизни, но я вернулась сильнее!

Феникс поднял меч.

— Тогда я буду резать тебя, пока ты не перестанешь возвращаться.

Танас провела взглядом по ранам и бинтам.

— Похоже, один из моих Охотников оставил на тебе след. Нужно завершить ее работу.

Она смеялась над ранами Феникса, а я заметила, что Дамиен с интересом смотрел на Тарека мимо нас. Я шагнула вперед, мешая ему видеть.

— Я одолела твоих Охотников, Танас, — заявила я, вытаскивая катану, — одолею и тебя!

— О, смелые слова от Первого Предка, любящего мир, — едко ответила Танас. — Когда ты стала такой напористой? Я думала, вы, Предки, всегда за своими Защитниками.

— Это наши щиты, — ответила я, — но это не означает, что мы не можем держать меч. А этот пронзит тебя!

— Да? — ее терпение вдруг лопнуло, Танас зарычала. — Воплощенные! Затухите ее Свет... навеки!

С ревом Воплощенные бросились вперед.

— Отступаем в туннель! — приказал Гоггинс.

— Нужно дать Тареку больше времени, — завопила я, отбиваясь от Воплощенного с топором. — Это наша единственная надежда.

— Я думал, ты была нашей надеждой, — ответил Гоггинс. Он дико махал дубинкой, оглушил троих одним ударом.

— Просто задержите их еще немного, — попросила я, отражая удар меча, направленный к спине Тарека.

Меч Феникса сверкал, как молния, посох Джуд стал размытым пятном, сбивая всех, кто подходил ближе. Стейнар, Косум и другие Защитники яростно бились, пытаясь проложить безопасный путь к входу в служебный туннель.

— Тарек! — крикнула я, волна Охотников разбивалась об нашу защиту.

— Еще... секунду... Есть! — закричал он. На алтаре загорелась круглая иконка солнца с глазом, мягко пульсируя.

— Тогда чего ты ждешь? — ответила я, пиная Охотника, который шел ко мне с бейсбольной битой. — ЗАЖИГАЙ!

Но Тарек не успел, его оттолкнул кулак-молот Бандита, он упал на пол. Гоггинс и несколько оставшихся Воинов бились в плотном круге, защищая последних Предков. Калев даже вытащил скрытый клинок из трости и отважно отгонял нападающих, подходящих близко. Но их было слишком много. В хаосе Охотница с кастетами схватила Ташу и понесла ее, кричащую и брыкающуюся, к Танас. Жрецы-демоны в капюшонах тут же стали скандировать «Ра-Ка! Ра-Ка! Ра-Ка!», и Танас начала жуткий ритуал, чтобы принести в жертву жизнь и душу Таши.

— Таша! — завопила я, бросилась к алтарю и нажала на иконку солнца. Верхушка вспыхнула Светом. Горя ярче сверхновой, он лился лучами во все стороны, отражался от

стеклянных панелей пирамиды, создавая ослепительную сложную паутину. Свет раскалился добела, воздух мерцал, и мое тело трещало от энергии. Даже мой меч будто сиял изнутри, словно его еще ковали. А потом верхушка перегрузилась и взорвалась последней вспышкой Света, разбив панели пирамиды и отогнав ночь.

53

Я услышала хруст стекла и осторожно открыла глаза. Феникс улыбался мне, лицо мерцало.

— Когда я сказал «зажги искру», я не это имел в виду, — он помог мне встать. — Но это сработало!

Я ошеломленно окинула разрушения взглядом. Осталась только рама пирамиды. Ковер из мелких осколков лежал всюду, блестя, как снег. Танас и Воплощенные лежали на земле, не шевелясь. Гоггинс нежно убирал осколки из белых волос Вивианы, а Косум проверяла испуганную Ташу. Стейнар осторожно помог Табисе проверить ее удивительно спокойного сына, а Сантьяго и Сун-Хи неподалеку встали и отряхивались.

Все были в порядке. Их кожа сияла Светом, и мои раны пропали. Я была рада, что болезненные порезы и синяки Феникса то ли исцелились, то ли исчезли.

Джуд оперлась на свой посох бо.

— Так... кто-то объясни, что произошло?

Тарек присвистнул и посмотрел на разбитый алтарь.

— Мы взорвали эпичную Световую гранату! — сказал он потрясенно. — Хотя, если честно, это скорее была Световая бомба. С такой силой взрыв мог убить и нас.

— Приятно знать это, — сухо ответила Джуд. — Но я рада, что я — не Воплощенная, — она пнула Бандита ногой, не получила ответа. Другие Воплощенные тоже не двигались. Дамиен лежал рядом со своей госпожой, темные очки треснули, тело не шевелилось.

— Конец! — я вздохнула, выронила катану и погрузилась в объятия Феникса с облегчением. — В этот раз все кончилось, да?

Феникс заглянул в мои глаза, в мою душу.

— Думаю, да, — сказал он с первой беззаботной улыбкой за все время, что я его знала. — Твоя жизнь с моей, как всегда?

Тепло наполнило мое сердце, и я знала, что это чувство не было связано со Светом.

— Всегда, — ответила я, ощущая, что барьеры, которые сдерживали его, пропали.

Феникс склонился, и я услышала настойчивое мяуканье, опустила взгляд. Нефертити с песочной шерстью, мерцающей от порошка из стекла, терлась об мою ногу, требуя внимания. Я посмотрела на Феникса и закатила глаза.

«Вовремя, Нефе!» — подумала я, но подняла верную кошку и отряхнула ее шерстку.

— Как ты выжила? — спросила я, глядя ее шерсть. Она громко урчала в ответ.

— Думаю, у нее девять жизней, — рассмеялся Феникс, дружелюбно почесав ухо Нефе.

— Думаю, у всех нас девять жизней, а то и куда больше! — Тарек взглянул на исцеленных и мягко сияющих выживших.

Его шутка разбила напряжение, я рассмеялась. Мое счастье задело всех, и вскоре все мы смеялись, даже Гоггинс. Радость после многих дней и ночей бега и борьбы. Я не могла поверить, что неделю назад праздновала день рождения Приши с Мэй, говорила о концерте и отдыхе на Барбадосе. Я отказалась от своей натуры Первого Предка, объясняя Проблески как воображение!

А я оказалась больше, чем мечтала и воображала.

Я одолела Танас. Одолела Тьму. Я спасла Свет.

Волна облегчения затопила меня, и я поняла, что загладила вину за то, что подвергла Хейвен опасности, спасая своего Защитника. Масштаб того, кем я была, что я сделала вместе с Предками и Защитниками, стал впитываться...

Как и осознание последствий моих действий.

Моя радость угасла, я посмотрела на безжизненные тела среди обломков после взрыва. Столько смерти и разрушения. В таком жалком состоянии Дамиен снова казался подростком, каким был раньше. Темноволосый и бледный, с юным худым лицом, он не отличался от мальчиков в моей школе.

— А Охотники? И другие Воплощенные? — робко спросила я у Калеба. — Они... мертвы?

Кaleb убрал тонкий меч в трость с набалдашником в виде головы льва. Он опустился на колени, осмотрел Воплощенного, растянувшегося у его ног. Глаза мужчины были пустыми, не видели.

— Такой сильный взрыв Света выжиг Тьму в их душах, — объяснил он. — От них самих осталось так мало, что, боюсь, мы забрали и их жизни.

Я сглотнула, ощущая горечь вины.

— Их души вернуться? — спросила я.

— Сложно сказать, — ответил Калеб. Он встал с помощью трости. — Но я надеюсь, что их очищенные души переродятся. И они будут тогда свободными, более счастливыми и благодарными за жизнь, чем раньше.

Это немного успокоило мою совесть. Мой взгляд упал на тело Танас, черные волосы скрыли ее лицо, как маска смерти.

— А Танас? Она вернется?

Калеб повернулся ко мне с уверенным и гордым видом.

— Несомненно, Дженна, ты из Пророчества, — заявил он, голубые глаза сияли, как алмазы. — Та, что зажигает Тьму, когда никто не может создать искру! Как солнце отгоняет ночь, так и твой Свет послал Тьму туда, откуда она прибыла. Искаженная душа Танас пропала навеки.

Пророк поднял руки к ночному небу, и небо будто взорвалось звездами, словно все потерянные и живые души горели теперь чисто и ярко. Первые Предки и Защитники присоединились к праздничному ритуалу. Отложив оружие и подняв руки, они тихо пели, как райский хор.

Я удивленно смотрела, Нефе вдруг зашипела и напряглась в моих руках.

— Что такое? — я попыталась успокоить ее, но она выпрыгнула из моей хватки.

— Хвала Свету! — пел радостно Калеб, все глядели на небо. — Дженна — истинная ду...

Он подавился, сияющие глаза расширились в шок, он откашлялся кровью. Острый кончик нефритового клинка торчал, как ядовитый шип, из его груди. Калеб обмяк на пол, Танас поднялась за ним с презрительной улыбкой на лице.

— Вот вам и Пророчество! — прорычала она.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net